

Учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КРИМИНОЛОГИИ,
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ
И ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ**

Международная
научно-практическая заочная конференция,
посвященная 30-летию уголовно-исполнительного факультета
(г. Минск, 11 апреля 2023 г.)

Тезисы докладов

Минск
Академия МВД
2023

УДК 343.8
ББК 67.409
А43

Редакционная коллегия:

кандидат юридических наук *В.В. Стальбовский* (ответственный редактор),
кандидат юридических наук, доцент *Н.В. Кийко*,
кандидат юридических наук, доцент *С.М. Казакевич*,
кандидат юридических наук, доцент *Т.Г. Терещенко*,
кандидат юридических наук *А.А. Тум*,
кандидат юридических наук, доцент *В.С. Шабаль*

А43 Актуальные вопросы криминологии, противодействия коррупции и исполнения наказаний : тез. докл. Междунар. науч.-практ. заоч. конф., посвящ. 30-летию уголов.-исполн. фак. (Минск, 11 апр. 2023 г.) / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: Н.В. Кийко (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Академия МВД, 2023. – 187, [1] с.
ISBN 978-985-576-395-7.

Рассматриваются вопросы развития и дальнейшего совершенствования уголовно-исполнительного законодательства в Республике Беларусь и странах ближнего зарубежья, а также криминологические аспекты изучения негативных социальных явлений на современном этапе развития общества. Содержатся предложения по совершенствованию исполнения наказаний и иных мер уголовной ответственности. Даются рекомендации по повышению эффективности мер предупреждения преступности.

Адресовано целевой аудитории, преподавателям, адъюнктам, аспирантам, лицам, обучающимся в учреждениях высшего образования юридического профиля.

УДК 343.8
ББК 67.409

ISBN 978-985-576-395-7 © УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2023

Раздел I

ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА, ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ И ИНЫХ МЕР УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ЗА РУБЕЖОМ

УДК 159.9:343.8

С.Б. Адаськова

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГОТОВНОСТИ К ВЕДЕНИЮ ПРАВОПОСЛУШНОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ К ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

Психологическое обеспечение воспитательного воздействия на осужденных к лишению свободы – это планомерная деятельность психологических служб исправительных учреждений по реализации комплекса мероприятий психолого-педагогического характера, направленных на повышение эффективности воспитательного воздействия осужденных к лишению свободы с целью формирования у них готовности к ведению правопослушного образа жизни после освобождения из исправительного учреждения.

Основными направлениями психологического обеспечения воспитательного воздействия на осужденных в исправительных колониях являются: психологическое просвещение осужденных; адаптация вновь прибывших к порядку и условиям отбывания наказания, психологическая подготовка осужденных к освобождению из исправительных учреждений; реализация психокоррекционных и тренинговых программ в рамках деятельности психологической лаборатории учреждения, психологическое сопровождение осужденных, нуждающихся в усиленном психолого-педагогическом воздействии в силу личностных и индивидуально-психологических особенностей, вызывающих проблемы при взаимодействии с окружающими (состоящих на психологическом учете), мониторинг состояния социально-психологического климата в отрядах осужденных.

Следует отметить, что формирование социально полезных навыков, необходимых для успешной жизнедеятельности в обществе, в пенитен-

циарный и постпенитенциарный период осуществляется в процессе психологического обеспечения исправления осужденных при реализации всех вышеперечисленных направлений деятельности психологической службы исправительных колоний на протяжении всего периода отбывания наказания с учетом специфики задач каждого из его этапов (начальный, основной, завершающий).

Начальный этап отбывания наказания в виде лишения свободы связан с процессом адаптации к условиям отбывания наказания, который является напряженным и тревожным, особенно для лиц, впервые отбывающих наказание. На этапе адаптации психологической службой исправительного учреждения с осужденными проводятся психологическая диагностика, индивидуальные консультации и коллективные психолого-педагогические мероприятия, направленные на стабилизацию психоэмоционального состояния, снижение уровня тревожности и интенсивности негативного влияния условий лишения свободы на личность, формирование психологической готовности к соблюдению порядка и условий отбывания наказания, навыков конструктивного построения взаимоотношений с окружающими людьми.

На основном этапе отбывания наказания главными задачами деятельности психологической службы исправительных колоний выступают: нейтрализация социально неприемлемых качеств личности, в том числе склонности к агрессивному и конфликтному поведению, а также различным формам зависимого поведения, формирование отрицательного представления об иждивенческом образе жизни, ориентация на трудовую и иную полезную занятость.

Важнейшей задачей, реализуемой на основном этапе отбывания наказания, является развитие у осужденных социально значимых личностных компетенций, способностей и внутренних потребностей к самопознанию, самоанализу и саморефлексии, критической оценки себя и своего поведения, потребность принятия ответственности за свои действия и поступки, формирование положительной жизненной перспективы, волевых и коммуникативных качеств, эмоциональной устойчивости и позитивного мышления.

Реализация вышеназванных задач осуществляется посредством организации и проведения коллективных мероприятий по психологическому просвещению осужденных, их включению в коррекционные либо тренинговые группы для прохождения психокоррекционных (тренинговых) программ в рамках деятельности психологической лаборатории исправительного учреждения, а также в ходе индивидуальной консультативно-коррекционной работы.

Навыки, значимые для успешной социальной адаптации, особенно активно приобретаются осужденными в ходе участия в групповой психокоррекционной и тренинговой работе в рамках деятельности психологических лабораторий исправительных учреждений. Данное направление психологической работы предусматривает прохождение осужденными в плановом порядке психокоррекционных либо тренинговых программ (серии коррекционных занятий), направленных на формирование (развитие) у осужденных определенного комплекса социально и личностно значимых навыков и умений либо устранения черт характера и склонностей, негативно влияющих на социальную адаптацию.

Завершающий этап отбывания наказания, с одной стороны, связан с ожиданием предстоящего освобождения, с другой – с внутренним напряжением, мыслями о предстоящей адаптации в обществе и перестройке жизни, ожиданием отрицательного отношения окружающих.

На данном этапе в ходе проведения психологических мероприятий (индивидуальных, групповых, коллективных) важной позицией является формирование конструктивной Я-концепции осужденных, проработки ее структурных составляющих, как системы личностных свойств, выступающих существенными в детерминации правомерного поведения осужденных в основных сферах жизнедеятельности после освобождения, а именно:

конкретизация жизненных планов и поиска правильных вариантов разрешения вероятных жизненных проблем; выработку адекватных представлений о самом себе и своих реальных возможностях – Я-образа, который соответствовал бы предполагаемой жизнедеятельности и способствовал бы реализации основных ее направлений в соответствии с необходимыми для этого социальными ролями (когнитивный компонент Я-концепции);

формирование адекватной самооценки и самоотношения, которые будут способствовать реализации должного Я-образа в основных сферах жизнедеятельности, построению конструктивных взаимоотношений с окружающими и разрешения межличностных проблем социально приемлемым способом, исключающим применение насильственных и агрессивных методов (эмоциональный компонент Я-концепции);

развитие умений, необходимых для социальной адаптации, самоконтроля поведения и поступков, гибкости мышления, проявляемого в выборе эффективных средств убеждения и оказания влияния на партнеров по общению умения правильно оценивать сложившуюся жизненную ситуацию и действовать с ее учетом, умения предотвращать и эффективно разрешать конфликтные ситуации, находить способы конструктивно-

го выхода из сложных ситуаций, проявлять адекватные эмоциональные реакции в процессе взаимодействия с окружающими (поведенческий компонент Я-концепции).

Таким образом, потенциал психологической помощи интенсивно используется в период отбывания наказания в виде лишения свободы в исправительных колониях при осуществлении исправления осужденных и формировании у них готовности к ведению правопослушного образа жизни после освобождения.

УДК 343.8

О.А. Адолевская

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ГУМАНИЗМА И ГАРАНТИРОВАНИЕ ПРАВ ЛИЦ, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

В Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации (УИК РФ) воплощена гуманистическая модель пенитенциарной политики: одной из основных целей уголовно-исполнительного законодательства названо исправление осужденных, а среди принципов – гуманизм (ст. 8 УИК РФ). Однако, оценивая действующее уголовно-исполнительное законодательство, можно сделать вывод, что не все права осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, гарантируются в соответствии с принципом гуманизма.

Принцип гуманизма нацелен на расширение возможности поддержания и развития социально полезных связей осужденных с родственниками. Коммуникации с внешним миром, в первую очередь общение с семьей и другими близкими лицами во время отбывания наказания, способствуют успешной ресоциализации осужденных и позволяют снизить уровень рецидивной преступности.

Важная роль семьи в исправлении и ресоциализации осужденных подтверждается современными исследователями сфер юриспруденции, психологии, социологии.

Регулярное взаимодействие осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, с членами семьи, в форме свиданий, звонков, переписки, отправки посылок и передач влияет на их успешную ресоциализацию.

Федеральным законом РФ от 16 октября 2017 г. № 292-ФЗ были внесены изменения в УИК РФ и увеличено количество свиданий для всех лиц, отбывающих наказание в строгих условиях исправительных коло-

ний разных видов. Так, если осужденные содержатся в исправительных колониях общего режима, то теперь им предоставляются 3 краткосрочных и 3 длительных свидания в течение года (ранее – по 2). Если в исправительных колониях строгого режима – 2 краткосрочных и 2 (а не 1) длительных свидания; в исправительных колониях особого режима и тюрьмах – 2 краткосрочных и 1 длительное (последнее прежде не полагалось); в воспитательных колониях – 6 краткосрочных и 3 длительных свидания в течение года (до изменений последние не предоставлялись).

Но резонно возникает вопрос, почему законодатель увеличил количество свиданий только для лиц, находящихся в строгих условиях отбывания наказания? Почему аналогично не увеличено число свиданий лицам, отбывающим наказание в обычных и облегченных условиях?

Увеличение количества свиданий для этой категории осужденных будет нацелено на успешные практики ресоциализации.

Этот вывод подтверждают результаты исследования по теме «Дорожная карта ресоциализации и реального включения в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него (2018–2021 гг.)», проведенного членами кафедры уголовного права и криминологии Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева, в ходе которого было опрошено две группы респондентов: 1) лица, содержащиеся в исправительных колониях общего и строгого режима в обычных и облегченных условиях (275 чел.), 2) лица, освобожденные из мест лишения свободы (100 чел.).

Большая часть респондентов первой группы до осуждения жили семьей с кем-то из родственников или с супругами (88 %). При этом с супругой (в официальном или неофициальном браке) проживало наибольшее количество опрошенных – 35 %, с детьми – 22 %, с родителями – 11 %, с супругой и детьми – 7 %, с другими родственниками – 13 % опрошенных. И только 12 % проживали по одному или у друзей. На вопрос о планах на самые первые дни после освобождения для большинства этих респондентов оказалось актуальным «*добраться до собственного места жительства*» (87 %) и «*встретиться с семьей*» (85 %).

Эти же респонденты оказались наименее удовлетворены работой Школы подготовки к освобождению в исправительных учреждениях по восстановлению и развитию связей с родственниками и близкими людьми. Что касается лиц, освобожденных из мест лишения свободы (100 чел.), то после освобождения проживали с кем-то из родственников или с супругами 85 % ответивших.

С учетом изложенного полагаем, что назрела необходимость в развитии более тесного сотрудничества, партнерства уголовно-исполни-

тельной системы с институтом семьи осужденного и использованием ее ресоциализационного потенциала. В образовательные программы Школы подготовки к освобождению в исправительных учреждениях необходимо включить темы, посвященные технологиям восстановления и развития семейных, родственных и иных социально полезных связей осужденных.

Заслуживает внимания в части коммуникаций осужденных с внешним миром зарекомендовавший себя положительно опыт зарубежных стран. Например, в американских тюрьмах телефоны установлены в каждом жилом блоке, и их достаточно, чтобы осужденные имели к ним разумный доступ. Заключенные могут пользоваться телефонами в нерабочее время утром или вечером. Что касается ограничений по использованию телефонов, то осужденные могут использовать в общей сложности 300 минут телефонного времени каждый месяц. В ноябре и декабре администраторы выделяют 400 минут, чтобы обеспечить *больше семейных контактов во время праздников*.

В отдельных странах в работу тюремных учреждений внедряются специальные программы, направленные на более активное взаимодействие осужденных с семьями и усиление поддержки правонарушителей, выходящих из тюрьмы.

Так, в штате Тасмания Австралии в тюрьме Рисдон внедрена тюремная программа The Inside Out Prison Program (White and Mason, 2003), которая направлена на оказание материальной и нематериальной поддержки заключенным и их семьям. Эксперты, которые оценивали работу программы The Inside Out Prison Program, пришли к следующим ключевым выводам: программа положительно влияет на психическое здоровье осужденных, поскольку предоставляет им полезный неинституциональный (вне учрежденческий) способ уменьшить / снять стресс, связанный с лишением свободы, возможность высвободить сдерживаемые эмоции. И главное, эта программа позволяет им лучше поддерживать связь со своими семьями и близкими.

Полагаем, что подобный программный формат работы с осужденными и их семьями при реализации уголовно-исполнительной политики заслуживает внимания и обсуждения специалистами в сфере юриспруденции. Тем более, что значительное число проблем в уголовно-исполнительной политике также решается путем принятия и реализации различного рода программ. В качестве примера можно привести Государственную программу Российской Федерации «Юстиция», утвержденную постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 312. Так, из отчета о ходе реализации и оценке эффективности Государствен-

ной программы Российской Федерации «Юстиция» в 2020 г. следует, что в рамках Ведомственной программы социально-психологической работы в отношении лиц, имеющих алкогольную и наркотическую зависимость, содержащихся в СИЗО и исправительных учреждениях УИС, курс мероприятий успешно прошли 3 154 осужденных.

В завершение отметим, что при формировании и реализации уголовно-исполнительной политики необходимо соблюдение принципов национального уголовно-исполнительного права и общепризнанных принципов международного права, в первую очередь принципа гуманизма. Разрыв между декларируемыми принципами и реальным воплощением их в жизнь не гарантирует реализацию основных прав и свобод человека в качестве высшей ценности.

УДК 343.01

О.И. Бахур

ГЕНЕЗИС ИНЫХ МЕР УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В современной отечественной уголовно-правовой науке активно обсуждается проблема расширения применения мер уголовной ответственности, не связанных с изоляцией человека от общества. Уголовный кодекс Республики Беларусь (УК) предусматривает такую форму реализации уголовной ответственности, как ее иные меры, применяющиеся на основе осуждения, но не являющиеся наказанием. В УК 1999 г. систему иных мер уголовной ответственности составляют: отсрочка исполнения наказания (ст. 77 УК), осуждение с условным неприменением наказания (ст. 78 УК) и осуждение без назначения наказания (ст. 79 УК), превентивный надзор (ст. 80 УК) и профилактическое наблюдение за осужденным (ст. 81 УК).

В условиях реформирования мер уголовной ответственности, обусловленного поиском наиболее эффективных форм ее реализации, вопрос об историческом развитии основных компонентов уголовной ответственности в целом, и ее иных мер в частности, представляет высокий научный и практический интерес.

Полагаем, что у истоков возникновения условного осуждения в иностранных государствах, с высокой долей вероятности, может лежать концепт «привилегии духовенства», поскольку на последующих исторических этапах законодательной основой иных мер уголовной ответственности могли стать идеи условного отлучения духовенства от церкви и

применения механизмов испытания, в качестве альтернативы реальному применению наказания за совершенное общественно опасное деяние.

Осуждение с условным неприменением назначенного наказания во многом сходно с институтом поручительства, имеющем глубокие исторические корни. Так, поручительство (ручательство) было известно уже в XI в. в Англии и относилось к английскому обычному праву (применявшемуся по общему правилу). Оно назначалось и исполнялось с применением обязанности соблюдения ряда условий как для избранного и утвержденного поручителя, так и для самого осужденного. Среди которых: явиться на судебный процесс, вовремя загладить причиненный вред, вести добропорядочный образ жизни. В случае нарушения условий поручительства с осужденного или (и) самого поручителя взыскивался денежный штраф, а сам нарушитель вновь предстал перед правосудием. Существовал и уголовно-процессуальный характер залога, когда поручительство избиралось в отношении лица, еще не осужденного за совершенное преступление, т. е. залог выступал в качестве меры пресечения. Таким образом, можно сделать вывод о наличии двух основных отличий поручительства от иных мер уголовной ответственности (в их современном понимании): при применении поручительства не устанавливался специальный испытательный период с необходимостью соблюдения дополнительных обязанностей в его пределах; наличие у поручительства уголовно-процессуального аспекта.

В качестве наиболее раннего социально-правового института русского уголовного права, имеющего общие черты с иными мерами уголовной ответственности, дореволюционными исследователями называется поручительство в отношении виновного о его хорошем поведении в будущем под угрозой тюрьмы в случае неисполнения. Данная обязанность была закреплена в Русской Правде в 1113 г., обеспечивалась поручительством и возлагалась на общину в виде круговой поруки в отношении ее членов.

Зарождение отсрочки исполнения наказания связывают с правом английских судей откладывать вынесение приговора по уголовному делу, которая практиковалась по различным основаниям. Среди которых: необходимость посоветоваться о юридических вопросах, возникших в деле; решение вопроса о переносе дела в высший суд; необходимость дать возможность подсудимому подготовить юридические возражения против приговора. Эту меру в 1840-х гг. стали применять в целях исправительного воздействия к осужденным, «не проявляющим особой испорченности». Вынесение приговора отсрочивалось на определенный срок, и у подсудимого отбиралось «поручительство о хорошем поведе-

нии». В случае выполнения подсудимым условий поручительства обвинительный приговор либо не выносился вовсе, либо лицо подвергалось какому-либо наиболее мягкому виду наказания (например, штрафу). Таким образом, рассмотренный институт можно отнести к юридической отсрочке в форме временной отсрочки назначения наказания.

Аналогичный подход применялся в европейских государствах и в XIV в. Так, в работах европейских авторов, таких как Пьетро Аретино и др., указывалось, что распространенной стала практика церковных судов соединять институт условного осуждения с поручительством, когда суд заключал с лицом, совершившим преступление, договор, который предусматривал, что ему прощаются все его преступления при условии, что он впоследствии не будет совершать подобного. В случае нарушения условий договора преступник должен быть подвергнут осуждению за оба преступления.

Наиболее близким к современному варианту осуждения с условным неприменением наказания является так называемый массачусетский вариант испытательной системы. Применялся он в США с 1869–1970 гг. в отношении малолетних правонарушителей в американском штате Массачусетс, судьи которого переняли его в Англии. Историческими предпосылками развития института отложения приговора в США явилось резко возросшее число малолетних преступников и ограниченные возможности исправительных заведений, высокая стоимость их содержания и строительства новых учреждений, а также повышение общественного и государственного интереса к поиску более эффективных путей решения проблемы ювенальной преступности.

Сущность указанного института состояла в том, что от каждого лица, в отношении которого вынесение приговора было отложено, требовалось представить поручительство о хорошем поведении от попечителей-добровольцев. Это заложило основу оформления практики надзора, которая нашла свое продолжение в учреждении в 1891 г. должности правительственного агента для надзора за условно осужденными – офицера по испытанию (probation officer), при этом выбор наблюдателей был отнесен к исключительной компетенции судей. В качестве офицера по пробации не могли быть назначены кадровые полицейские, а испытательный срок мог составлять от 3 недель до 1 года, а надзор – от 6 до 12 недель. Таким образом, система надзора, получившая название «probation» (пробация), приобрела форму планомерно осуществляемого наблюдения за условно осужденными с целью предупреждения совершения ими новых преступлений. После 1900 г. подход к осуждению был несколько пересмотрен, так вынесение обвинительного приговора уже

не допускалось, если лицо успешно отбывало «испытание» (пробацию), которое состояло в обязанности подчиняться правилам надзора, вести себя надлежащим образом и не совершать новых преступлений. Таким образом, испытание, осуществляемое под наблюдением специального должностного лица, является характерным признаком американской формы условного осуждения.

К началу XX в. сформировались четыре формы условного осуждения: англо-американская, франко-бельгийская, германская и австралийская. Франко-бельгийская форма условного осуждения предполагала отсрочку исполнения назначенного срока наказания без применения каких-либо дополнительных мер к осужденному. Германская форма условного осуждения – «уголовное помилование», в основном совпадала франко-бельгийской формой, но реализация этой меры осуществлялась административными органами власти. Австралийская, или смешанная, форма условного осуждения имела общие черты с франко-бельгийской и англо-американской формами отсрочки исполнения наказания, поскольку предусматривалась система дополнительных мер трудовой поруки и попечительского надзора.

Следует отметить, что в уголовное законодательство Российской Федерации дореволюционного периода институт условного осуждения, известный европейскому законодательству, включен не был, несмотря на активное обсуждение в юридическом сообществе вопроса о целесообразности такого решения. Был даже разработан и в декабре 1909 г. внесен в Государственную Думу проект закона об условном осуждении в форме погасительной отсрочки наказания. Однако указанный законопроект был отклонен Государственным Советом. Впервые же в уголовное законодательство институт условного осуждения был введен Декретом ВЦИК РСФСР от 7 марта 1918 г. № 2 «О суде», его действие распространялось и на территорию Беларуси. Указанный нормативный правовой акт предусматривал применение окружными судами условного осуждения, не конкретизируя основания и порядок его назначения и исполнения. В ст. 29 указанного Декрета условное осуждение определялось как возможность освобождения от всякого наказания, без какого-либо последующего контроля над осужденными. Однако данная мера на практике носила классовый характер, поскольку народные судьи и заседатели массово применяли условное осуждение лишь к подсудимым из числа пролетариата и крестьянства. Представители же дворянства и буржуазии, священнослужители, зажиточные крестьяне не пользовались таким гуманным отношением.

Изучение генезиса иных мер уголовной ответственности показывает, что их отдельные элементы были присущи зарубежному, россий-

скому и советскому законодателю уже на ранних исторических этапах (X–XI вв.). Социально-правовые институты, явившиеся прообразом иных мер уголовной ответственности в их современной регламентации, отражали тенденции господствовавшей на конкретных исторических этапах уголовной политики, в зависимости от которых изменялись категории осужденных, к которым эти меры могли применяться, а также взгляд на их правовую природу и содержание.

УДК 343.81

Е.Ю. Белова

НАПРАВЛЕНИЕ ЖЕНЩИН, ЛИШЕННЫХ СВОБОДЫ, К МЕСТУ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Направление осужденных женщин, лишенных свободы, для отбывания наказания в исправительные учреждения, осуществляется специальными подразделениями уголовно-исполнительной системы России конвоированию и регулируется достаточно объемным пластом нормативных правовых актов, которые ученые логично разделяют на три блока: международный, федеральный и ведомственный.

Обратимся более подробно к международному блоку, который и в настоящее время для нашего государства продолжает оставаться первоочередным. Это определяется прежде всего Конституцией Российской Федерации в ст. 15, а также в ст. 79. Последняя закрепляет, что Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами Российской Федерации, если это не влечет за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации. Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации.

Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации в ст. 3 определяет, что уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации учитывает международные акты, относящиеся к исполнению наказаний и обращению с осужденными. В случае противоречия между уголовно-исполнительным законодательством Российской Феде-

рации и ратифицированными ею международными договорами применяются последние.

Учитывая выход России из Совета Европы, а также денонсирование Европейской конвенции по правам человека, которое состоялось 16 сентября 2022 г., наше государство продолжит выполнение уже принятых постановлений Европейским судом по правам человека (ЕСПЧ), если они не противоречат Конституции Российской Федерации. Покидая Совет Европы, Россия оставляет за собой возможность взаимодействия с членами Совета Европы по вопросам, представляющим взаимный интерес, и в рамках тех конвенций, участие в которых наше государство решит продолжать.

Изучая вопрос направления и перемещения различных категорий осужденных, лишенных свободы, к месту отбывания наказания, стоит отметить, что закрепленные в международных стандартах положения равнозначны как для мужчин, так и для женщин.

В частности, правила 32.1–32.3 Европейских пенитенциарных правил 2020 г. говорят, что «при перевозке заключенных в пенитенциарные учреждения, из них или в другие места, так же как в суд или больница, они должны как можно меньше быть на виду, а для обеспечения их анонимности должны быть приняты соответствующие меры предосторожности. Запрещается перевозка заключенных в недостаточно проветриваемых и освещенных транспортных средствах или в условиях, создающих для них ненужные неудобства или оскорбляющих их достоинство. Перевозка заключенных осуществляется за счет и под руководством органов государственной власти».

Правила Нельсона Манделы определяют, что «когда заключенные направляются в место их заключения или переводятся из одного места заключения в другое, их следует в максимальной степени укрывать от посторонних взглядов и принимать все меры для того, чтобы защитить их от оскорблений, проявлений любопытства и любых видов огласки. Перевозка заключенных в условиях недостаточной вентиляции или освещения или же в любых других физически излишне тяжелых условиях подлежит запрещению. Заключенные перевозятся за счет тюремной администрации, при этом их перевозка должна осуществляться в одинаковых для всех условиях». Дополнительных пояснений по условиям конвоирования осужденных женщин в Правилах Манделы не предусматривается. Этого же не делают и Правила ООН, касающиеся обращения с женщинами-заключенными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы (Бангкокские правила) 2010 г. Хотя данные правила были приняты как дополнение

к Минимальным стандартным правилам обращения с заключенными 1955 г. и специально для того, чтобы учитывать «особые нужды женщин-преступниц». К слову, необходимо отметить, что в 2015 г. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными претерпели изменения, а Бангкокские правила так и остались неизменными.

Немного иная позиция закреплена в Модельном уголовно-исполнительном кодексе для стран государств – членов СНГ. В нем указывается, что перемещение осужденных под конвоем должно осуществляться с соблюдением правил раздельного содержания: мужчин отдельно от женщин, несовершеннолетних – от взрослых и т. д.

Длительное время неким «международным стандартом» выступали и постановления ЕСПЧ. Это в полной мере касается и обращений женщин, которые в своих жалобах в большинстве случаев поднимали вопросы условий перевозки заключенных и осужденных. Так, например, постановление ЕСПЧ по делу «Мамедова против Российской Федерации», вынесенное 1 июня 2006 г., где речь шла об объективных трудностях, с которыми сталкиваются государства в случае привлечения к уголовной ответственности лиц женского пола. В частности, тот факт, что заключенные-женщины и несовершеннолетние девочки составляют сравнительное меньшинство от заключенных мужского пола, то это делает очень дорогим отдельное содержание лиц женского пола под стражей, особенно подростков. После вступления приговора суда в законную силу, рассматриваемые нами категории, направляются в учреждения, которые порой очень далеко от дома. Кроме этого, лица женского пола содержатся в помещениях, изначально предназначенных для содержания мужчин, в которых иногда содержатся совместно женщины и мужчины. ЕСПЧ во всех этих случаях по итогам разбирательств ограничивался констатацией нарушений и присуждением компенсаций. Данное обстоятельство не означает игнорирование фактической стороны дела, о чем свидетельствовала практика реагирования ФСИН России на каждое вынесенное постановление ЕСПЧ, по которым издавались указания об их выполнении.

Однако территориальные органы ФСИН России в нарушение указаний центрального аппарата ФСИН России об улучшении условий транспортировки на дальние расстояния отдельных категорий спецконтингента допускают случаи невыполнения распорядительных документов ведомства. Так, например, в июне 2021 г. на станции Вологда встречным караулом передана плановому караулу по железнодорожному маршруту «Архангельск – Москва» осужденная-женщина со сроком беременности 28 не-

дель (при этом возможность авиаперевозки имелась). В пути следования через 2,5 часа после отправления поезда состояние осужденной ухудшилось, и сотрудники планового караула были вынуждены принять роды, что повлекло отвлечение должностных лиц караула от несения службы и невозможность оказания полноценной медицинской помощи. Данный факт мог привести к тяжким последствиям для женщины и ее ребенка.

Таким образом, вопросы правового регулирования направления осужденных к лишению свободы женщин к месту отбывания наказания с точки зрения международных стандартов остается открытым и в каких-то аспектах не до конца решенным.

УДК 343.8

С.И. Бякина

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ С ОСУЖДЕННЫМИ К ПРИНУДИТЕЛЬНЫМ РАБОТАМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Одной из стратегических целей, стоящих перед уголовно-исполнительной системой Российской Федерации, является совершенствование воспитательной работы с осужденными, что закреплено в разд. III Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 г. № 1138-р.

Особую актуальность это приобретает в отношении осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, поскольку Российская Федерация, как и другие развитые страны, держит курс на гуманизацию условий отбывания наказания и сокращение (насколько это возможно в рамках санкций Уголовного кодекса Российской Федерации) назначаемого наказания в виде лишения свободы. Принудительные работы – относительно новая мера государственного принуждения, предусмотренная санкциями уголовного закона и имеет не многолетнюю практику применения – пять лет (фактически введены в действие с 2017 г.).

Воспитательная работа с осужденными к принудительным работам реализуется на основании ст. 60¹² Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ), а также приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 25 декабря 2019 г. № 307 (далее – Приказ Минюста № 307), который непосредственно регламентирует порядок исполнения данной обязанности администрации исправительного центра.

Далее кратко проанализируем содержание обозначенных нормативных правовых актов.

Статья 60¹² УИК РФ состоит из трех частей. Так, ч. 1 по сути констатирует необходимость проведения воспитательной работы и дублирует положения ст. 60¹¹ «Обязанности администрации исправительного центра» УИК РФ. Часть 2 предписывает возможность поощрения активного участия осужденного в воспитательных мероприятиях и учета при применении мер поощрения и взыскания. В ч. 3 анализируемой статьи говорится о возможности индивидуализации воспитательной работы в зависимости от личностных особенностей и обстоятельств совершенных ими преступлений.

Между тем в подзаконном акте (Приказ Минюста № 307), который, по сути, призван раскрыть сущность проведения воспитательной работы для правоприменителя, говорится лишь о компетентном субъекте ее проведения (п. 26), периодичности проведения индивидуальных бесед (п. 28), о взаимосвязи данной работы с профилактикой (п. 29), о возможности привлечения представителей общественности к подобной деятельности (п. 30). Примечательно то, что не раскрывается понятие воспитательной работы, ее содержание – основные направления и формы проведения. Соответственно, исходя из буквального толкования Приказа Минюста № 307, возможно поставить знак равенства между воспитательной работой и беседой, что не совсем верно.

Представляется, что для уяснения смысла проведения воспитательной работы с осужденными к принудительным работам важно определить и закрепить в подзаконном акте понятие воспитательной работы с осужденными к принудительным работам. В свою очередь, отсутствие легального понятия данной деятельности представляется важной научной и прикладной проблемой.

Кроме этого, на наш взгляд, является проблемой и то, что не разъяснена такая категория, как «активное участие осужденного в воспитательной работе», что под этим необходимо понимать? Думается, что это важно закрепить в подзаконных актах.

Отдельного освещения заслуживает вопрос о реализации определенных направлений воспитательной работы с осужденными. Какими им быть? Возможно по аналогии со ст. 110 УИК РФ раскрыть данные содержания применительно к исполнению наказания в виде принудительных работ – правовое, трудовое, нравственное и физическое. А взаимодействие исправительного центра и общественных формирований в части воспитательной работы с правонарушителями, раскрыть в рамках одного пункта Приказа Минюста № 307 недостаточно.

Проблемой является и то, что не указана конкретная мера поощрения, применяемая за активное участие в воспитательных мероприятиях, т. е. не вполне ясно, каким образом применять ч. 2 ст. 60¹² УИК РФ.

Таким образом, можно констатировать, что в настоящее время в правовом регулировании воспитательной работы с осужденными к принудительным работам имеются определенные неясности, которые могут порождать проблемы, связанные с применением такого средства исправления администрациями исправительных центров. Именно поэтому исследование данного аспекта деятельности заслуживает особого внимания.

УДК 343.8

Ю.И. Василевич

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

В настоящее время обеспечение безопасности является одной из самых важных задач в обеспечении интересов личности, общества и государства. В свою очередь, необходимо учитывать то, что пенитенциарная безопасность имеет прямую взаимосвязь с общей системой национальной безопасности Республики Беларусь, что выражается в широком комплексе организационных и правовых средств, обеспечивающих защиту от угроз нормальному развитию общества и государства, законным интересам граждан.

Обеспечение безопасности уголовно-исполнительной системы (УИС) обладает широтой механизмов реагирования и предупреждения на соответствующие опасности, угрозы. Этот процесс включает в себя не только принципы отдельной отрасли права. В них входит широкий перечень основополагающих направлений и идей, которые присущи различным сферам жизнедеятельности человека, общества и государства.

Необходимо учитывать, что принципы обеспечения безопасности УИС по своему содержанию обязаны быть универсальными, так как этого требует динамично развивающаяся система уголовно-исполнительных отношений. В различных работах исследователей мы можем видеть, как некоторые авторы затрагивали принципы обеспечения безопасности УИС либо отдельных учреждений, исполняющих наказания.

Например, М.А. Громов, рассматривая принципы обеспечения безопасности личности в условиях ее изоляции, выделяет следующие

принципы: законности; гуманизма; рационального применения мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения; соединения наказания с исправительным воздействием. К тому же, автор дополнительно обращает внимание на организационные принципы: целенаправленности; ответственности органов и должностных лиц; рационального соотношения целей, способов их достижения с ресурсным обеспечением, а также принцип системности и комплексности, принцип обратной связи.

А.Г. Перегудов определял принципы обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы по группам. В них входят общеправовые, отраслевые, организационно-управленческие, специальные, психолого-педагогические принципы.

В свою очередь, А.В. Щербаков выделял такие принципы, как соблюдение баланса жизненно важных интересов личности, общества и государства; законность; взаимная ответственность личности, общества и государства по обеспечению безопасности; интеграция с международными системами безопасности.

Принимая во внимание широту вопросов обеспечения безопасности УИС, полагаем, что принципы должны носить всеобъемлющий и разносторонний характер. Этот вывод отражен в ст. 6 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (УИК), где указано, что уголовно-исполнительное законодательство Республики Беларусь основывается на принципах законности, гуманизма, демократизма, равенства осужденных перед законом, дифференциации и индивидуализации исполнения наказания и иных мер уголовной ответственности, рационального применения мер принуждения и средств исправления осужденных, стимулирования их правопослушного поведения, сочетания принудительных мер с воспитательным воздействием.

Как мы видим, законодатель делает акцент только на основных принципах обеспечения безопасности, видимо, подразумевая, что могут быть и иные принципы в процессе исполнения и отбывания наказания. В ст. 73 УИК в определении режима в исправительных учреждениях указаны также такие элементы, как установленный законодательством Республики Беларусь порядок исполнения и отбывания наказания, обеспечивающий охрану и изоляцию осужденных, постоянный надзор за ними, исполнение возложенных на них обязанностей, реализацию их прав и законных интересов, безопасность осужденных и персонала, раздельное содержание определенных категорий осужденных, различные условия содержания в зависимости от вида исправительного учреж-

дения, назначенного судом, изменение условий отбывания наказания в зависимости от поведения осужденного, которые также находятся в прямой взаимосвязи с общими принципами уголовно-исполнительного законодательства, указанными в ст. 6 УИК, дополняя их с прикладной точки зрения.

Таким образом, исходя из проведенного анализа, можно выделить основные принципы обеспечения безопасности в УИС:

- 1) соблюдение и защита прав и свобод сотрудников учреждений УИС, а также лиц, отбывающих наказание;
- 2) законность;
- 3) гуманизм;
- 4) демократизм;
- 5) приоритет предупредительных мер в целях обеспечения безопасности УИС.

Соблюдение и защита прав и свобод персонала УИС, осужденных, подозреваемых, обвиняемых и иных лиц как принцип гарантии и соблюдения прав человека и гражданина закреплен в Конституции Республики Беларусь. Следствием этого является социально-правовая защита государством сотрудников УИС, членов его семьи с предоставлением правовых гарантий неприкосновенности.

Права и свободы осужденных в УИС также находятся под охраной государства. Законность при обеспечении безопасности УИС находит отражение в верховенстве права. А при реализации этот принцип выражен в точном и неукоснительном его исполнении, различных мерах ответственности за его нарушение.

Вместе с вышеуказанными нормативно-правовыми актами безопасность в УИС отражают и иные принципы, перечисленные в других отраслях законодательства, связанных с пожарной безопасностью, охраной труда, защиты прав и законных интересов лиц при осуществлении оперативно-розыскной деятельности и др.

Приоритет предупредительных мер в целях обеспечения безопасности ИУ реализуется при проведении следующих мероприятий: обыскородосмотровые мероприятия, постановка осужденных на профилактический учет, регламентация распорядка дня в ИУ, проведение воспитательной работы с осужденными, инструктажи по технике безопасности на производстве, профилактика технического оборудования и т. д.

Таким образом, мы видим, что безопасность УИС основана на приоритете принципов национальной системы безопасности Республики Беларусь, с которой она находится в тесной взаимосвязи. При этом

уголовно-исполнительным законодательством устанавливаются отраслевые принципы безопасности УИС, которые наряду с общими принципами и мерами ответственности за их несоблюдение обеспечивают устойчивое функционирование УИС и ее развитие в соответствии с прогрессивной системой исполнения наказания.

УДК 343.24

Д.Д. Василевская

ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ НА ОПРЕДЕЛЕННЫЙ СРОК КАК ВИД НАКАЗАНИЯ В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Одной из самых строгих мер государственного принуждения является уголовное наказание, которое, согласно ст. 47 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК), является принудительной мерой уголовно-правового воздействия, которая применяется по приговору суда к лицу, осужденному за преступление, и заключается в предусмотренных законом лишении или ограничении его прав и свобод.

Подобные определения содержатся в УК и других стран на постсоветском пространстве, причем почти во всех определениях отсутствует прямое указание на карательное содержание наказания. Между тем его наличие присуще всем без исключения видам уголовного наказания. Лицо, совершая преступление, создает ситуацию, при которой государство вынуждено идти на лишение или ограничение его основных прав и свобод, включая право на свободу, личную неприкосновенность, а подчас и права на жизнь. Ни одно демократическое общество не может предоставить человеку неограниченную свободу действий, в противном случае это привело бы к хаосу и возникновению в обществе бесконечных конфликтов между индивидами.

Стоит отметить, что степень использования как наказания, так и иных мер уголовной ответственности находится в прямой зависимости от уровня криминогенности общества на том или ином этапе его развития. Отметим, что наказание как мера уголовной ответственности занимает и, вероятно, будет занимать преобладающее место в системе всех применяемых мер в Республике Беларусь.

Среди основных наказаний приоритет продолжает принадлежать лишению свободы, хотя объем его применения за последние 20 лет существенно снизился. Это, по мнению Председателя Верховного Суда В.О. Сукало, соответствует европейским стандартам.

Уголовному наказанию и, в частности, лишению свободы на определенный срок (так оно именуется в действующем уголовном законодательстве) присущи свои специфические признаки, отличающие его от иных мер государственного принуждения и способные в комплексе представить всю сущность наказания.

Прежде всего лишение свободы на определенный срок выступает в качестве меры государственного принуждения и его назначение является исключительно прерогативой уполномоченных на то органов. Только государство в лице его судебных органов имеет право наказывать лиц, совершивших общественно опасные деяния, предусмотренные уголовным законом.

Лишение свободы на определенный срок может быть применено только к лицу, признанному виновным в содеянном. Основанием его применения является совершение деяния, содержащего все признаки преступления. Отечественное уголовное законодательство исключает объективное вменение. Другими словами, уголовная ответственность лица и назначение ему наказания за невиновное причинение вреда не допускается. Этот признак можно назвать конституционным, ибо он вытекает из положения Конституции Республики Беларусь, где в ст. 26 сказано, что никто не может быть признан виновным в преступлении, если его вина не будет в предусмотренном законом порядке доказана и установлена вступившим в законную силу приговором суда.

Вынося приговор виновному лицу, суд может назначить лишение свободы на определенный срок лишь в тех случаях, когда оно прямо предусмотрено санкцией статьи Особенной части УК и в тех пределах, которые определены соответствующей уголовно-правовой нормой.

Как и любое другое наказание лишение свободы на определенный срок направлено исключительно против лица, совершившего преступление. Те лишения и ограничения, которые составляют содержание этого вида государственного принуждения, не должны распространяться на других лиц, не причастных к совершению общественно опасного деяния.

Лишение свободы на определенный срок влечет специфическое уголовно-правовое последствие – судимость, которая влияет на положение лица и после отбытия наказания, ограничивая его в определенных правах, учитывается при рецидиве преступлений и при назначении наказания, в случае повторного совершения преступления, а также влечет за собой иные правовые последствия, предусмотренные законодательством.

В силу требований ч. 2 ст. 62 УК наказание в виде лишения свободы на определенный срок может быть назначено судом лишь при условии, что цели уголовной ответственности не могут быть достигнуты приме-

нением более мягкого наказания, чем предусмотрено соответствующей статьей уголовного закона. Поэтому судебная практика обоснованно назначает данную меру уголовной ответственности, как правило, за тяжкие и особо тяжкие преступления, в отношении лиц, допустивших опасный и особо опасный рецидив, а также в случае, когда принудительная изоляция лиц с устойчивыми антиобщественными установками, не желающих становиться на путь исправления, обусловлена необходимостью предупреждения совершения ими новых преступлений. Другими словами, при осуществлении правосудия и назначения наказания в виде лишения свободы на определенный срок суд руководствуется не только оценкой общественной опасности совершенного преступного деяния, но и учитывает потенциальную опасность для общества тех, кто его совершил, в случае оставления их на свободе. Поэтому среди осужденных лиц немало тех, кто совершил преступления, не представляющие большой общественной опасности, или менее тяжкие преступления.

Между тем существенное ограничение прав и свобод осужденного при применении лишения свободы требует от правоприменительных органов всестороннего и объективного исследования обстоятельств совершенного деяния и обоснования того, почему не могут быть применены иные меры уголовно-правового воздействия, кроме наказания в виде лишения свободы на определенный срок. Ученые и специалисты справедливо обращают внимание на определенные негативные последствия этого вида наказания, особенно в отношении несовершеннолетних. Так, в соответствии с требованиями Руководящих принципов ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних («Эр-Риядские руководящие принципы») помещение молодых лиц в воспитательно-исправительные учреждения следует осуществлять в качестве крайней меры и на минимально необходимый срок. Поэтому при назначении наказания в виде лишения свободы лицу, не достигшему восемнадцатилетнего возраста, совершившему впервые тяжкое преступление, суд обязан в первую очередь рассмотреть вопрос о применении к нему иных мер уголовной ответственности. Более того Концепцией совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения 2010 г. была поставлена задача расширить применение альтернативных лишению свободы видов наказаний и иных мер уголовной ответственности, усилив предупредительное воздействие отсрочки исполнения наказания, условного неприменения наказания, осуждения без назначения наказания.

В завершение отметим, что в ближайшей перспективе лишение свободы на определенный срок останется по-прежнему одним из распро-

страненных видов наказаний, применяемых судебными органами в Республике Беларусь, поэтому исследование содержания, целей и функций данной меры уголовной ответственности является весьма актуальным и имеет важное теоретическое и практическое значение как в смысле разработки ее оптимальной «модели», так и в плане совершенствования всей системы наказаний в целом.

УДК 343.8

С.Л. Гайкович

ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ОСНОВА ПОДГОТОВКИ ГРАЖДАН К ПРАВОПОСЛУШНОМУ ОБРАЗУ ЖИЗНИ ПОСЛЕ ПРЕКРАЩЕНИЯ НАХОЖДЕНИЯ В ЛЕЧЕБНО-ТРУДОВОМ ПРОФИЛАКТОРИИ

От эффективности реализации воспитательной работы зависит процесс последующей адаптации к жизни после освобождения. В отличие от исправительных учреждений целями воспитательной работы с гражданами, содержащимися в лечебно-трудовых профилакториях Министерства внутренних дел Республики Беларусь (ЛТП), является не формирование готовности вести правопослушный образ жизни после прекращения нахождения в учреждении, а преодоление алкогольной и наркотической зависимости; направление правосознания на добросовестное отношение к труду; готовности к положительной адаптации в обществе; сохранение и поддержание социально полезных связей; повышение культурного уровня.

Воспитательная работа в ЛТП также усиливает влияние других средств медико-социальной реадaptации на сознание профилактируемых лиц и способствует формированию у них нравственных качеств.

По нашему мнению, воспитательное воздействие следует осуществлять по направлениям, реализация которых будет способствовать обеспечению комплексного формирования социальных установок, жизненных планов, моральных качеств, знаний, умений и навыков, в последующем определяющих готовность граждан к положительной адаптации в обществе.

На основании вышеуказанного полагаем целесообразным сформулировать их: правовое воспитание, духовно-нравственное воспитание, трудовое воспитание, санитарно-гигиеническое и физическое воспитание, эстетическое воспитание.

Исходя из целей функционирования ЛТП, уместно отметить, что одна из первостепенных ролей в реализации задач социальной реадaptации граждан принадлежит такому виду воспитания, как трудовое. Трудовое воспитание предусматривает формирование и укрепление на основе включения в трудовую деятельность и профессиональное обучение, добросовестного отношения к систематическому труду, стремления к занятию общественно полезной деятельностью, освоение правомерных способов материального обеспечения жизни.

Организация трудового воспитания в ЛТП имеет свои особенности, которые определяются профессиональными способностями граждан и их отношением к общественно полезной деятельности. Многие из них до направления в учреждение уклонялись от труда либо часто меняли место работы. Ввиду этого определенная часть профилактируемых лиц имеет низкий уровень профессионально-технической подготовки или вообще не имеет специальности, а к необходимости повышения производственной квалификации относится без достаточного интереса.

Эффективность трудового воспитания в ЛТП зависит от организации профессиональной ориентации в учреждении. Реализация принципа соединения воспитания с обучением и обязательным привлечением к труду призвана сформировать потребность работать и повышать квалификацию. При этом воспитывается бережное отношение к собственности и материальным ценностям. Однако в настоящий момент рассматриваемое направление воспитательной работы реализовать в полной мере не представляется возможным. Связано это, в первую очередь, с существующей проблемой трудоустройства граждан, находящихся в ЛТП.

В соответствии со ст. 18 Закона Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 104-З «О порядке и условиях направления граждан в лечебно-трудовые профилактории и условиях нахождения в них» граждане, находящиеся в ЛТП, обязаны трудиться в организациях, определяемых администрацией учреждения. Статьей 47 данного нормативного правового акта установлено, что граждане, находящиеся в ЛТП, с учетом их возраста, трудоспособности, состояния здоровья, специальности и квалификации трудоустраиваются в ЛТП, на республиканских унитарных производственных предприятиях, подчиненных Департаменту исполнения наказаний Министерства внутренних дел Республики Беларусь, и в иных организациях, расположенных по месту нахождения ЛТП.

Труд является одним из основных факторов, оказывающих воздействие на личность гражданина, находящегося в ЛТП. Он имеет исключительное значение для подготовки лица к прекращению пребывания в учреждении, отчуждению его от прежней противоправной деятельности.

Для хронических алкоголиков и наркоманов труд имеет также и реабилитационную значимость, так как позволяет создать условия для социальной реадaptации, получения специальности или восстановления прежней квалификации, обретения цели в жизни. Положительным моментом является осознание гражданами значимости участия в трудовой деятельности. Так, удельный вес тех, кто отказывается от работы по неуважительным причинам, составляет не более 5 %. Это происходит по двум следующим причинам:

во-первых, администрация ЛТП не всегда применяет строгие дисциплинарные санкции в отношении лиц, отказывающихся от работы (в целях недопущения превышения учреждением среднереспубликанского показателя по количеству примененных взысканий к гражданам);

во-вторых, изменение системы хозяйствования, включение Республиканских унитарных предприятий ЛТП в рыночную экономику существенно сказалось на процессе трудоустройства граждан, находящихся в данных учреждениях. Невозможность реальной адаптации к условиям жесткой рыночной конкуренции производственного потенциала промышленности ЛТП привела к тому, что обязанность трудиться стала правовой декларацией. По причине того, что в настоящее время администрация ЛТП не может обеспечить работой всех лиц, находящихся в учреждении.

Таким образом, посредством участия изолированных правонарушителей в трудовой деятельности у них формируются: профессиональные умения (в объеме с учетом их способностей), позволяющие обеспечивать материальные потребности правомерным способом; опыт систематической трудовой деятельности; навыки планирования расходов на свое жизнеобеспечение посредством соизмерения материальных потребностей с реальными возможностями их обеспечения.

УДК 343.8

Ю.Л. Голостьян

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ НАКАЗАНИЙ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Основы уголовного законодательства закрепляют положения, смягчающие ответственность несовершеннолетнего в сравнении со взрослыми при совершении преступлений, например, более мягкие сроки наказания, которые могут быть назначены несовершеннолетнему, а также условия отбывания наказания.

Кроме того, при исполнении наказаний в отношении несовершеннолетних возникает необходимость найти такое сочетание педагогических и воспитательных мер, которое создаст наилучшие условия для успешной интеграции несовершеннолетнего в общество после отбытия наказания.

Вместе с тем, если провести контент-анализ уголовного законодательства в части, касающейся назначения наказаний несовершеннолетним осужденным, то можно увидеть, что в соответствии с положениями ст. 114¹ Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК) ограничение свободы им может быть назначено без направления в исправительное учреждение открытого типа (ИУОТ). Указанное положение законодателя представляется не совсем правильным, так как из системы ступенчатого снятия правоограничений для осужденного несовершеннолетнего исключается важнейшая ступень, когда он проживает под надзором, но при этом одновременно ежедневно и систематически участвует в социально значимых мероприятиях: посещает работу, учреждения здравоохранения, образования и т. д. Это способно существенно повысить возможности осуществления дифференцированного подхода представителей правоохранительного блока по реализации мероприятий, направленных на достижение целей уголовной ответственности в отношении несовершеннолетних.

Говоря о возможности исполнения наказания в виде ограничения свободы с направлением в ИУОТ в отношении несовершеннолетних необходимо рассмотреть ряд положений, которые целесообразно изменить в Уголовно-исполнительном кодексе Республики Беларусь (УИК), в случае, если уголовным законодательством будет предусмотрена возможность назначения указанного вида наказания для несовершеннолетних. Для этого в обязательном порядке необходимо рассмотреть отдельные аспекты реализации рассматриваемого вида наказания с позиции возможного исполнения средств исправления, перечисленных в ч. 3 ст. 7 УИК.

Одним из видов направления ИУОТ является так называемая трудовая терапия. На работы могут привлекаться лица, достигшие 16 лет (ст. 21 Трудового кодекса Республики Беларусь). С лицом, достигшим 14 лет, – с письменного согласия одного из родителей (усыновителя, попечителя). Трудовая деятельность в ИУОТ является обязательным аспектом в условиях отбывания наказания в данном учреждении. Мы рассматриваем трудовую деятельность как фактор, препятствующий рецидиву преступности. Сознание несовершеннолетних легко поддается влиянию внешних и внутренних факторов из-за неустойчивых психических процессов. Подросток не может совершать противоправные деяния при условии его полной занятости и концентрации.

В соответствии с положениями ст. 50 УИК осужденные к ограничению свободы привлекаются к труду в организациях независимо от форм собственности, а также у индивидуальных предпринимателей. В связи с тем, что несовершеннолетние осужденные должны быть привлечены к труду, то ст. 50 УК целесообразно дополнить положениями, отсылающими к ст. 21 Трудового кодекса Республики Беларусь.

При отбывании наказания в виде ограничения свободы с направлением в ИУОТ администрации учреждения сложнее организовать надзор за поведением рассматриваемой категории осужденных ввиду того, что большую часть времени они проводят за пределами ИУОТ.

Таким образом, не менее важной проблемой становится организация эффективного надзора за поведением осужденных. Несмотря на то что действующее уголовно-исполнительное законодательство предусматривает осуществление надзора посредством электронных средств контроля за поведением осужденных, в правоприменительной практике электронные средства контроля не применяются, в первую очередь из-за их дороговизны.

Решение указанной проблемы предлагается решить посредством мобильных телефонов, которые разрешено иметь при себе осужденным к ограничению свободы с направлением в ИУОТ. Так, в частности, осужденным можно выдавать смартфоны для связи с родственниками и предустановленным на них приложением, отслеживающим нахождение на местности осужденного и оборудованным сканером для снятия отпечатка пальца. В случае звонка осужденному от сотрудника ИУОТ, осужденный обязан приложить палец к сканеру отпечатка пальца. После этого установленное приложение, отслеживающее положение на местности осужденного, показывает сотруднику ИУОТ координаты осужденного на карте.

Такое решение позволит наиболее оптимально использовать имеющиеся ресурсы (как материальные, так и организационные) для осуществления надзора за поведением осужденных.

Таким образом, проведенное исследование показало, что для совершенствования общественных отношений в сфере исполнения наказаний в отношении несовершеннолетних необходимо:

внести изменения в ст. 114¹ УК, где будет закреплена возможность отбывания наказания в виде ограничения свободы с направлением ИУОТ лиц, не достигших возраста восемнадцати лет;

усовершенствовать средства электронного контроля за поведением осужденных посредством выдачи несовершеннолетним осужденным мобильных телефонов (смартфонов) со специально установленным на них приложением для осуществления контроля за поведением осужденных.

УДК 343.8

Ф.В. Грушин, С.А. Кутуков

СОКРАЩЕНИЕ КОЛИЧЕСТВА ОСУЖДЕННЫХ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ – НОВЫЙ ВЫЗОВ ДЛЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В последние годы в Российской Федерации (далее – Россия, РФ) существенно сократилось количество осужденных в местах лишения свободы. Так, по состоянию на 1 сентября 2010 г. в исправительных колониях России (за исключением воспитательных колоний) содержалось 762,5 тыс. осужденных. Для сравнения на 1 сентября 2022 г. таких лиц в учреждениях уголовно-исполнительной системы (УИС) содержится 380,4 тыс. человек. Таким образом, за 10 лет количество осужденных, содержащихся в исправительных колониях, сократилось в два раза, при этом количество данных колоний сократилось всего с 755 до 633, что явно не пропорционально сокращению количества осужденных. Еще больший дисбаланс связан с отбыванием лишения свободы несовершеннолетними осужденными. Так, на 1 ноября 2022 г. в 14 воспитательных колониях для несовершеннолетних содержалось 839 чел., т. е. на одну воспитательную колонию приходится в среднем менее 60 осужденных, что вряд ли можно считать эффективным с точки зрения расходования бюджетных средств.

Сложившаяся ситуация является серьезным вызовом для УИС. Одним из вариантов решения данной проблемы (если не рассматривать вариант с сокращением штатной численности УИС) является перераспределение состава сотрудников учреждений, исполняющих наказания внутри УИС в пользу уголовно-исполнительных инспекций (УИИ), которые являются учреждениями, исполняющими уголовные наказания (лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы). На УИИ также возложены обязанности по контролю за условно осужденными и осужденными с отсрочкой отбывания наказания, за осужденными к штрафу, на которых судом возложена обязанность пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию в соответствии со ст. 72.1 Уголовного кодекса РФ.

Кроме того, межведомственным приказом Минюста России № 26, МВД России № 67, Следственного комитета РФ № 13, ФСБ России

№ 105, ФСКН от 11 февраля 2016 г. № 56 «Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений» в задачи деятельности УИИ включен контроль за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста.

С момента вступления в силу изменений, внесенных в Уголовно-процессуальный кодекс РФ Федеральным законом РФ от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ, на учете УИИ появились новые категории лиц – подозреваемые и обвиняемые, – в отношении которых судом избраны меры пресечения в виде запрета определенных действий и залога.

На основании Указа Президента РФ от 2 марта 2021 г. № 119 «О внесении изменений в Положение о Федеральной службе исполнения наказаний, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 года № 1314» круг полномочий данного органа еще расширился за счет введения обязанности по контролю за условно-досрочно освобожденными.

Таким образом, мы видим, что УИИ являются учреждениями УИС, список полномочий которых постоянно расширяется. При этом на учетах УИИ состоят три категории лиц с различным правовым статусом – осужденные, подозреваемые и обвиняемые, а также лица, условно-досрочно освобожденные от отбывания наказания. Все эти категории наделены самостоятельными субъективными правами, юридическими обязанностями и законными интересами, реализация которых требует от сотрудника УИИ значительного времени и высокой квалификации. Естественно, что с каждой категорией подучетных лиц проводится самостоятельная независимая работа, что является дополнительной нагрузкой на сотрудников.

На 1 октября 2022 г. в состав УИС входит 81 федеральное казенное учреждение «Уголовно-исполнительная инспекция» и 1 348 их филиалов (среднесписочная численность сотрудников УИИ, исполняющих наказания, – порядка 9 600 чел.), на учете которых состоят свыше 480 тыс. человек. В результате средняя нагрузка на одного сотрудника УИИ колеблется в районе 50 человек. Однако в зависимости от региона, с учетом территориальной удаленности, в отдельных подразделениях УИИ средняя нагрузка достигает от 70 до 200 человек, что не может считаться приемлемым с точки зрения эффективного исполнения возложенных на сотрудников УИИ функций.

Кроме того, тенденция наделения УИИ новыми функциями и полномочиями в ближайшее время, судя по всему, сохранится. Так, в Концепции развития УИС Российской Федерации на период до 2030 года одним из основных направлений совершенствования и развития уголовно-исполнительной системы указано создание и развитие системы пробации. Согласно одному из последних законопроектов «О пробации в Российской Федерации» планируется введение системы пробации, при этом реализацию большей части полномочий предлагается возложить на УИИ.

Не вдаваясь в дискуссию о необходимости введения института пробации в РФ в складывающихся условиях, можно с уверенностью утверждать, что перспективы ее введения весьма высоки. Как следствие – нагрузка на УИИ в очередной раз увеличится.

Современная уголовно-исполнительная политика России, с учетом существующей системы факторов, постоянно развивается и совершенствуется, появляются новые ее направления, которые находят свое отражение в действующем уголовно-исполнительном законодательстве и деятельности учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания и иные меры уголовно-правового характера. Вместе с тем требуется дальнейшая работа по совершенствованию проводимой государством политики в сфере исполнения наказаний, выявлению и реализации новых перспективных направлений ее развития. Одним из таких направлений является совершенствование деятельности УИИ, увеличение ее штатной численности (в первую очередь за счет сокращения штатной численности сотрудников исправительных учреждений) и повышение квалификации сотрудников УИИ с учетом новых вызовов, возникающих перед УИС РФ.

УДК 343.8

О.В. Демидова

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО МОНИТОРИНГА ПРИ ИСПОЛНЕНИИ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ

Российская Федерация, являясь неотъемлемой частью мирового сообщества, несмотря на длительный период «санкционной» политики в отношении ее со стороны западных стран, способна учитывать достижения общемировой и европейской цивилизации в сфере нор-

мирования правовых отношений различной природы, заимствовать, в том числе, положительный опыт правового регулирования «пробационных» видов наказания с точки зрения функционального подхода, использование которого предполагает не текстуальное аналогичное дублирование, а воспроизведение в отечественном законодательстве и правоприменительной практике принципиально эффективных моделей зарубежного опыта.

Интересным, на наш взгляд, является анализ зарубежного развития систем электронного мониторинга (ЭМ), применяемых при исполнении уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества.

В обобщенном виде можно выделить четыре поколения технологий ЭМ.

Первым принято считать стационарный телефонный мониторинг. Существует четыре типа мониторинга подконтрольного лица с помощью стационарного телефона: 1) телефонное подтверждение (заключается в том, что местонахождение поднадзорного лица устанавливается звонком, что экономит время и расходы на поездку сотрудника к месту проживания подконтрольного); 2) голосовая идентификация поднадзорного (используется специальная программа во время телефонного разговора, которая определяет, совпадают ли звуковой сигнал абонента и образец голоса подконтрольного); 3) видеоподтверждение (предполагает установку видеомонитора на стационарный телефон, чтобы сотрудник при проверке подконтрольного лица устанавливал его местонахождение посредством видеосвязи); 4) подтверждение магнитной картой (заключается в установке на телефон устройства распознавания магнитных карт, и осужденный должен подтвердить свое местоположение магнитной картой в распознавателе).

Второе поколение технологии ЭМ – радиочастотные устройства (комплект состоит из передатчика, приемника и центра наблюдения).

Передатчик обычно представляет собой электронный браслет, также известный как устройство персональной идентификации, который надевается на подконтрольное лицо. Передатчик отправляет радиосигналы на приемник со случайными интервалами в 1–10 секунд, чтобы отразить местоположение человека, за которым ведется наблюдение.

Приемник устанавливается по месту жительства поднадзорного лица или в другом месте, определенном судом. Приемник может принимать сигнал от передатчика только в пределах диапазона излучения радиоволны. Поэтому, если у устройства принять сигнал не получилось, с высокой долей вероятности осужденный находится за пределами разрешенной территории.

Приемник автоматически сообщает о сложившейся ситуации в центр управления ЭМ. После получения сигнала сотрудник лично проверяет местонахождение осужденного.

Особенность мониторинга с помощью технологии радиочастот заключается в том, что она не отслеживает действия подконтрольного лица, а проверяет его местонахождение в определенное время. Поскольку радиочастотная метка является относительно простой и стабильной технологией ЭМ, она широко применяется в большинстве стран.

Третье поколение технологий электронного мониторинга – Глобальная система позиционирования (GPS). Спутниковое позиционирование является беспроводным и трехмерным. Система GPS состоит из четырех частей, включая передатчик, спутниковый приемник, опорную точку и центр наблюдения.

Передатчик носится на запястье человека, за которым ведется наблюдение, в виде часов. Радиус действия радиоволн, излучаемых этим передатчиком, не ограничен, поэтому все спутники могут его принимать. Несколько лет назад между передатчиком и спутниковым приемником находилась еще и наземная станция или приемное стационарное устройство в качестве связующего звена при передаче информации.

В настоящее время передатчик направляет электрическую волну, которой нелегко создать помехи, непосредственно на спутник. Только в тех случаях, когда из-за рельефа местности возникают проблемы с приемом электрических волн спутником, возникает необходимость в использовании стационарного наземного приемника для точной передачи информации.

В случае нарушения осужденным условий отбывания наказания, передатчик отправит информацию о местоположении подконтрольного на спутниковый приемник, а затем спутниковый приемник передаст эту информацию в центр наблюдения. В свою очередь, сотрудники, получившие сигнал о нарушении, обязаны своевременно отреагировать.

Технология электронного мониторинга GPS обладает рядом значительных преимуществ. Она позволяет осуществлять ЭМ в отношении осужденного в режиме реального времени, контролировать большую территорию. Данная технология также доказала свою эффективность в вопросе предупреждения совершения подконтрольными лицами повторных преступлений.

Однако технология GPS-мониторинга обрабатывает одновременно большой объем информации, связанной с действиями осужденного, по-

этому такой вид ЭМ не всегда может обеспечить конфиденциальность данных. В связи с этим в настоящее время GPS-мониторинг, по сравнению с технологией радиочастотного мониторинга, все еще находится на стадии развития.

Четвертое поколение технологии ЭМ – биометрический мониторинг.

Передачик биометрического мониторинга абсолютно незаметен окружающим. Это может быть крошечный чип, который вживляют непосредственно в тело подконтрольного лица. Когда осужденный совершает действия, противоречащие условиям ЭМ, передачик пускает слабый ток, чтобы предупредить лицо о допущенном нарушении.

Некоторые инновационные передатчики в своем корпусе могут содержать препараты, подавляющие психическое возбуждение. В случае совершения подконтрольным лицом нарушения условий назначенного ему наказания, вышеуказанный препарат будет выпущен в организм человека, чтобы снизить активность центральной нервной системы осужденного и предотвратить совершение им нового преступления.

Биометрический мониторинг на практике доказал свою эффективность, выраженную в высоком уровне профилактического воздействия на два вида специальных преступлений – на преступления сексуального характера и на преступления, совершенные из-за употребления алкоголя или потребления запрещенных веществ.

При применении биометрического мониторинга к осужденным за совершение преступлений сексуального характера чип в теле подконтрольного будет анализировать, а затем оценивать его различные сексуальные реакции. Если система мониторинга зафиксирует нетипичную сексуальную реакцию подконтрольного, то препарат, содержащийся в чипе и подавляющий психическое возбуждение, будет выпущен в организм. При этом стоит отметить высокую точность собираемой информации посредством биометрического мониторинга – система с легкостью определяет, нормально ли реагирует осужденный.

Удаленный мониторинг употребления алкоголя представляет собой биометрическую технологию, используемую для наблюдения за осужденными, совершившими преступления в состоянии алкогольного опьянения. Удаленный мониторинг употребления алкоголя позволяет с определенной периодичностью определять содержание алкоголя в слюне подконтрольного лица с помощью встроенного анализатора дыхания.

Основной задачей предыдущих поколений технологий ЭМ является установление ограничений в отношении осужденного. В свою очередь,

цель биометрического мониторинга – помочь подконтрольному лицу изменить определенное поведение косвенным методом.

УДК 343.8

А.А. Деминская

ОБ УТОЧНЕНИИ ПОНЯТИЯ «СКРЫВШИЙСЯ С МЕСТА ЖИТЕЛЬСТВА» В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

В результате совершения преступления у виновного лица возникает обязанность претерпевать, на основании обвинительного приговора суда, определенные лишения и страдания. Исполнение приговора является самостоятельной и необходимой стадией уголовного процесса. Основные задачи данной стадии следующие: исполнить вступившие в законную силу приговоры и иные решения суда; решить вопросы процессуального характера, возникающие при исполнении приговора суда, так как осужденные допускают нарушения порядка и условий отбывания наказания, что приводит к новому конфликту с законом и требует своевременного реагирования со стороны уголовно-исполнительной инспекции (УИИ).

Вопрос об ответственности в случае злостного уклонения осужденных от отбывания уголовных наказаний в виде общественных работ и исправительных работ привлекал внимание многих исследователей. В ходе изучения порядка и условий исполнения данных наказаний установлено, что одним из случаев признания осужденного злостно уклоняющимся от отбывания наказания считается скрывание лица с места жительства с целью уклонения от отбывания наказания. В данном случае скрывшийся с места жительства осужденный, место нахождения которого неизвестно, объявляется в розыск и может быть задержан с санкции прокурора на срок до 30 суток.

Следует отметить, что законодатель не раскрывает содержание понятия «скрывшийся с места жительства с целью уклонения от отбывания наказания». В русском языке «уклонение» толкуется как действие по глаголу «уклониться», т. е. отходить от прямого пути, направления, от исполнения чего-либо. Таким образом, в рамках изучаемой проблемы, подразумевает под собой «избежать наказания». Уклонение от отбывания наказания, в большинстве случаев, выражено в противоправном и умышленном бездействии.

В юридической литературе отмечается, что скрывшимся с целью уклонения от отбывания наказания считается осужденный, который именно с этой целью изменил свое место жительства либо другим способом уклоняется от привлечения его к отбыванию наказания и контроля УИИ. В то же время не считается уклонением от отбывания наказания случай, когда осужденный выехал (переселился) в другой населенный пункт или изменил место жительства при наличии семейных и других обстоятельств. В том числе, если он заблаговременно не уведомил об этом УИИ, его действия нельзя отнести к нарушениям порядка и условий отбывания наказания. Перечень нарушений порядка и условий отбывания наказаний предусмотрен Уголовно-исполнительным кодексом Республики Беларусь (УИК) и включает все возможные варианты уклонения осужденным от отбывания наказаний и является исчерпывающим.

Если осужденный в течение длительного периода не сообщает УИИ об изменении места жительства – это обстоятельство может рассматриваться как злостное уклонение от отбывания наказания по признаку сокрытия с целью уклонения. Под длительным периодом в данном случае следует понимать время, в течение которого у осужденного была реальная возможность предоставить в УИИ соответствующую информацию, но он не сделал этого. Однако точно не определен срок, по истечении которого осужденный будет считаться скрывшимся.

В ст. 181 УИК определено, что лицо, в отношении которого применены иные меры уголовной ответственности, такие как отсрочка или условное неприменение, признается скрывшимся в случае, когда его место нахождения неизвестно и не представилось возможным установить в течение 30 дней с момента проведения первоначальных мер розыска.

Таким образом, полагаем целесообразным рассмотреть вопрос о внесении следующих изменений:

в п. 3 ч. 1 ст. 28 УИК. Изложить его в следующей редакции: «скрывшийся с целью уклонения от отбывания наказания. Скрывшимся считается осужденный, место нахождения которого не было установлено в течение 30 (тридцати дней), несмотря на принятые первоначальные поисковые меры»;

ч. 5 ст. 43 УИК дополнить следующим содержанием: «Скрывшимся считается осужденный, место нахождения которого не было установлено в течение 30 (тридцати дней), несмотря на принятые первоначальные поисковые меры».

На наш взгляд, определение конкретного периода времени, в течение которого сотрудник УИИ обязан провести поисковые мероприятия, позволяет сформировать единый подход к пониманию, в каком случае осужденный будет считаться скрывшимся с места жительства.

УДК 343.2

Ю.Е. Духовник

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ВИДЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Уголовное законодательство в целях реализации принципов гуманизма, справедливости, дифференциации уголовной ответственности, а также экономии уголовно-правовой репрессии закрепляет в Уголовном кодексе Республики Беларусь (УК) институт освобождения от уголовной ответственности. Данный уголовно-правовой институт предусматривает общие и специальные виды освобождения от уголовной ответственности.

Общие виды освобождения от уголовной ответственности закреплены в Общей части УК в ст. 83, 86–89, 95 УК. Под специальными видами освобождения от уголовной ответственности понимают соответствующие примечания к статьям и главам Особенной части УК, которые содержат указания на освобождение лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности в случае соблюдения определенных условий.

Анализ норм, регламентирующих процессуальный порядок их применения, указывает на императивный характер специальных видов освобождения от уголовной ответственности и диспозитивную сущность общих видов. Данный вывод вытекает из Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК), где обстоятельством, *исключающим* производство по уголовному делу, признается наличие оснований для освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных статьями Особенной части УК (п. 11 ч. 1 ст. 29 УПК). В то время как по общим видам освобождения от уголовной ответственности суд, прокурор или следователь с согласия прокурора *вправе* прекратить производство по уголовному делу и освободить лицо от уголовной ответственности (ст. 30 УПК).

На наш взгляд, подобный подход ставит в неравное положение лиц, подпадающих под основания общих и специальных видов освобождения от уголовной ответственности. К тому же специальные виды освобождения от уголовной ответственности часто предусматривают возможность такого освобождения за преступления большей степени общественной опасности, чем общие виды (примечания к ст. 287, 289, 356 УК предусматривают такое освобождение за тяжкие и особо тяжкие преступления), что, на наш взгляд, дополнительно указывает на необхо-

димостью более взвешенного подхода их использования. Отдельные специальные виды освобождения от уголовной ответственности, несмотря на их обязательность, в своих формулировках допускают также выбор варианта поведения субъектами их применения, что дополнительно вносит противоречие в понимание их сути. Так, в примечаниях к ст. 435, 445 и гл. 38 УК закреплена формулировка «лицо *может быть освобождено* от уголовной ответственности».

Разрешение подобных противоречий, как нам представляется, находится в необходимости отнесения как общих, так и специальных видов освобождения уголовной ответственности к праву, а не к обязанности их применения. Такой подход потребует внесения соответствующих изменений в УПК, исключив специальные виды освобождения от уголовной ответственности из ст. 29 УПК и дополнив ими ст. 30 УПК, а также корректировки примечаний к статьям и главам Особенной части УК, в которых они предусмотрены, путем уточнения формулировок словосочетанием «может быть освобождено», которое сейчас отсутствует во всех случаях, за исключением приведенного нами выше.

Наряду с изложенным, потребуется пересмотр норм УК на предмет исключения дублирования условий и оснований освобождения от уголовной ответственности, закрепленных общими и специальными видами.

Так, часто специальные виды освобождения от уголовной ответственности описываются с позиции расширения сферы применения такого общего вида, как деятельное раскаяние (ст. 88 УК). Например, ч. 3 примечания к ст. 235 УК закрепляет, что лицо, участвовавшее в легализации средств, полученных преступным путем, освобождается от уголовной ответственности за эти действия, если оно добровольно заявило о содеянном и способствовало выявлению преступления. В то же время ч. 1 ст. 235 УК относится по характеру и степени общественной опасности к менее тяжким преступлениям и по указанным в названном примечании основаниям одновременно подпадает к возможности применения к нему ст. 88 УК. Аналогичные ситуации встречаются и в примечании к ст. 252 УК в соотношении с ч. 1 ст. 252 УК, в примечании к ст. 431 УК в соотношении с ч. 1 ст. 431 УК и в ряде других случаев.

Такое дублирование условий и оснований в общих и специальных видах освобождения от уголовной ответственности является излишним, перегружающим текст закона, и наблюдается не только по отношению к деятельному раскаянию. В соответствии с примечанием к ст. 168 УК лицо, совершившее действия, предусмотренные ч. 1, освобождается от уголовной ответственности, если будет установлено, что это лицо и совершенное им преступление перестали быть общественно опасными в

связи со вступлением в брак с потерпевшей (потерпевшим). При этом ч. 1 ст. 168 УК по характеру и степени общественной опасности относится к менее тяжким преступлениям. В то же время ст. 87 УК предполагает возможность освобождения от уголовной ответственности в силу утраты деянием или лицом общественной опасности и возможна к применению в описанном нами примере. Таким образом, считаем необходимым предусматривать специальные виды освобождения от уголовной ответственности только в тех случаях, когда общие виды невозможны к применению в виду особенностей их условий и оснований. Данный подход придаст большую четкость уголовному закону, а также будет способствовать реализации принципа справедливости.

Еще одним аспектом, на который следует обратить внимание, это закрепление в специальных видах освобождения от уголовной ответственности условий и оснований их применения, которые по своей правовой природе отличны от рассматриваемого нами правового явления. Так, в примечаниях к ст. 252, 431, 433 УК указывается, что лица, совершившие соответствующие преступные деяния, освобождаются от уголовной ответственности, если в отношении их имело место *вымогательство*. В то же время под вымогательством понимают действия, которые воздействуют на сознание и волю лица с целью вынудить данное лицо совершить общественно опасное деяние. Совершение преступления вследствие воздействия на сознание и волеизъявление лица требует дачи правовой оценки с позиции крайней необходимости, которая относится к *обстоятельствам, исключающим преступность деяния*. Таким образом, вымогательство как основание освобождения от уголовной ответственности следует исключить из соответствующих примечаний к статьям в Особенной части УК, где оно предусмотрено, а уголовно-правовую оценку в таких случаях давать исходя из нормативных положений, закрепленных в гл. 6 УК.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы:

Специальные виды освобождения от уголовной ответственности необходимо рассматривать как право, а не обязанность для субъектов их применения, в связи с чем следует внести соответствующие изменения и дополнения в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство.

Специальные виды освобождения от уголовной ответственности необходимо предусматривать только в тех случаях, когда общие виды невозможны к применению в виду особенностей их условий и оснований.

Совершение преступления под воздействием вымогательства как основание освобождения от уголовной ответственности, предусмотренное в ряде специальных видов, следует исключить из примечаний к ста-

тъям в Особенной части УК, так как оно требует принятия решения об исключении преступности деяния, а не освобождения от уголовной ответственности за его совершение.

УДК 343.8

А.А. Жук

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПОРЯДКА И УСЛОВИЙ СОДЕРЖАНИЯ ОСУЖДЕННЫХ, ОСТАВЛЕННЫХ В СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРАХ И ТЮРЬМАХ ДЛЯ РАБОТ ПО ХОЗЯЙСТВЕННОМУ ОБСЛУЖИВАНИЮ

Детальное исследование правовой регламентации порядка и условий отбывания наказания в виде лишения свободы в следственных изоляторах (СИЗО) и тюрьмах осужденными, оставленными для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию, позволяет выявить определенные правовые коллизии и спорные моменты, требующие нормативного урегулирования.

Термин «хозяйственное обслуживание» является необходимой правовой основой исследуемого института уголовно-исполнительного законодательства, и, несмотря на его комплексный масштабный характер, не имеет официального разъяснения своего содержания применительно к СИЗО и тюрьмам. Отсутствие четкой регламентации объема работ по хозяйственному обслуживанию учреждения способствует бесконтрольному расширению их видового состава, что противоречит законодательству. В целях ликвидации нормативного пробела целесообразно дополнить редакцию ст. 67 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (УИК) формулировкой соответствующего содержания: «Под работами по хозяйственному обслуживанию следует понимать выполнение осужденными, оставленными в следственном изоляторе или тюрьме на основании ч. 1 ст. 67 настоящего Кодекса, комплекса оплачиваемых работ, включающих в себя: работу на основных объектах жизнеобеспечения учреждения, коммунально-бытовые работы, обслуживание и ремонт санитарно-технических коммуникаций, проведение работ по ремонту зданий и сооружений на территории учреждения, а также выполнение иных видов работ, необходимых для всестороннего обеспечения непрерывного функционирования следственного изолятора или тюрьмы».

Применительно к изучаемой категории осужденных наблюдается внесудебный, хотя и законодательно закрепленный, порядок оставления в СИЗО или тюрьме: вопреки исполнению предписания суда, вынесшего

приговор, осужденные не направляются в исправительную колонию для отбывания наказания, а оставляются приказом начальника СИЗО либо тюрьмы в этом же учреждении для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию. Это препятствует реализации принципа законности в контексте обеспечения установленных условий применения наказания. Оставление в СИЗО или тюрьме в соответствии с ч. 1 ст. 67 УИК должно осуществляться только по постановлению суда на основании приказа начальника СИЗО или тюрьмы и письменного согласия осужденных.

Условия содержания осужденных, выполняющих работы по хозяйственному обслуживанию в СИЗО и тюрьмах, резко контрастируют с теми, в которых они в действительности должны отбывать наказание в исправительной колонии для лиц, ранее не отбывавших наказание в виде лишения свободы. В большей степени эти условия приравнены к тем, в которых содержится основная категория осужденных и лиц, содержащихся под стражей, в СИЗО и тюрьмах. В этой связи наблюдается повышенная степень изоляции и более суровые условия отбывания наказания исследуемой категорией осужденных, в связи с чем в качестве компенсации возможно предоставление им дополнительных льгот и свобод.

В ст. 67 УИК закреплены определенные порядок и условия оставления осужденных для работ по хозяйственному обслуживанию в СИЗО или тюрьме. Однако, как показывает практика, они не являются исчерпывающими. В целях обеспечения безопасного режима работы СИЗО и тюрем, а также исключения спорных ситуаций при подборе кандидатов на зачисление в отряд хозяйственного обслуживания предлагается в качестве обязательных условий закрепить следующие:

не подлежат оставлению в СИЗО или тюрьме для отбывания наказания и выполнения работ по хозяйственному обслуживанию осужденные:

- имеющие ограничения по трудо- и дееспособности, в том числе достигшие общеустановленного пенсионного возраста;
- за преступления против мира и безопасности человечества;
- за преступления против половой неприкосновенности или половой свободы.

Вследствие ряда причин, как объективного, так и субъективного характера, наблюдается «кадровый голод» в части укомплектования отрядов хозяйственного обслуживания необходимым количеством осужденных. Для оптимального подхода к частичному решению данной проблемы целесообразно сформировать «Реестр осужденных, адаптированных к отбыванию наказания в виде лишения свободы в следственном изоляторе или тюрьме» из числа лиц, уже отбывающих наказание в исправительных колониях, соответствующих критериям ч. 1 ст. 67

УИК и намеренных перевестись в отряд хозяйственного обслуживания СИЗО или тюрьмы. Координацию этого вопроса должен обеспечивать Департамент исполнения наказаний Министерства внутренних дел Республики Беларусь путем аккумулирования необходимой информации и организации перевода таких осужденных в СИЗО или тюрьму для дальнейшего отбывания наказания. Для реализации данного положения требуется внесение определенных изменений и дополнений в УИК в части, касающейся и отбывания осужденными к лишению свободы всего срока наказания в одном исправительном учреждении и возможных оснований для перевода осужденных из одного учреждения в другое. Внедрение предлагаемого порядка обеспечит формирование отрядов хозяйственного обслуживания в СИЗО и тюрьмах в необходимом количестве на регулярной основе.

Структурная характеристика личности осужденных, привлекаемых к работам по хозяйственному обслуживанию в СИЗО и тюрьмах, имеет важное значение при выборе средств, форм и методов проведения воспитательной работы с ними, а также обеспечения стабильного функционирования СИЗО и тюрем. Исследование позволило выявить характерные черты личности осужденного, оставленного в СИЗО или тюрьме для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию, и составить криминологический портрет: это мужчина, в возрасте 35 лет, не женатый, имеющий профессиональное либо среднее специальное образование, осужденный за менее тяжкое преступление либо преступление, не представляющее большой общественной опасности, не имеющий четкой антиобщественной установки, не являющийся приверженцем криминальной субкультуры, адекватно реагирующий на применяемые к нему меры воспитательного характера, поддерживающий тесный контакт на свободе со своими близкими и родными, добросовестно относящийся к выполнению своих трудовых обязанностей, проявляющий стремление к досрочному освобождению от наказания.

Осужденные к лишению свободы имеют гарантированное право на получение общего среднего, профессионально-технического образования и прохождения профессиональной подготовки, создающего условия для получения среднего специального и высшего образования в дистанционной форме, а также дополнительного образования. В СИЗО и тюрьмах нет соответствующих условий для реализации осужденными своего права на получение профессионального образования, в связи с чем осужденные, оставленные для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию, находятся в дискриминационном положении. Для практической реализации этого права необходимы разработка и реализация гибкой системы профессионального обучения данной кате-

гории осужденных с выдачей документа установленного образца, подтверждающего получение соответствующей квалификации. При этом конкретные формы обучения осужденных должны учитывать возможности организационно-правового и хозяйственного обеспечения СИЗО и тюрем и коррелировать с потребностями современного рынка труда.

Использование труда осужденных, оставляемых для хозяйственного обслуживания СИЗО и тюрем, практикуется с момента формирования этих видов учреждений в уголовно-исполнительной системе. Сегодня не рассматривается вопрос о возможном упразднении данного института ввиду отсутствия возможной и необходимой альтернативы. Однако перечисленные в статье предложения по внесению определенных изменений и дополнений позволяют внести ясность и конструктив в правовую регламентацию порядка и условий отбывания наказания осужденными, обеспечивающими хозяйственное и бытовое обслуживание в СИЗО и тюрьмах.

УДК 343.8

Н.Д. Земко

О НЕОБХОДИМОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Действующее уголовное законодательство, а именно ч. 6 ст. 3 Уголовного кодекса Республики Беларусь «наказание и иные меры уголовной ответственности должны быть справедливыми, то есть устанавливаться и назначаться с учетом характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного». Вместе с тем на практике определить наиболее оптимальный механизм уголовно-правовой репрессии не всегда представляется возможным ввиду того, что законодатель не обладает всей полной информацией о лице, совершившем преступление. Ввиду этого возможно вынесение судом приговора лицу к наказанию, которое неспособно его исправить.

Для социального обследования лица все элементы «личности обвиняемого» являются важными, так как они только в совокупности дадут возможность принять взвешенное и правильное решение в отношении лица, обвиняемого в совершении преступления. Например, при изучении социального опыта личности можно понять, в какой степени лицо обладало определенным навыком, либо не обладало вовсе, вследствие чего и было совершено преступление. Другой пример, изучая, в каких

условиях жил и развивался человек, можно понять мотив либо причины или цель, для которой совершалось преступление.

Таким образом, для изучения «личности обвиняемого» требуется большое по объему и довольно сложное изучение человека как личности. И если не учесть любой из элементов и не руководствоваться этим при назначении наказания, можно вынести неверное решение, и как отрицательный эффект – можно вызвать озлобленность у лица, что создаст дополнительные проблемы при исполнении наказания и в пост-пенитенциарной стадии. В конечном итоге мы можем столкнуться с совершением рецидивного преступления.

В настоящее время при исполнении мер уголовной ответственности имеется проблема работы с обвиняемым. Законодатель считает, что «каждый, кто совершил преступление, должен быть подвергнут справедливому наказанию». Но невозможно избрать справедливую меру наказания, если не знать самой личности лица, совершившего преступление.

Решение можно найти в виде одной из функций службы пробации, которая является аналогом уголовно-исполнительных инспекций Республики Беларусь, но с большим спектром прав и обязанностей. Так, одной из функций указанной службы является проведение социального обследования лица и составление по результатам проведенного исследования досудебного доклада. Указанный доклад передается в последующем в суд, который, исходя из результатов обследования, обладает всей полнотой информации о лице, совершившем преступление. Понятие досудебного доклада в Законе Украины «О пробации» (статья вторая) изложено следующим образом: «досудебный доклад – письменная информация для суда, характеризующая обвиняемого». Понятие досудебного доклада более развернуто отображено в Законе Республики Казахстан «О пробации»: «досудебный доклад – информация о личностных особенностях подозреваемого, обвиняемого, выполнении ими мероприятий, предусмотренных индивидуальной программой оказания социально-правовой помощи, следовании рекомендациям службы пробации и принятии ее помощи».

Таким образом, решениями проблемы социального обследования личности лица, совершившего преступление, являются расширение прав и обязанностей уголовно-исполнительных инспекций Министерства внутренних дел Республики Беларусь по возможностям социального обследования лица в период расследования уголовного дела, создание отдельных подразделений, которые будут заниматься сбором информации о личностных особенностях, оказывать социально-правовую помощь, а также составлять досудебный доклад и представлять его в судебном заседании и после вынесения приговора предоставлять данный

документ в подразделение уголовно-исполнительной инспекции, либо орган уголовно-исполнительной системы, в котором будет исполняться назначенная судом мера уголовной ответственности, для того, чтобы сотрудники данного подразделения знали, с какой личностью им предстоит работать, на что стоит обратить внимание, какой план ресоциализации будет наиболее эффективен для данного лица. При расширении прав и обязанностей уголовно-исполнительных инспекций необходимо увеличивать штат, чтобы более равномерно распределять нагрузку, так как некоторые сотрудники будут выполнять дополнительные функции по составлению и представлению досудебного доклада. При создании отдельных подразделений требуется предоставить им возможность взаимодействия с органами, ведущими предварительное преследование, или органом дознания, а также с органом, исполняющим наказание, для предоставления им информации о лице, совершившем преступление.

Таким образом, подводя итог, отметим, что социальное обследование лица, совершившего преступление, проводимое на досудебной стадии, является одним из необходимых нововведений в законодательство и правоприменительную практику. Знания о лице, совершившем преступление, позволят суду вынести наиболее оптимальный механизм уголовно-правовой репрессии в отношении лица, совершившего преступление. Полномочия по составлению досудебного доклада целесообразно закрепить за уголовно-исполнительными инспекциями Министерства внутренних дел Республики Беларусь с соответствующим созданием на их базе подразделений, занимающихся составлением досудебного доклада и структурно входящих в организационно правовой механизм уголовно-исполнительных инспекций.

УДК 343.35

В.А. Караваява

КОНСТРУИРОВАНИЕ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ИНТЕРЕСОВ СЛУЖБЫ В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИИ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Утверждение на 25-м заседании республиканского Координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупцией Стратегии борьбы с коррупцией (далее – Стратегия) свидетельствует о важности и актуальности проблемы борьбы с таким негативным явлением на уровне государства. Стратегия явилась итогом деятельности по обобщению прогрессивного отечественного и международного опыта в данной сфе-

ре. В этом программном документе не только изложены цели, задачи и принципы борьбы с коррупцией на современном этапе, но и определены конкретные стратегические направления, позволяющие целенаправленно и системно воздействовать на причины и условия, способствующие различным проявлениям коррупции.

Одним из стратегических направлений борьбы с коррупцией в Республике Беларусь в соответствии со Стратегией является совершенствование ответственности за правонарушения, создающие условия для коррупции, и коррупционные правонарушения, обладающие высоким уровнем латентности. Наибольшей общественной опасностью характеризуются коррупционные преступления, большинство из которых расположены в гл. 35 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК). В современных условиях развития общества преступления против интересов службы представляют угрозу национальной и общественной безопасности, тормозят социально-экономические преобразования, оказывают дестабилизирующее влияние на различные сферы деятельности государства. В следственной и судебной практике нередко допускаются ошибки, обусловленные сложностью юридической оценки данной группы преступлений.

В отечественном уголовном праве общие вопросы конструирования основных и квалифицированных составов преступлений против интересов службы исследовались Н.А. Бабием, А.В. Барковым, А.К. Добродеем, А.М. Климом, В.В. Лосевым, В.В. Хилюткой и др. В то же время гл. 35 УК не подвергалась комплексному анализу с точки зрения нормотворческой техники как целостная структурная составляющая уголовного закона. Конкретные требования к структуре главы и последовательности расположения в ней статей не разработаны. Несмотря на значительное количество научных публикаций по указанной теме, отсутствуют требования к конструированию и применению основных и квалифицированных составов преступлений против интересов службы; четко не сформулированы требования к конструированию санкций статей, расположенных в гл. 35 УК. Ученые не пришли к единому мнению относительно возможности использования примечаний в уголовном законе; отсутствует единое понимание их юридической природы; не разработаны конкретные требования нормотворческой техники, предъявляемые к форме и содержанию примечаний в уголовном законе.

Масштабные изменения в уголовный закон, внесенные в 2021 г., существенно затронули содержание гл. 35 УК и не решили все проблемы конструирования составов преступлений против интересов службы. Преимущественно они коснулись санкций уголовно-правовых норм. В то же время было учтено мнение отечественных специалистов в области уголовного права по поводу необходимости исключения из ч. 3

ст. 426 УК оскорбления должностного лица. Ранее в юридической литературе неоднократно отмечалось, что общественная опасность оскорбления должностного лица, предусмотренная ч. 3 ст. 426 УК, не соразмерна с насилием и иными признаками, в связи с чем указанная норма нуждалась в совершенствовании.

По-прежнему остается нерешенным вопрос законодательного закрепления в диспозиции статьи признаков субъективной стороны основных составов преступлений против интересов службы. В юридической литературе указывается, что уголовная противоправность служебного подлога, незаконного участия в предпринимательской деятельности, получения взятки, дачи взятки, посредничества во взяточничестве, а также незаконного вознаграждения характеризуется умышленной формой вины в виде прямого умысла. Однако анализ конструкции указанных составов преступлений показывает, что форма вины по отношению к общественно опасному деянию в диспозиции четко не определена. По данному вопросу следует отметить, что, формулируя уголовно-правовую норму, законодатель обязан точно указывать субъективные признаки преступления. Если же в силу каких-либо причин сделать это не представляется возможным, такая статья не должна включаться в уголовный закон.

Не решена проблема конструирования квалифицированных составов преступлений против интересов службы. В гл. 35 УК расположено две статьи, в которых части первые исключены (ст. 424, 425 УК), что затрудняет выработку единого подхода к их конструированию. В указанных статьях основные составы преступлений располагаются не в первой, а во второй части. В то же время в ч. 3 ст. 426 УК расположен одновременно основной и квалифицированный состав превышения власти или служебных полномочий. Анализ конструкции статей гл. 35 УК показывает, что в большинстве случаев наличие квалифицирующего признака предопределяет изменение категории основного состава преступления в зависимости от характера и степени общественной опасности: так, если в ч. 1 закреплено преступление, не представляющее большой общественной опасности, то в ч. 2 должно быть закреплено менее тяжкое преступление; в ч. 3 – тяжкое; в ч. 4 – особо тяжкое. Однако данные изменения происходят преимущественно посредством увеличения верхнего предела наказания в виде лишения свободы. Так, злоупотребление властью или служебными полномочиями, совершенное должностным лицом, занимающим ответственное положение (ч. 3 ст. 424 УК), наказывается лишением свободы на срок от трех до десяти лет, в то время как в ч. 2 ст. 424 УК предусмотрено наказание в виде лишения свободы от двух до шести лет. Из этого следует, что лицо, признанное виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 424 УК, может

быть подвергнуто наказанию в виде лишения свободы на срок три года, как и лицо, совершившее преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 424 УК. Подобная ситуация характерна для большинства статей Особенной части УК, для конструирования которых законодатель избрал способ «перекрывания» санкций основного состава санкциями квалифицированного состава. Указанный способ конструирования квалифицированных составов преступлений, на наш взгляд, не является однозначным.

В ч. 3 ст. 426 УК, а также в ч. 3 ст. 430 УК используется квалифицирующий признак «лицом, занимающим ответственное положение», который отсутствует в иных главах Особенной части УК. Значение данного признака не раскрывается в УК и в соответствующих постановлениях Пленума Верховного Суда Республики Беларусь. Учитывая тот факт, что субъектом преступлений, предусмотренных ст. 426 и 430 УК, может быть только должностное лицо, а также, принимая во внимание конструкцию ч. 3 ст. 426 УК («действия, предусмотренные ч. 1 или 2 настоящей статьи...») и ч. 3 ст. 430 УК («действия, предусмотренные частями первой или второй...»), можно заключить, что под «лицом» подразумевается именно «должностное лицо». Анализ следственной и судебной практики подтверждает данный факт. Под «лицом, занимающим ответственное положение» судами понимается именно «должностное лицо, занимающее ответственное положение», тем самым используется расширительное толкование данного квалифицирующего признака.

Безусловно, перечисленные проблемы конструирования составов преступлений против интересов службы не являются исчерпывающими. Однако с учетом определенных стратегических направлений борьбы с коррупцией в Республике Беларусь на них целесообразно обратить внимание при внесении изменений в уголовный закон.

УДК 343.96

М.Ю. Кашицкий

ПСИХИЧЕСКИЕ РАССТРОЙСТВА ЛИЦ, СОДЕРЖАЩИХСЯ В УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ, КАК ФАКТОРЫ, ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЕ СУИЦИДАЛЬНОЕ И ПРОТИВОПРАВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Как свидетельствует анализ отчетной документации Департамента исполнения наказаний Министерства внутренних дел Республики Беларусь (ДИН МВД) в течение последних лет наблюдается рост суицидальной активности лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-

исполнительной системы Республики Беларусь (УИС). Нами были изучены материалы о фактах суицидального и противоправного поведения лиц, содержащихся в учреждениях УИС за период 2013–2020 гг. Изучая особенности личности лиц с суицидальным поведением, содержащихся в учреждениях УИС, мы отдельно рассматривали лиц, совершивших самоубийство, и лиц с нелетальным суицидальным поведением (демонстративные попытки самоубийства, членовредительства). Кроме того для выявления проблем, возникающих в процессе противодействия преступности, общественно опасного, отклоняющегося поведения лиц с психическими расстройствами, а также суицидального поведения в условиях учреждений УИС, нами, по согласованию с ДИН МВД, было организовано и проведено (по специально разработанным анкетам) анонимное анкетирование сотрудников, занимающих различные должности, в органах и учреждениях УИС, в том числе ведомственных врачей-психиатров УИС. Вопросы в анкетах были сформированы по блокам в зависимости от проблемного аспекта преступности и общественно опасного поведения лиц с психическими расстройствами, а также от компетенции респондентов.

Как свидетельствуют результаты анонимного анкетирования врачей-психиатров учреждений УИС, 100 % респондентов считают, что осужденные (лица, содержащиеся в следственном изоляторе (СИЗО)) с психическими расстройствами имеют специфические типичные особенности личности. При этом 93,75 % считают, что специфические типичные особенности личности осужденных с психическими расстройствами оказывают влияние на их противоправное поведение, в том числе суицидальное поведение.

Проведенное исследование распространенности психических расстройств различной нозологической формы у лиц, содержащихся в учреждениях УИС, показало, что общая заболеваемость лиц в учреждениях УИС с установленным диагнозом психического расстройства и зависимости от психоактивных веществ (ПАВ) намного выше общереспубликанского уровня. Так, на основании анализа статистических данных нами выделены наиболее распространенные нозологические формы психических расстройств лиц, содержащихся в учреждениях УИС, входящие в пять из 11 диагностических рубрик МКБ-10 класс (глава) V «Психические расстройства и расстройства поведения»: психические и поведенческие расстройства, связанные с потреблением ПАВ (F10–F19), невротические, связанные со стрессом и соматоформные расстройства (F40–F48), расстройства зрелой личности и поведения у взрослых (F60–

F69), органические, включая симптоматические, психические расстройства (F00–F09), умственная отсталость (F70–F79).

Среди исследованных нами осужденных мужчин с установленным диагнозом психического расстройства, которые в силу своих отрицательных индивидуально-личностных особенностей были поставлены на психологический учет из-за совершения суицидальной попытки в период отбывания наказания в виде лишения свободы, доминировали лица с диагнозами «Расстройства зрелой личности и поведения у взрослых» (F60–F69) и «Алкогольная зависимость» (F10.2, F10.3, F10.8, F10.9).

При этом 25 % опрошенных ведомственных врачей-психиатров выделили психическое расстройство в качестве основной причины самоповреждений лиц, содержащихся в СИЗО и исправительных учреждениях (ИУ), однако их мнение разделяют только 6,6 % опрошенных сотрудников и 8,7 % осужденных.

Как показывает анализ специальной зарубежной и отечественной литературы, а также свидетельствуют результаты собственных исследований, психическое расстройство, как правило, у большинства осужденных не является непосредственной причиной преступления или суицидального поведения, а выступает лишь условием на фоне которого негативно воздействующая на лицо, страдающее психическим расстройством, действительность, преломляясь через его деформированную расстройством психику, может проявляться неадекватным (агрессивным, аутоагрессивным, противоправным) реагированием на воздействие раздражителя. Такие осужденные из-за имеющихся расстройств психики не способны адекватно отражать объективную реальность (нарушено восприятие), т. е. действительно имеющие место в жизни факты, явления, события окружающей действительности. Из-за неадекватного восприятия они не способны адекватно осмысливать (анализировать) сложившуюся ситуацию перед преступлением, т. е. наблюдается неадекватное (неправильное) установление собственного отношения к этим явлениям и обстоятельствам, с определением мотивов своих действий и прогнозированием их возможных последствий. Соответственно, из-за неадекватного (неправильного) осмысления сложившейся ситуации их поведение носит неадекватный, а нередко противоправный характер. При этом вследствие ослабления волевого контроля, а также исходя из выраженности личностных или психопатологических изменений, имеющих особенностей высшей нервной деятельности, они могут действовать импульсивно, нередко инстин-

тивно, а соответственно, часто быстрее, чем здоровые лица, начинают совершать противоправные деяния.

Основной причиной противоправного и аутодеструктивного поведения (как суицидальных, так и несуицидальных форм – членовредительства, демонстративные попытки самоубийства, голодовки), лиц, содержащихся в учреждениях УИС, являются именно пенитенциарные (специфические) причины, имеющие место исключительно в местах лишения свободы, обусловленные прежде всего экстремальным воздействием среды мест лишения свободы и особенностями отношений, характерными для ИУ и СИЗО, которые возникают как по горизонтали (осужденный – осужденный), так и по вертикали (сотрудник УИС – осужденный). Эта группа причин является основной в возникновении аутодеструктивной мотивации личности в условиях мест лишения свободы, что объясняется жизненно необходимыми потребностями осужденного: обеспечением безопасности жизни и здоровья; самоутверждением в среде осужденных; сохранением личного достоинства; изменением своего социального положения в системе неофициальной стратификации и т. д. Они во многом обусловлены самой природой такого вида уголовного наказания, как лишение свободы, которое наиболее существенно деформирует правовой статус гражданина, меняет весь его образ жизни. Данное обстоятельство, безусловно, не может не отразиться и на состоянии психического здоровья осужденного. Поскольку человек, страдающий психическим расстройством, по сравнению с психически здоровым человеком, более склонен к совершению импульсивных действий, следовательно, и риск совершить самоубийство или иной аутодеструктивный акт у него более высок, особенно в условиях учреждений УИС.

Таким образом, учитывая широкую распространенность психической патологии в современном обществе, экстремальность среды мест лишения свободы, можно констатировать, что психические расстройства оказывают существенное влияние на поведение осужденного в местах лишения свободы. В связи с этим при организации воспитательной и психологической работы с данной категорией лиц необходимо обеспечить (усилить) взаимодействие с медицинской службой учреждения УИС и ориентироваться на рекомендации врачей-психиатров учреждения, основанные на оценке актуального психического состояния лица с психическим расстройством, содержащегося в учреждении УИС, прогнозе дальнейшего развития его заболевания с учетом установленного диагноза и получаемого лечения.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДОСТУПА ОСУЖДЕННЫХ К ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЕ

В настоящее время не теряет своей актуальности вопрос совершенствования законодательства Республики Беларусь, регламентирующего правовой статус лиц, отбывающих наказание. Это обусловлено необходимостью оптимизации отечественной правоприменительной практики, расширения реализации международных стандартов и актов в сфере прав человека и отправления правосудия, повышения эффективности функционирования уголовно-исполнительной системы (УИС).

Для повышения эффективности исправительного процесса, который напрямую влияет на правовой статус осужденного, необходимо учитывать ряд факторов: опыт зарубежных стран в данной области, взаимосвязь уголовно-исполнительного законодательства с иными отраслями права, использование информационно-технических средств, правовое регулирование данного вопроса.

Использование информационных технологий в деятельности правоохранительных органов, в том числе УИС, в последние годы значительно активизировалось. В первую очередь, планомерно совершенствуется техническая оснащенность учреждений. Особую значимость приобретают технологии, направленные на получение, обработку, передачу и хранение информации в уголовно-исполнительной сфере.

Пристальное внимание уделяется работе по созданию автоматизированных информационных систем для сотрудников УИС, осуществляющих процессы сбора, обработки, накопления, хранения, поиска, распространения и мониторинга информации. В целях повышения оперативности и качества принятия управленческих решений, основанных на полной и достоверной информации о лицах, совершивших правонарушения, осужденных с учетом квалификации уголовно наказуемого деяния и назначенного наказания, в УИС с 2006 г. используется программно-технический комплекс по формированию единого государственного банка данных о правонарушениях (ЕГБДП), который представляет собой информационно-техническую систему, находящуюся в ведении Министерства внутренних дел Республики Беларусь и включающую в себя сведения о правонарушениях. Соответствующая информация используется правоприменителем для повышения эффективности своей деятельности и обмена информацией.

Кроме того, использование информационных технологий в пенитенциарной системе имеет непосредственное влияние и на осужденных, так как оказывает воздействие на их правовой статус и степень исправления. Согласно ст. 109 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (УИК) в исправительных учреждениях организуются получение осужденными образования в дистанционной форме. Согласно Правилам внутреннего распорядка исправительных учреждений (ПВР ИУ) осужденным, получающим образование в дистанционной форме, разрешено иметь при себе электронные книги. Однако п. 58.41 ПВР ИУ запрещает хранить информацию, не относящуюся к процессу получения образования в дистанционной форме.

Необходимо помнить, что большое влияние на становление личности оказывает саморазвитие. По сравнению со странами Скандинавии, осужденные в Республике Беларусь ограничены в возможности развиваться в культурном и интеллектуальном направлении. Формально они могут самостоятельно получать образование, изучать художественную и профессиональную литературу.

Для оптимизации образовательного процесса, а также возможности чтения современной художественной и научной литературы представляется целесообразным постепенный переход от печатных изданий к электронным книгам. С целью исключения возможности хранения в электронных книгах запрещенной литературы, а также контроля за информацией, содержащейся в них, предлагается на уровне администрации ИУ определить список литературы, которую осужденные могут использовать для самообразования. Книги, разрешенные к прочтению, могут быть скачаны в центре дистанционного доступа к электронной образовательной среде (ДДЭОС), находящемся в ИУ. На наш взгляд, это позволит осужденным не только получать дистанционное образование, но и повысить свой культурный и научный уровень, а также, возможно, найти хобби.

Научные технологии динамично развиваются, появляются новые профессии и осужденным, отбывающим наказание в ИУ, из-за запрета пользования сетью Интернет в личных целях после освобождения сложно адаптироваться к новым реалиям. Интернет-ресурсы служат также средством связи, в которой ограничены лица, отбывающие наказания. Из-за этого ограничения социально полезные контакты в некоторых случаях утрачиваются, а следовательно, процесс ресоциализации после отбытия наказания проходит труднее, а иногда это приводит к повторному совершению преступления.

Конечно, существуют определенные риски совершения осужденными с помощью сети Интернет не только нарушений установленного по-

рядка отбывания наказания, но и преступлений. Однако для предупреждения и пресечения данных негативных явлений существуют соответствующие оперативные подразделения, которые на постоянной основе могут осуществлять мониторинг поведения осужденных в сети Интернет. С целью стимулирования законного использования вышеназванных ресурсов следует рассмотреть вопрос о наличии меры взыскания, предусматривающей лишение права пользования ими на определенный срок, для чего могут быть внесены изменения в ст. 112 УИК.

Пользование интернет-ресурсами может осуществляться из центра ДДЭОС. У каждого осужденного будет своя учетная запись (имя пользователя и пароль). Следует ввести также определенный круг сайтов, доступ к которым будет разрешен для осужденных. Такой подход позволит создать благоприятные условия для поиска актуальных вакансий для трудоустройства после освобождения.

Информационные технологии также оказывают непосредственное воздействие на жизнедеятельность человека. Так, например, поддержание социально полезных связей осужденными не представляется возможным без телефонных разговоров, а также видеозвонков. Поддержание социально полезных связей тесно связано с процессом ресоциализации, представлением осужденных институтам замены наказания более мягким и условно-досрочному освобождению. Особую актуальность возможность видеозвонков получила в 2020 г. в условиях пандемии COVID-19.

По данным Тайландского института юстиции, в рамках проекта «Глобальные тренды в тюремной системе» по состоянию на 2022 г. одним из актуальных направлений совершенствования деятельности пенитенциарной системы во всем мире является повышение цифровой грамотности лиц, отбывающих наказание. В связи с этим представляется важным обеспечить постепенное расширение доступа осужденных к сети Интернет и обучение их навыкам цифровой грамотности, признавая особую роль цифровых технологий в жизни за пределами ИУ. Подобный подход актуален и для Республики Беларусь.

На основании изложенного выше следует, что информационные технологии занимают важную позицию в функционировании пенитенциарных учреждений, непосредственно связаны со средствами исправления осужденного, а также являются значимым элементом при осуществлении охраны и надзора за осужденными, играют существенную роль в реализации правового положения осужденных в информационной сфере. В этой связи важной задачей выступает подготовка сотрудников учреждений УИС к использованию современных компьютерных техно-

логий в своей работе и внедрению новейших информационных технологий в деятельности учреждений УИС. Высказанные предложения носят дискуссионный характер, требуют дальнейшей проработки. Однако, по нашему мнению, их реализация качественно повысит законодательное закрепление и реализацию правового положения осужденных в информационной сфере.

УДК 343.8

А.В. Кривенков

ЗЛОСТНОЕ УКЛОНЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОТ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ МЕРЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

В соответствии с ч. 2 ст. 117 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК) одной из принудительных мер воспитательного характера, которая применяется к несовершеннолетним преступникам, является помещение их в специальное учебно-воспитательное или специальное лечебно-воспитательное учреждение.

Меры предусматривают помещение несовершеннолетних в воспитательные учреждения закрытого типа органов управления образованием, которые считаются эффективным инструментом государственной помощи несовершеннолетним правонарушителям. Практика показывает, что направление несовершеннолетних в специализированные образовательные учреждения закрытого типа дает положительные результаты.

Пребывание несовершеннолетнего в специальном учебно-воспитательном или лечебно-воспитательном учреждении может быть прекращено досрочно судом в случае наступления определенных обстоятельств. При этом предусмотрены различные варианты, при которых прекращается нахождение несовершеннолетнего в специализированных учреждениях может судьей суда, постановившего приговор первоначально либо районным судьей по месту его жительства в течение десяти суток со дня поступления представления.

В Республике Беларусь имеется четыре специальные учреждения закрытого типа для трудных подростков, расположенные в Могилевской и Гомельской областях. Из них три специальные учреждения закрытого типа для несовершеннолетних лиц мужского пола: учреждение образования «Могилевская государственная специальная школа закрытого типа», учреждение образования «Могилевское государственное специальное профессионально-техническое училище закрытого типа № 2

деревообработки» и государственное учреждение образования «Кривичское специальное лечебно-воспитательное профессионально-техническое училище закрытого типа».

Несовершеннолетние женского пола направляются в учреждение образования «Петриковское государственное специальное профессионально-техническое училище закрытого типа № 1 легкой промышленности». Несовершеннолетние в возрасте от 11 до 18 лет, нуждающиеся в особых условиях обучения, в том числе с особенностями психофизического развития, а также страдающие заболеваниями из перечня заболеваний, утвержденного Министерством здравоохранения Республики Беларусь, на срок до двух лет, но не более чем до достижения совершеннолетним восемнадцатилетнего возраста. В данных учреждениях осужденные могут осваивать образовательные программы, а также с ними проводится воспитательная работа, оказывается психологическая помощь.

Несмотря на эффективность данной меры, имеются определенные проблемы с привлечением к ответственности осужденного в случае уклонения. Частью 5 ст. 117 УК предусмотрено, что в случае злостного уклонения несовершеннолетнего в течение срока судимости от исполнения принудительной меры воспитательного характера суд по представлению органа, ведающего ее исполнением, может заменить данную меру на более строгую, предусмотренную ч. 2 названной статьи. Несмотря на вышеизложенное в УК, разъяснений о том, что подразумевается под злостным уклонением не имеется. В связи с этим у правоприменителей часто возникают вопросы с квалификацией уклонения, что влечет различные понимания данного явления, что недопустимо в юриспруденции.

При этом в соответствии с ч. 2 ст. 185 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (УИК) за нарушение общественного порядка, учебной и трудовой дисциплины, невыполнение обязанности в установленный срок возместить или устранить причиненный ущерб, несоблюдение определенного порядка использования свободного времени или нарушение установленных запретов в связи с ограничением свободы досуга несовершеннолетнему, осужденному с применением принудительных мер воспитательного характера, указанных в п. 1–4 ч. 2 ст. 117 УК, может быть вынесено официальное предупреждение. Если данные действия осуществляются повторно после официального предупреждения, то осужденному объявляется выговор в письменной форме. Следующим этапом является совершение нарушения после объявления выговора. В соответствии с ч. 4 ст. 185 УИК в случае, если несовершеннолетний осужденный после объявленного ему выговора допустит до

истечения срока судимости указанные в ч. 2 ст. 185 УИК нарушения, инспекция по делам несовершеннолетних вправе направить в суд представление о замене принудительной меры воспитательного характера более строгой, предусмотренной ч. 2 ст. 117 УК, т. е. направить его в специализированное учреждение.

Таким образом, следует прийти к выводу, что формально под злостным уклонением несовершеннолетнего от исполнения принудительной меры воспитательного характера понимается совершение трех или более нарушений, предусмотренных ч. 2 ст. 185 УИК, о чем законодатель не говорит в тексте данной статьи. Это влечет за собой неточности, так как в процессе вынесения предупреждения или объявления выговора (так как это все занимает определенное время, рамки которого установлены законодательством) осужденный может совершить еще ряд нарушений, но при этом в соответствии с действующей редакцией ст. 185 УИК уклонения наступать не будет, так как юридического факта еще не наступило.

Представляется, что злостное уклонение должно наступать именно по факту допущения трех нарушений, зафиксированных документально. На основании вышеперечисленного считаем целесообразным ч. 5 ст. 117 УК изложить в следующем содержании:

«5. В случае совершения в течение срока судимости несовершеннолетним, осужденным с применением принудительных мер воспитательного характера, предусмотренных пунктами 3, 4 и 5 настоящей статьи, трех и (или) более нарушений, предусмотренных частью 2 статьи 185 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь, по представлению органа, ведающего их исполнением, суд может заменить данную меру на более строгую, предусмотренную частью 2 настоящей статьи.»

УДК 343.8

С.В. Кузьменкова

О ВОСПИТАТЕЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ВОЗДЕЙСТВИИ НА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ К АРЕСТУ

Несовершеннолетние осужденные к аресту – это особая категория осужденных, которая требует к себе особого воспитательного подхода и процесса его осуществления со стороны сотрудников арестного дома, учитывая, что в аресте карательная составляющая наказания объективно преобладает над воспитанием. В соответствии со ст. 59

Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (УИК) несовершеннолетние, осужденные к аресту, содержатся отдельно от других (взрослых) осужденных к данному наказанию. К тому же сотрудники арестного дома особое внимание обязаны уделять вопросам совместности характера несовершеннолетних в процессе их распределения по камерам и правилам обращения с ними.

Повседневное поведение несовершеннолетних, отбывающих наказание в виде ареста, подтверждает их повышенную внушаемость, инфантильность, конформизм. Знание особенностей психологии несовершеннолетних, отбывающих наказание в виде ареста, является необходимой предпосылкой развития взаимоотношений с ними для достижения целей их исправления. Во всех случаях и при любых условиях воспитательное воздействие на осужденных, отбывающих наказание в виде ареста, должно быть направлено на коррекцию нравственных дефектов.

В целях предупреждения совершения несовершеннолетними преступлений воспитательные меры должны предполагать целенаправленное оказание воспитательно-педагогического воздействия, а принудительные средства – «шоковое», разовое воздействие с целью демонстрации реальных последствий совершения очередного преступления, когда применением общеобразовательных мер достичь необходимого результата не удастся.

Так, в Германии наказание в виде ареста относится к группе принудительных средств, которые не рассчитаны на длительное применение, и их назначение является обоснованным в том случае, когда несовершеннолетнему посредством краткосрочной меры необходимо разъяснить, что его преступное деяние не останется безнаказанным. Для достижения цели исправления при исполнении наказания в виде ареста в Германии активно используются методы психотерапевтического воздействия на несовершеннолетних осужденных к аресту. Социальные работники совместно с психологами с помощью методов психологической и социально-психологической диагностики изучают личность осужденных, поступающих в арестные дома, и применяют методы социальной терапии. Вместе с психоаналитическими подходами также активно используются и методы разговорной психотерапии, поведенческой терапии, методы группового консультирования и др. Стоит отметить, что социальные работники в ходе проведения групповой работы с осужденными строго соблюдают принцип добровольности, а в целях мотивации спецконтингента широко используют определенные льготы, например,

применение предусмотренных мер поощрения. К называемой «групповой психотерапии» прибегают в случаях, если речь идет о лечении индивидов на специальных терапевтических встречах.

Проведение групповой работы с осужденными основывается на том, что индивиды, когда они объединены в группу, способны оказывать влияние, начинают думать, чувствовать и реагировать по-другому. Самое важное заключается в создании групп осужденных, способных положительно влиять друг на друга и тем самым содействовать самоисправлению.

На территории нашего государства к формам групповой терапии относится коллективная беседа, проведение которой требует объединения осужденных в группы до десяти человек. Каждую неделю в группе проходит диспут на интересующую несовершеннолетних тему. Руководитель группы (сотрудник, который обладает необходимыми знаниями по психологии, социологии и психиатрии) во время проведения диспута должен не высказывать категорических точек зрения, поскольку это может помешать свободному обмену мнениями между осужденными.

В связи с тем что осужденные к аресту отбывают наказание в камерах арестного дома, то для проведения групповой терапии привлекаются осужденные, отбывающие арест в одной камере. Следует отметить, что основная цель групповых бесед заключается как в оказании помощи осужденным приспособиться к условиям арестного дома, так и в повышении чувства ответственности за свои поступки.

Полагается, что для более продуктивной работы в данном направлении сотрудник арестного дома должен не менее двух раз в неделю проводить групповые беседы как с несовершеннолетними, так и с совершеннолетними осужденными к аресту.

Кроме того, практика показывает, что большинство сотрудников арестных домов (около 64,3 %) считают, что проведение групповых бесед с осужденными к аресту несовершеннолетними является эффективным воспитательным мероприятием.

Таким образом, представляется возможным закрепить в УИК проведение с несовершеннолетними, осужденными к аресту, групповых или индивидуальных бесед в качестве основной формы воспитательной работы, для чего предлагается ч. 7 ст. 59 УИК дополнить положением, согласно которому администрация арестного дома организует и проводит с несовершеннолетними, осужденными к аресту, групповые или индивидуальные беседы не реже двух раз в неделю.

**О РЕГЛАМЕНТАЦИИ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ КОДЕКСАХ
СТРАН СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ
ОСНОВАНИЙ И ПОРЯДКА ПРОВЕДЕНИЯ СВИДАНИЙ АДВОКАТОВ
С ЛИЦАМИ, ОТБЫВАЮЩИМИ ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ**

Обеспечение конфиденциальности при проведении свиданий.

Тайна переговоров и консультаций адвокатом своего клиента является важной гарантией успешной юридической защиты его прав при исполнении наказания. Поэтому уголовно-исполнительное законодательство стран СНГ уделяет большое внимание этому аспекту. В Азербайджане, Таджикистане, Узбекистане для соблюдения адвокатской тайны установили возможность проведения свиданий с адвокатом наедине.

В России Федеральным законом Российской Федерации от 8 декабря 2003 г. № 161-ФЗ была конкретизирована возможность проведения свидания с адвокатом наедине: было установлено, что, во-первых, такое свидание предоставляется наедине исключительно по желанию осужденного. Во-вторых, свидание предоставляется вне пределов слышимости третьих лиц и без применения технических средств прослушивания. Несомненно, на такую детализацию повлияли стандарты Совета Европы, имплементация которых осуществлялась в российское законодательство начиная с 1998 г. Аналогичные требования к обеспечению адвокатской тайны были закреплены в 2011 г. в уголовно-исполнительном законодательстве Туркменистана.

В Уголовно-исполнительном кодексе (УИК) Казахстана и УИК Кыргызстана требуется обеспечение конфиденциальности при проведении свиданий осужденных с адвокатами. Из всех предложенных вариантов наиболее предпочтительным является, конечно, российский, поскольку его не надо расшифровывать как иностранное слово (от лат. *confidentia* – доверие).

Вместе с тем следует иметь в виду, что при запрете прослушивания свиданий адвокатов с осужденными, последние могут просматриваться. И такая практика в исправительных учреждениях России имеется. В том случае, если юридическая помощь оказывается глухонемому осужденному с помощью специального языка жестов, содержание беседы с адвокатом вполне может стать достоянием посторонних лиц с помощью осуществляемого видеонаблюдения. Поэтому этот аспект необходимо

учесть при изменении норм об условиях проведения свиданий осужденных с адвокатом.

Длительность свидания осужденных с адвокатами.

В УИК Беларуси, Таджикистана и Молдовы регламентация продолжительности свиданий осужденных с адвокатами отсутствует. В Азербайджане, Казахстане, Кыргызстане и Узбекистане действует запрет ограничения продолжительности свидания осужденного с адвокатом. Только в двух государствах установлены ограничения в продолжительности свидания с адвокатом.

В УИК Туркменистана установлено, что осужденным представляются краткосрочные свидания с адвокатом, а продолжительность краткосрочного свидания этим же кодексом определена в четыре часа.

В УИК России установлено, что свидание с адвокатом предоставляется продолжительностью до четырех часов. Как представляется, имеющаяся в туркменском и российском УИК правовая регламентация продолжительности свидания осужденного с адвокатом более органична, чем отсутствие такой регламентации либо предоставление свиданий без ограничения верхнего предела по времени. Это может приводить к конфликтам осужденных с администрацией исправительных учреждений. Известно, что в настоящее время довольно обеспеченные в материальном отношении осужденные, даже олигархи, отбывают лишение свободы. Поэтому они вполне могут оплачивать адвокатов и проводить с ними встречи довольно длительное время. Между тем следует избегать злоупотребления своим правом, а оно может иметь место, если свидания с адвокатами будут проводиться длительное, ничем не ограниченное время. Исходя из такой опасности, в уголовно-исполнительном законодательстве Республики Азербайджан установлено, что количество и сроки свиданий с адвокатом не ограничиваются, но осуществляются с соблюдением Правил внутреннего распорядка учреждения отбывания наказания. А в Правилах внутреннего распорядка предусмотрено время обязательного восьмичасового сна, приема пищи, лекарств и т. п.

Время предоставления свиданий с адвокатом.

В УИК Кыргызстана установлено, что свидания предоставляются в течение рабочего времени исправительного учреждения. Данное положение является попыткой как-то упорядочить предоставление свиданий, поскольку предоставление таковых без ограничения по продолжительности и количеству может попросту дезорганизовать работу исправительных учреждений. Однако, как нам думается, эта попытка не вполне удачна, так как рабочее время исправительного учреждения не ограничено какими-либо временными рамками: они работают круглосуточно.

Более логично время проведения свидания с адвокатом было изложено в подзаконном акте России. В ранее действовавших Правилах внутреннего распорядка исправительных учреждений (утверждены приказом Минюста России от 3 ноября 2005 г. № 205) было установлено, что свидания осужденных с адвокатом проводятся в часы от подъема до отбоя. В последующих Правилах внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных приказом Минюста России от 16 декабря 2016 г. № 295, данное положение не было включено. Не содержат нормы о времени проведения свиданий осужденных с адвокатами и действующие в настоящее время Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденные приказом Минюста России от 4 июля 2022 г. № 110, что, на наш взгляд, не способствует эффективности оказания юридической помощи осужденным. Такая правовая неопределенность может порождать и злоупотребление персоналом исправительных учреждений своими полномочиями.

Основания предоставления свиданий.

Формальным основанием для предоставления свидания с адвокатом, согласно УИК Беларуси, Таджикистана и Туркменистана, является заявление осужденного. В Республике Азербайджан кроме осужденного такие заявления могут подавать близкие родственники осужденных и их законные представители. В Казахстане предусмотрели, что основанием для предоставления свидания с адвокатом могут быть как устные, так и письменные заявления осужденных.

Интересное решение предложено в УИК Узбекистана. В нем установлено, что свидание может предоставляться не только по заявлению осужденного, но и по ходатайству адвоката. При этом отказ в удовлетворении ходатайства адвоката о предоставлении встречи с осужденным для получения им юридической помощи по мотивам отказа самого осужденного от встречи с адвокатом должен быть подтвержден после беседы адвоката с осужденным наедине, о чем составляется протокол, подписываемый осужденным, адвокатом и представителем администрации учреждения по исполнению наказания.

В России формальное основание для предоставления свидания не указано, хотя ранее, до изменения ч. 4 ст. 89 УИК в 2003 г., в качестве такого основания фигурировало заявление осужденного. На наш взгляд, такая лаконичность не вполне оправдана. Она может вызывать различия в практике предоставления осужденным свиданий с адвокатом и тем самым затруднить реализацию осужденными права на юридическую помощь.

УДК 343.24

В.В. Марчук

О ЗАМЕНЕ НАЗНАЧЕННОГО СУДОМ НАКАЗАНИЯ БОЛЕЕ СТРОГИМ

Законом Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-З «Об изменении кодексов по вопросам об уголовной ответственности» в Уголовном кодексе Республики Беларусь (УК) были введены положения, в соответствии с которыми злостное уклонение от отбывания некоторых наказаний, не связанных с изоляцией от общества, влечет применение более строгого наказания: ч. 6 ст. 49, ч. 4 ст. 50, ч. 6 ст. 51, ч. 7 ст. 52, ч. 8 ст. 55 УК. Одновременно указанным законом были декриминализованы деяния, ответственность за которые была предусмотрена в ст. 415–419 УК: уклонение от отбывания наказания в виде ограничения свободы (ст. 415), уклонение от отбывания наказания в виде исправительных работ (ст. 416), неисполнение приговора суда о лишении права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ст. 417), уклонение от уплаты штрафа (ст. 418), уклонение от отбывания наказания в виде общественных работ (ст. 419).

Возврат к советскому прецеденту механической замены исправительных работ на более строгое наказание и распространение ее на большинство наказаний реанимировало в практике совокупность уголовно-правовых и уголовно-процессуальных проблем, существенно затрагивающих как интересы граждан, так и интересы правосудия в целом. Отметим лишь некоторые из них.

Механическая замена назначенного судом наказания на более строгое противоречит многим принципам уголовного закона и уголовной ответственности. Например, соответствует ли принципу законности применение наказания за деяние, которое не признается преступлением, к тому же более строгого, чем то, которое было назначено судом в обвинительном приговоре?

Рассмотрим этот вопрос на примере уклонения от отбывания наказания в виде общественных работ. Декриминализация уклонения от отбывания общественных работ (ст. 419 УК) требует объяснения юридической природы фактического ужесточения уголовной ответственности при замене наказания на более строгое. Если не признавать злостное уклонение от отбывания общественных работ преступлением, то новое, более строгое уголовное наказание – арест – будет применяться фактически за дисциплинарный проступок (согласно ст. 27 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь, например, за нарушение трудовой дисциплины во время выполнения общественных работ).

Замена общественных работ противоречит смыслу ч. 1 ст. 48 УК о том, что за совершенное преступление может быть назначено только одно основное наказание. При механической замене наказания получается, что по одному обвинительному приговору осужденный реально отбывает два основных наказания: общественные работы и арест.

При замене общественных работ арестом возникают ситуации, когда санкцией статьи Особенной части УК, по которой лицо было осуждено, не предусмотрено наказание в виде ареста (см. санкции ч. 2 ст. 158, ч. 1 ст. 159, ст. 176, ст. 191, ч. 1 и 2 ст. 201, ст. 261¹, ст. 465¹ УК). Новое наказание – арест – в таком случае не вытекает из уголовно-правовой оценки, уже данной совершенному преступлению в вынесенном обвинительном приговоре.

Возникло противоречие с положениями ст. 62 УК, согласно которой суд назначает наказание в пределах, установленных статьей Особенной части УК, предусматривающей ответственность за совершенное преступление.

Замена общественных работ арестом в рамках одного обвинительного приговора нарушает принцип справедливости (ч. 6 ст. 3 УК), поскольку по одному обвинительному приговору лицо будет нести ответственность дважды.

Возникают иные проблемы уголовно-правового характера: о назначении наказания по совокупности приговоров в случае совершения нового преступления (какое наказание следует считать неотбытым по ранее вынесенному приговору, в рамках которого произошла замена: общественные работы или арест?); об исчислении сроков давности исполнения обвинительного приговора (каким сроком следует руководствоваться, если согласно п. 1 ч. 1 ст. 84 УК для общественных работ он составляет один год, а для ареста – два года (п. 2 ч. 1 ст. 84 УК?) и др.

Замена наказания осуществляется определением суда, что влечет существенные проблемы с обеспечением права осужденного на защиту. В случае реализации идеи о механической замене наказания более строгим, факты применения необоснованной замены наказания окажутся вне сферы процессуального контроля обеспечения прав граждан.

Механическая замена наказания более строгим нарушает важнейшее процессуальное положение о недопустимости ужесточения наказания, вид и размер которого установлен судом первой инстанции. Исключение из данного общего правила предусмотрено в ч. 3 ст. 387 УПК, в соответствии с которой суд апелляционной инстанции вправе изменить обвинительный приговор в связи с применением закона о более тяжком преступлении либо назначением более строгого наказания, а равно и по

другим основаниям, ухудшающим положение обвиняемого, лишь в случаях, когда по этим основаниям подана апелляционная жалоба потерпевшим, частным обвинителем или их представителями либо принесен апелляционный протест прокурором.

В целом механическая замена является очевидным свидетельством ужесточения ответственности за счет нарушения права осужденного на защиту: в условиях замены не предъявляется обвинение, отсутствуют право на апелляцию, гарантии, обусловленные состязательным процессом, и т. д.

Приговор суда в части наказания является регулятором процесса реализации наказания. Если определением суда заменяется наказание, то приговор утрачивает свое главное регулирующее значение – не воздействует на процесс реализации наказания.

Замена неотбытой части наказания на более строгое вызвала провакативный эффект, создало условия для девиантного поведения лица, осужденного к соответствующему виду наказания. Например, лицу, которому назначены общественные работы, выгоднее инспирировать уклонение от их отбывания, поскольку максимально в порядке замены ему может быть назначено 10 дней ареста ($240 : 24 = 10$).

Это особенно проявляется в настоящее время в среде лиц, осужденных к наказанию в виде ограничения свободы. Кроме того, применительно к замене ограничения свободы лишением свободы возникает ряд сугубо юридических вопросов. Например, каким образом должен решаться вопрос о виде исправительного учреждения и условиях режима отбывания лишения свободы, если в процессе отбывания лишения свободы, примененного в порядке замены за уклонение от отбывания ограничения свободы, лицо совершит новое преступление, за которое нужно назначать лишение свободы?

Следует также помнить, что приговор суда обладает силой закона, изменение которого путем механической замены наказания иным актом недопустимо.

Странно, что предложенный в УК подход о механической замене неотбытой части наказания более строгим касается только некоторых видов наказаний. Преступным признается уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы или ареста (ст. 414 УК). Непонятно, почему положение о замене наказания более строгим не коснулось ограничения по военной службе, наказания, которое по своему принудительному потенциалу близко к наказанию в виде исправительных работ? Не имеет логического объяснения наличие в Особенной части УК норм, предусматривающих уголовную ответственность за несоблюдение тре-

бований превентивного надзора (ст. 421 УК) и уклонение от превентивного надзора (ст. 422 УК). Указанные деяния признаются преступными, хотя речь идет не об уклонении от отбывания наказания, а об уклонении от меры воздействия, которая не является наказанием.

В целом следует констатировать, что закрепленный в УК подход о замене неотбытого наказания более строгим не соответствует справедливости и сбалансированности уголовно-правовых норм.

УДК 343

В.Р. Меерсон

**КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ДЕЙСТВИЙ,
ДЕЗОРГАНИЗУЮЩИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
УЧРЕЖДЕНИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
(НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)**

Исторически складывающийся постулат о том, что в правовой реальности именно юридической ответственности отводится роль одного из столпов, на котором зиждется надстройка всей гармоничной совокупности органов государственной власти, бесспорен как для прошлого, так и для настоящего. Противодействие установленной мере государственного принуждения, по сути своей, образует определенный замкнутый круг, разрыв которого зависит от особенностей того или иного социума, качеств личности, противодействующей наказанию (если речь идет о совершенном преступлении), а также текущего этапа развития цивилизации. Вместе с тем следует отметить, что конкретная уголовно-правовая норма появилась относительно недавно, что, однако, не нивелирует более древние истоки ее становления.

Необходимость установления уголовной ответственности за действия, дезорганизующие функционирование учреждения уголовно-исполнительной системы (ст. 321 Уголовного кодекса Российской Федерации и ст. 410 Уголовного кодекса Республики Беларусь), обусловлена рядом объективных причин. Поэтому следует акцентировать внимание на том, что качество применения как наказания, так и меры пресечения имеет прямую зависимость от ряда факторов, основным из которых является должный уровень организации указанной деятельности, находящейся в прямой зависимости от законодательно регламентированного, упорядоченного функционирования соответствующих учреждений уголовно-исполнительной системы.

Криминализация представляет специфический процесс, требующий ряда необходимых условий, сформированных господствующими в обществе правовыми представлениями, для отнесения деяния к категории преступлений. На законодателе при этом лежит серьезная ответственность, заключающаяся в предельно адекватном отражении социальных запросов, которые будут выражены в соответствующей правовой норме. В этой связи достаточно близкими являются подходы российских и белорусских законодателей к указанному процессу в отношении рассматриваемого преступления.

Криминализации присущ перечень принципов, основываясь на которых результаты данного процесса можно качественно оценивать и в целом делать выводы о реальной обусловленности запрета того либо иного деяния, рациональности такой деятельности. Как правило, в уголовно-правовой науке выделяются две основные группы принципов, которые условно можно обозначить как социальные и системно-правовые. Таким образом, чтобы подчеркнуть состоятельность уголовно-правового запрета действий, дезорганизующих функционирование уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации и Республике Беларусь, необходимо оценить его на предмет соответствия (неполного соответствия, либо относительного несоответствия) указанным принципам криминализации. Вместе с тем, учитывая в определенной мере дополняющую специфику группы системных уголовно-правовых принципов в контексте криминализации, целесообразно подробнее остановиться на отдельных, наиболее значимых принципах уголовно-правового запрета, условно отнесенных к социальным.

Рассматривая ряд принципов криминализации, необходимо выделить среди них общественную опасность деяния, который по своему содержанию вполне заслуживает роль ключевого принципа криминализации. Применительно к исследуемому преступлению для двух стран соответствие данному принципу не вызывает сомнений. Общественная опасность действий, дезорганизующих функционирование учреждения уголовно-исполнительной системы, заключается в воспрепятствовании реализации судебных решений, нарушении деятельности пенитенциарного учреждения, а также всех процессов, происходящих в нем (исправление осужденных, исполнение наказания, деятельность полезных самодеятельных организаций осужденных и т. д.), ущербе авторитету государственных органов и должностных лиц, а также детерминации совершения новых преступлений, угрозе безопасности лиц, находящихся в исправительном учреждении. Нарушение упорядоченного функционирования учреждения уголовно-исполнительной системы обуслов-

ливаает осложнение внутренней оперативной обстановки, чем могут воспользоваться отрицательно настроенные осужденные, а также приверженцы криминальной субкультуры.

Следующим важным принципом криминализации рассматриваемых преступлений является относительная распространенность. Рассматриваемый принцип по своему содержанию предусматривает потребность в количественном выражении криминализируемого деяния. Сущность данного принципа подразумевает определенную степень распространенности в границах от единичного исключительного случая до чрезвычайно распространенного явления, которое, выходя за определенные рамки, становится нормой поведения. Таким образом, обратившись к статистическим данным по исследуемому преступлению в двух странах, необходимо отметить полное соответствие этому принципу криминализации. Несмотря на то что в Республике Беларусь количество данных преступлений не так велико, как в Российской Федерации, нельзя забывать об объективной разнице масштабов пенитенциарных систем, отличиях в конструкциях составов преступлений, содержащихся в национальных уголовных законах, а также о таком явлении, как латентность пенитенциарных преступлений.

Принципы уголовно-политической адекватности и соразмерности положительных и отрицательных последствий криминализации, представляется, также вполне нашли свое отражение при установлении уголовно-правового запрета в отношении действий, образующих состав анализируемого преступления. Что касается первого принципа, то сходной уголовной политике двух стран, направленной в первую очередь на предупреждение и борьбу с любыми видами преступности, вполне адекватно соответствует необходимость криминализации посягательств на деятельность мест изоляции от общества, которые являются неотъемлемой частью системы государственных органов, в определенной степени эту самую политику реализующих. Положительным последствием криминализации действий, дезорганизирующих функционирование учреждения уголовно-исполнительной системы, является высокая степень превенции (как общей, так и специальной). К отрицательным последствиям следует отнести повышенный ущерб социально полезным связям, которые у осужденного уже в определенной степени были нарушены ранее. Однако указанное обстоятельство не совсем применимо к лицам отрицательной направленности, которые придерживаются криминальной субкультуры и ценностно мало подвержены влиянию благоприятных социальных связей. Следовательно, данный принцип уголовно-правового запрета на частном примере исследуемого преступления, скорее, имеет

характер полного соответствия необходимому соотношению положительных и отрицательных последствий криминализации.

Исходя из проведенного анализа отдельных описанных принципов, становится очевидна необходимость и обоснованность криминализации действий, направленных на дезорганизацию работы учреждений уголовно-исполнительной системы. С учетом специфики лиц, содержащихся в местах изоляции от общества, установление уголовно-правового запрета представляется достаточно обоснованным, ввиду отсутствия каких-либо более эффективных альтернативных правовых механизмов, а также невозможности воздействия на определенный вид противоправного поведения не уголовно-правовыми средствами.

УДК 343.81

И.О. Нефёдов

ПЕРСПЕКТИВЫ СОЗДАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ ЛЕЧЕБНЫХ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ДЛЯ ОСУЖДЕННЫХ С АЛКОГОЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ

Проблема профилактики алкоголизма граждан является актуальной для любого государства, так как алкоголизация общества влечет комплекс негативных социальных явлений, связанных, в первую очередь, с девиантным поведением. Алкогольная зависимость выступает в качестве криминогенного фактора, способствующего совершению насильственных, корыстно-насильственных и имущественных преступлений. При этом значительная часть насильственных преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения, совершается в семейно-бытовой сфере. Закономерно, что в Республике Беларусь уделяется пристальное внимание профилактике потребления спиртных напитков в обществе. В этой связи приняты Директива Президента Республики Беларусь от 11 марта 2004 г. № 1 «О мерах по укреплению общественной безопасности и дисциплины» (направлена на выработку механизма и общих приемов по поэтапному сокращению потребления обществом алкогольной продукции), Закон Республики Беларусь от 27 августа 2008 г. № 429-3 «О государственном регулировании производства и оборота алкогольной, непивной спиртосодержащей продукции и непивной этилового спирта» (целями которого являлись ограничение на продажу спиртных напитков в определенные дни, популяризацию здорового образа жизни, профилактику пьянства и алкоголизма, борьбу с ними), постановление Совета

Министров Республики Беларусь от 14 марта 2016 г. № 200 «Об утверждении Государственной программы «Здоровье народа и демографическая безопасность» на 2016–2020 годы», в рамках которой утверждена подпрограмма «Предупреждение и преодоление пьянства и алкоголизма».

В 2021 г. уделено внимание развитию системы медико-социальной реабилитации лиц, которые длительное время потребляли психоактивные вещества (постановление Совета Министров Республики Беларусь от 19 января 2021 г. № 28 «О государственной программе «Здоровье народа и демографическая безопасность» на 2021–2025 годы» в рамках подпрограммы «Предупреждение и преодоление пьянства и алкоголизма, охрана психического здоровья»).

Учитывая, что наличие алкогольной зависимости (пристрастия к алкоголю) является характеризующим признаком значительной части лиц, осужденных за насильственные преступления, – меры антиалкогольной направленности затрагивают уголовно-исполнительную систему (УИС). Преодоление алкогольной зависимости (привычки к чрезмерному потреблению алкоголя) вышеуказанными лицами в период отбывания наказания имеет крайне важное значение для предупреждения рецидивной преступности. В частности, согласно статистическим данным, с 2016 по 2021 г. количество осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы на определенный срок, которым в порядке, определенном ст. 16 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (УИК), применялись принудительные меры безопасности и лечения (ПМБЛ), назначенные судом, по-прежнему сохраняется на уровне порядка 50 % от количества осужденных, в отношении которых приговоры вступили в законную силу. В этой связи важно понимать, что результаты работы с указанной категорией осужденных напрямую зависят от проводимых с ними мероприятий по их реадaptации в период отбывания наказания.

В настоящее время постановлением Министерства внутренних дел Республики Беларусь и Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 27 августа 2003 г. № 202/39 «Об утверждении Инструкции по медицинскому обеспечению лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы» установлены особенности оказания медицинской помощи лицам, страдающим алкоголизмом. Данная помощь оказывается врачом психиатром-наркологом с учетом индивидуальных особенностей больных, стадии заболевания, наличия сопутствующих заболеваний.

Наряду с медицинским компонентом в отношении осужденных к лишению свободы реализуется и воспитательный, установленный ч. 4 ст. 104 УИК, суть которого заключается в проведении воспитательной

работы с осужденными с учетом индивидуальных особенностей личности осужденного, совершенных им преступлений и поведения в период отбывания наказания.

При этом следует обратить внимание на то, что согласно данным, полученным М.Ю. Кашинским в результате исследования лиц, страдающих хроническим алкоголизмом и отбывающих наказание в исправительных учреждениях УИС, к которым в соответствии со ст. 16 УИК применены ПМБЛ, назначенные судом, 88 % осужденных мужчин ранее уже имели судимость, 69 % – состояли на учете (наблюдались) у нарколога (психиатра) Министерства здравоохранения Республики Беларусь до совершения преступления, а к 67 % – ранее уже применялись ПМБЛ.

Исходя из результатов исследования, можно сделать вывод о том, что организация исправления осужденных, характеризующихся алкогольной зависимостью, представляет определенные сложности, обусловленные их личностными особенностями (на фоне длительного и чрезмерного потребления алкоголя). Формирование готовности к ведению правооптимального образа жизни у данной категории осужденных требует комплексного подхода (с учетом наличия у них алкогольной аддикции).

В этой связи, на наш взгляд, значительный интерес представляет институт «лечебных исправительных учреждений», предусмотренный ч. 1 ст. 64 УИК. В пенитенциарной практике Российской Федерации имеется опыт функционирования лечебных исправительных учреждений для осужденных с алкогольной зависимостью. Однако в Республике Беларусь такие учреждения могут создаваться только для осужденных, больных активной формой туберкулеза, ВИЧ-инфицированных, больных СПИДом или не прошедших полного курса лечения венерического заболевания (ч. 5 ст. 16 УИК). В этой связи автор выдвигает тезис о том, что в Беларуси потенциал института «лечебных исправительных учреждений» имеет значительные перспективы развития в контексте деятельности УИС по реадaptации осужденных с алкогольной зависимостью. В качестве определенных шагов в данном направлении, по мнению автора, можно рассматривать начатый в 2020 г. пилотный проект по созданию в двух исправительных учреждениях реабилитационных центров осужденных с зависимостью от психоактивных веществ (ПАВ). С июля указанного года в ИК № 4 (г. Гомель) и ИК № 3 (г. Витебск) начали функционировать реабилитационные центры. Деятельность данных центров организована на основании Типового положения о реабилитации осужденных к лишению свободы с зависимостью от ПАВ и программы комплексной медико-социальной реабилитации осужденных к

лишению свободы с зависимостью от ПАВ (КМСП), разработанными Департаментом исполнения наказаний и согласованными с Министерством здравоохранения Республики Беларусь.

В основу деятельности реабилитационных центров положены три базовых принципа – системность и последовательность реабилитационных мероприятий, комплексный подход. КМСП включает три компонента – психологический, социально-педагогический и медицинский. При этом прохождение КМСП осужденными осуществляется исключительно на добровольной основе. В целом задача реабилитационных центров состоит в комплексном содействии осужденным по преодолению ими имеющейся зависимости от ПАВ посредством оказания им медицинской и психологической помощи, воспитательного воздействия и социальной поддержки, в том числе при взаимодействии с государственными и общественными организациями (имеющие положительный опыт работы с данной категорией осужденных).

Необходимо отметить, что деятельность реабилитационных центров ИК № 3 и ИК № 4 в целом оценивается положительно с позиции повышения эффективности пенитенциарной практики. Опыт функционирования данных центров может быть положен в основу создания отдельных учреждений УИС для осужденных, имеющих зависимость от ПАВ. Возможность создания таких лечебных исправительных учреждений следует предусмотреть на законодательном уровне, внося соответствующие дополнения в ч. 5 ст. 16 УИК.

УДК 343.81

Д.А. Павленко

ИСПРАВИТЕЛЬНАЯ СРЕДА УЧРЕЖДЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

В ч. 2 ст. 48 Уголовного кодекса Республики Беларусь указаны десять основных видов наказания (основные наказания). Исполнение трех из них (без учета пожизненного лишения свободы) связано с направлением лица, осужденного за совершение преступления (далее – осужденный), в учреждение уголовно-исполнительной системы (УИС). К таковым относятся: арест, ограничение свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа (ИУОТ) и лишение свободы на определенный срок. Перечисленные наказания исполняются учреждениями УИС, которые входят в УИС, как это указано в п. 2 Положения о Департамен-

те исполнения наказаний Министерства внутренних дел Республики Беларусь, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 4 июня 2004 г. № 268. Следовательно, исходя из положений соответствующих статей Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (УИК), учреждениями УИС являются:

арестный дом (ч. 1 ст. 58 УИК);

ИУОТ (ч. 1 ст. 44 УИК);

все виды исправительных учреждений (ИУ), перечисленных в ч. 1 ст. 64 УИК: исправительные колонии (включая исправительные колонии-поселения), воспитательные колонии, тюрьмы, лечебные исправительные учреждения, а также следственные изоляторы (выполняют функции исправительных учреждений в отношении осужденных к лишению свободы, оставленных в следственных изоляторах для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию).

Арест, ограничение свободы с направлением в ИУОТ и лишение свободы предполагают различную степень изоляции осужденного от общества, объем и характер устанавливаемых в отношении его ограничений, запретов и обязанностей (далее – правоограничения). Соответственно, установленный законодательством порядок исполнения и отбывания вышеуказанных наказаний не одинаков, в связи с чем, закономерно, что условия содержания осужденных различны в учреждениях УИС разных видов. В частности, правила поведения осужденных в ИУОТ и ИУ регламентируются разными нормативными правовыми актами: Правилами внутреннего распорядка ИУОТ (постановление Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 13 января 2017 г. № 15) и Правилами внутреннего распорядка ИУ (постановление Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 20 октября 2000 г. № 174).

Здесь автор считает важным подчеркнуть, что ИУОТ являются полноценными учреждениями УИС (без всякого рода условностей, как это указывается отдельными учеными) – это следует из анализа норм уголовно-исполнительного законодательства и современной пенитенциарной практики Республики Беларусь. Порядок исполнения ограничения свободы с направлением в ИУОТ во многом сходен с лишением свободы в исправительной колонии-поселении (ИКП). В ИУОТ, как и в ИКП, осужденный находится в условиях частичной изоляции от общества, но с наименьшим объемом правоограничений. Однако статус ИКП как учреждения УИС никем из исследователей не оспаривается.

Направление осужденного в учреждение УИС любого вида (т. е. независимо от назначенного наказания, будь то арест, ограничение свобо-

ды с направлением в ИУОТ либо лишение свободы) влечет для осужденного следующие последствия психолого-педагогического и социального характера:

во-первых, осужденный изымается из прежней социальной среды, влияние которой на него исключается либо существенно ограничивается (контролируется с учетом характера такого влияния);

во-вторых, осужденный изолируется от общества полностью либо частично;

в-третьих, осужденный включается в систему специальным образом выстроенных социальных взаимоотношений, которые охватывают большую часть его жизнедеятельности, основаны на общепринятых в обществе представлениях о социально приемлемом (социально одобряемом) поведении и предусматривают оказание на него систематического воспитательного воздействия;

в-четвертых, поведение осужденного «ставится» в строгие рамки посредством установления определенных правоограничений, которые, с одной стороны, ограждают осужденного от влияния криминогенных (негативных) факторов, с другой – поощряют проявление им социально одобряемого поведения и подталкивают к ресоциализирующей активности (самовоспитанию и саморазвитию).

Перечисленные выше последствия являются результатом помещения осужденного в исправительную среду учреждения УИС, границы которой определяются объемом и характером установленных в отношении осужденного правоограничений (степенью изоляции осужденного от общества и строгостью рамок дозволенного ему поведения). В пределах таких границ осужденному предоставляется определенный спектр возможностей для проявления ресоциализирующей активности: трудовой и творческой деятельности, образования и самообразования, спорта и физической культуры, получения психологической помощи, взаимодействия с представителями институтов гражданского общества конструктивной направленности. На использование таких возможностей осужденный направляется посредством осуществляемого в отношении его воспитательного воздействия.

Помещение осужденного в исправительную среду учреждения УИС является отправной точкой процесса его исправления, который позиционируется автором как организуемый в условиях отбывания наказания процесс планомерного оказания на осужденных воспитательного воздействия, направленного на их мотивирование к проявлению ресоциализирующей активности.

В разных учреждениях УИС исправительная среда отличается, даже при исполнении одного и того же вида наказания (например, при исполнении лишения свободы в условиях тюрьмы, исправительной колонии и ИКП), что, главным образом, обусловлено степенью изоляции осужденного от общества (полной либо частичной), а также объемом и характером устанавливаемых в отношении осужденного правоограничений. Показательно также то, что исправительная среда ИУОТ и ИКП во многом сходны, несмотря на исполнение данными учреждениями УИС двух разных наказаний.

Но вместе с тем наличие исправительной среды в учреждениях УИС всех видов является главным признаком, отличающим арест, ограничение свободы с направлением в ИУОТ и лишение свободы от наказаний, исполнение которых не предполагается направлением в учреждение УИС (т. е. место пребывания осужденного не меняется). Именно данный признак, по мнению автора, должен лежать в основе классификации основных наказаний, что будет способствовать правильному пониманию их сущности и, как следствие, выбору эффективных подходов к исправлению осужденных при их исполнении.

В частности, ограничение свободы с направлением в ИУОТ рядом исследователей относится к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, наряду с ограничением свободы без направления в ИУОТ. Такой подход, по нашему мнению, в корне неверен, так как при исполнении последнего – осужденный не направляется в учреждение УИС (т. е. не помещается в исправительную среду, оставаясь по прежнему месту пребывания). Закономерно, что подходы к исправлению здесь имеют существенные отличия. Автор считает, что ограничение свободы с направлением в ИУОТ и ограничение свободы без направления в ИУОТ фактически являются разными видами наказания в виду принципиального различия их сущности.

На основании изложенного ученый полагает возможным высказать следующие предложения:

отнести ограничение свободы с направлением в ИУОТ (наряду с арестом и лишением свободы) к наказаниям, связанным с нахождением осужденного в учреждении УИС;

разграничить на уровне уголовного и уголовно-исполнительного законодательства ограничение свободы с направлением в ИУОТ и ограничением свободы без направления в ИУОТ как два разных вида наказания.

О НЕОБХОДИМОСТИ РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ НАКАЗАНИЙ

На любом историческом этапе своего развития общество вырабатывает определенные закономерности функционирования, которые являются первоосновой регулирования общественных отношений. Указанные закономерности позволяют определить наиболее значимые ценности и взять их под охрану на законодательном уровне. Со времен разработки и принятия первых письменных источников права государство в лице компетентных органов определяло, какие деяния посягают на самые значимые для общества явления социальной действительности (социальные ценности) и какие последствия неизбежно наступают в случае причинения вреда таким ценностям. Помимо этого в каждом обществе формируются свои социальные регуляторы поддержания общественного порядка, к которым относят правотворчество, правоприменение и предупреждение преступлений.

Правотворчество является отправной точкой осуществления правового регулирования общественных отношений и основой механизма обеспечения социального контроля над нежелательным девиантным поведением. В уголовном праве возникновение, изменение и прекращение правоотношений зависит от криминализации/декриминализации и пенализации/депенализации. Как справедливо отмечает Я.И. Гишинский, главным «основанием» криминализации деяний является представление власти об их опасности. Изложенное относится и к пенализации, так как наказание, выраженное в санкции уголовно-правовой нормы, также определяется общественной опасностью. Сама пенализация/депенализация в широком значении включает не только установление наказания за совершение преступления, но и процесс внесения в систему наказаний и в санкции действующего уголовного законодательства изменений их путем ужесточения или смягчения. В научной литературе выделяют несколько проблем, связанных с реформированием института наказания, начиная с совершенствования отдельных видов наказаний и порядка их исполнения, либерализации некоторых средств и методов наказания, до полного отказа от наказания как такового по причине наступления его «кризиса».

Реформирование системы наказаний, которая смогла бы соответствовать потребностям современного общества и уровню развития общественных отношений в демократическом правовом государстве,

предполагает сокращение количества основных видов наказаний в ст. 48 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК), путем исключения тех видов, которые имеют сходный карательный потенциал. В настоящее время законодательная оценка тяжести некоторых видов наказаний изменилась, что неизбежно влечет и изменение подходов к определению справедливого вида и размера наказания, установленного конструкцией санкции статьи Особенной части УК. Так, например, в научной литературе были высказаны предложения о преобразовании наказания в виде ограничения свободы в иной вид наказания (В.М. Хомич) либо о полном отказе от ограничения свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа (Г.А. Василевич).

В качестве основных видов наказаний в соответствии со ст. 48 УК закреплены десять видов, некоторые из них имеют сходный карательный потенциал. Полагаем, что все основные виды наказаний можно условно разделить на четыре группы *в зависимости от характера их карательного воздействия на нарушителя уголовно-правового запрета* с последующим сокращением количества наказаний в каждой группе:

наказания, связанные с изоляцией от общества (арест, ограничение свободы, лишение свободы, пожизненное лишение свободы);

наказания, не связанные с изоляцией от общества и предполагающие финансовые потери, включая полное или частичное неполучение материальных благ за выполнение определенных работ, услуг (общественные работы, штраф, исправительные работы, ограничение по военной службе);

наказания, не связанные с изоляцией от общества и предполагающие некоторые ограничения прав (лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью);

наказание в виде смертной казни (до ее отмены).

Анализ судебно-следственной практики показал, что за I полугодие 2022 г. наказания первой группы (1) применялись в 69 % случаев, второй группы (2) – в 30,1 % случаев, а третьей (3) – в 0,9 % случаев. В 2020 г. (1 – 68 %; 2 – 29,2 %; 3 – 0,8 %) и 2021 г. (1 – 68 %; 2 – 31,4 %; 3 – 0,8 %) наблюдается аналогичная ситуация. При этом такие виды наказаний, как общественные работы и штраф, суды назначают в два раза реже, чем лишение или ограничение свободы, а лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью является наименее распространенным (менее 1 %) в рамках первых трех групп. Сокращение количества основных видов наказаний будет способствовать реформированию системы наказаний и порядка их исполнения, а также последующей систематизации уголовно-правовых санкций.

Таким образом, сокращение количества основных видов наказаний в ст. 48 УК будет способствовать совершенствованию действующей системы наказаний и порядка их исполнения.

УДК 343.914

С.М. Свило

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН В СИСТЕМЕ УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ: ОБЗОР ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Научный и практический интерес к проблеме преступности женщин объясняется их особым местом в системе общественных отношений, важностью социальных ролей и функций, которые они выполняют и крайне неблагоприятными последствиями криминальных форм их поведения. Так, в 2021 г. в Республике Беларусь к уголовной ответственности было привлечено 6 039 женщин (16,6 % от общего количества осужденных). Каждой пятой женщине назначено наказание в виде лишения свободы, каждой четвертой – ограничение свободы. По данным проведенного исследования, около 60 % осужденных женщин – матери. Небольшая часть, примерно 2–3 %, становятся матерями в исправительной колонии (ИК).

В белорусском законодательстве не так много документов, которые бы учитывали гендерную специфику назначения и исполнения наказания. Тем не менее Уголовный и Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь (УК, УИК) содержат статьи, которые регулируют положение женщин в системе уголовного правосудия и направлены, в первую очередь, на обеспечение возможности выполнять свои материнские обязанности. Полагаем возможным выделить основные из них.

1. Предусмотрена возможность неприменения некоторых видов наказаний к определенной категории женщин: общественных и исправительных работ, ареста и др.

2. Женщины отбывают наказание в виде лишения свободы в условиях поселения, ИК в условиях общего или строгого режимов, в то время как отечественным уголовным законодательством предусмотрено четыре вида режима: общий, усиленный, строгий и особый (ст. 57 УК).

3. Обстоятельствами, смягчающими ответственность, признается совершение преступления беременной женщиной или имеющей на иждивении малолетнего ребенка (ст. 63 УК).

4. Отбывание наказания в виде лишения свободы может быть отсрочено, а впоследствии отменено или заменено более мягким наказанием

для беременных женщин или женщин, имеющих детей до трех лет, кроме «осужденной к лишению свободы на срок более пяти лет за тяжкое или особо тяжкое преступление» (ст. 93 УК).

5. Осужденным к лишению свободы беременным женщинам и женщинам, имеющим детей до трех лет, добросовестно относящимся к труду и соблюдающим требования режима, может быть разрешено проживание вне ИК, т. е. в жилых помещениях, принадлежащих колонии, и под постоянным надзором администрации (ст. 91 УИК).

6. Осужденным к лишению свободы беременным женщинам и кормящим матерям создаются улучшенные жилищно-бытовые условия, устанавливаются повышенные нормы питания, а на период освобождения от работы питание предоставляется бесплатно (ст. 94 УИК); запрещается их водворение в штрафной изолятор, помещения камерного типа (ст. 112 УИК).

7. При исправительных учреждениях, где отбывают наказание осужденные женщины, имеющие детей, создаются дома ребенка, в которых дети могут содержаться до достижения ими трехлетнего возраста; беременные женщины и кормящие матери имеют право на дополнительные продовольственные посылки и передачи, а также специализированную медицинскую помощь (ст. 95 УИК).

8. Осужденные к лишению свободы беременные женщины, как и женщины, достигшие общеустановленного пенсионного возраста, к работам без оплаты труда привлекаются по их желанию (ст. 101 УИК).

9. На лицевой счет осужденных к лишению свободы беременных женщин или женщин, имеющих детей в домах ребенка, перечисляется не менее 50 % начисленной заработной платы или иных доходов, в то время как для остальных категорий осужденных – не менее 25 % (ст. 102 УИК).

10. Осужденные к лишению свободы беременные женщины и женщины, имеющие при себе малолетних детей, не могут содержаться в тюрьме на строгом режиме (ст. 124 УИК).

Прогрессивные перемены в связи с принятием в 1999 г. уголовного и уголовно-исполнительного законодательства свидетельствуют о тенденции гуманизации исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных женщин в Республике Беларусь, его соответствии международным стандартам (в частности, Минимальным стандартным правилам обращения с заключенными). Вместе с тем практическая реализация установленных положений вызывает на современном этапе некоторые проблемы, многие из них пока неразрешимы в силу сложившихся объективно-экономических причин. Например, проживание осужден-

ных женщин вне ИК на время освобождения от работы по беременности и родам, а также на период до достижения ребенком трехлетнего возраста, что предусмотрено ст. 91 УИК, вообще не практикуется. Основными причинами этого мы считаем невозможность осуществления постоянного надзора администрацией за данной категорией лиц, что предусмотрено законодателем; отсутствие необходимых жилых помещений, принадлежащих колонии, а в конечном итоге – отлаженного механизма предоставленного права женщинам проживать вне ИК.

В рассматриваемом аспекте интересен опыт некоторых стран Европы. Так, в Германии существуют автономные тюремные комнаты для матери и ребенка площадью 20 м², предусмотрены ясли, сад, детские площадки, специальный лифт для подъема детских колясок на жилой этаж и др. Содержание осужденной матери с ребенком может продолжаться до достижения им школьного возраста. В Финляндии ребенок может содержаться с матерью до четырех лет. В Дании, Греции предусмотрено совместное проживание матери и ребенка, даже в тех случаях, когда женщина приговорена к одиночному заключению. В Ирландии стараются избегать совместного пребывания осужденной матери со своим чадом: ее освобождают досрочно, так как ребенок с матерью может оставаться только до девяти месяцев. После освобождения условия жизни освобожденных матерей с детьми не отличаются от условий всех других граждан. В отличие от белорусских женщин, они не испытывают в посткриминальный период материальных затруднений, решение которых при необходимости берет на себя государство.

Следует согласиться с мнением специалистов в области права, что в цивилизованном государстве наказание в виде лишения свободы не должно рассматриваться в качестве основного средства борьбы с преступностью, тем более женской. Так, в 2021 г. наказание в виде лишения свободы назначалось около 40 % женщин, совершивших преступления, не представляющие большой общественной опасности. В связи с этим полагаем целесообразным назначать данный вид наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей, которые не раскаиваются в содеянном и совершили тяжкие или особо тяжкие преступления, связанные с посягательством на жизнь или здоровье человека. Альтернативой пребывания в ИК за совершение менее тяжких преступлений могли бы стать наказания, не связанные с изоляцией: штраф, общественные или исправительные работы, тем более что после освобождения из колонии количество проблем, стоящих перед женщинами, не уменьшается.

Нами затронуты лишь особенности, направленные на обеспечение возможности осужденных женщин выполнять свои материнские обязанности, на охрану детей, родившихся в местах лишения свободы, и обеспечение их полноценного социального и психологического развития во время вынужденного нахождения в ИК. Совершенствование такого направления работы послужит основой для подъема на качественно новый уровень системы мер предупреждения современной женской преступности и позволит осуществить эффективную профилактику с этим явлением.

УДК 343.82

Ю.А. Сурженко

ОБ ОБСТАНОВКЕ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ БЕЛАРУСИ И ПРИНИМАЕМЫХ МЕРАХ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

В феврале 1917 г. большинство тюремных сооружений Российской империи были разрушены, а их имущество и документация расхищены или уничтожены. В этой связи обострились и существовавшие проблемы, в тюрьмах продолжали процветать воровство, насилие, бандитизм, нападения на охрану, побеги и т. п. Состояние обстановки в таких учреждениях четко отражено в отчете Карательного отдела Народного комиссариата юстиции (НКЮ) VII съезда Советов об исправительно-трудовой политике Советского государства за период с Великой Октябрьской социалистической революции по 1919 г., в котором указывается на критическую ситуацию в местах лишения свободы, их неуправляемость и неконтролируемость со стороны работников этих учреждений, в связи с чем почти весь внутренний распорядок регулировался лицами, отбывавшими в них наказание, а администрация учреждений лишь охраняла периметр. Учитывая сложившуюся обстановку, была поставлена задача по восстановлению и преобразованию уголовно-исполнительной системы новообразованного Советского государства. При этом упор был сделан не столько на восстановление тюрем, сколько на формирование новой системы ИТУ, главной целью которых являлось перевоспитание.

Основные обязанности по достижению указанных целей были возложены на НКЮ ССРБ (в дальнейшем 22 августа 1920 г. при нем был образован Карательный отдел), которому для искоренения дореволюционной тюремной системы требовалось осуществить ряд мер: слом старого

аппарата управления тюрьмами; отмена царских законодательных актов и создание новой правовой базы функционирования ИТУ, отвечающей требованиям социалистического государства; изменение содержания принципов и методов исполнения наказания и средств достижения целей уголовной ответственности.

Исходя из того, что до января 1919 г. Беларусь фактически являлась частью РСФСР, НКЮ ССРБ постановил руководствоваться в сфере исполнения наказаний нормативными правовыми актами РСФСР. По этой причине белорусское уголовно-исполнительное законодательство в дальнейшем разрабатывалось на основе российского с учетом специфики национальной пенитенциарной системы, что, в свою очередь, как правило, обуславливало охват даже более широкого круга общественных отношений.

Так, основополагающим нормативным правовым актом стала временная инструкция НКЮ РСФСР от 13 июля 1918 г. «О лишении свободы как мере наказания и о порядке отбывания такого» (основные ее требования затем были изложены в Инструкции НКЮ ССРБ «О местах заключения ССРБ»), содержащей прямое указание об отмене всех царских законодательных актов, за исключением Общей тюремной инструкции 1915 г., основные предписания которой продолжали действовать.

Указанная инструкция имеет особое значение для становления уголовно-исполнительного законодательства, поскольку в нем впервые употребляется термин «режим», под которым понимались условия содержания осужденных. Заслуживающим внимания также представляется выделение «более сурового режима» как одной из мер взыскания, применявшихся к наиболее опасным правонарушителям.

Следует отметить, что кроме отсутствия надлежащего нормативного правового регулирования в начале 1920-х гг. в пенитенциарной сфере существовали и иные проблемы:

- высокий уровень преступности в тюремных учреждениях и за их пределами;

- тяжелое материальное положение и переполненность тюрем;

- низкий профессионализм работающих в них лиц;

- отсутствие необходимого взаимодействия с государственными органами и организациями;

- слабая воспитательная работа с осужденными и т. д.

Наличие таких проблем не позволяли правоохранительным органам решить главную задачу для мест лишения свободы в рассматриваемый период, заключающуюся в снижении уровня преступности и восстано-

лении правопорядка. В то же время пристальное внимание уделялось борьбе с побегами, которые получили широкое распространение по причине начала массового привлечения спецконтингента к труду на различных объектах за пределами тюремных учреждений (контрагентских работах), в связи с тезисом В.И. Ленина о том, что труд является основным средством перевоспитания осужденных. Ослабленный контроль на объектах трудового использования осужденных приводил к широкому распространению побегов. Между тем розыск сбежавших лиц в условиях общего хаоса в стране часто становился неразрешимой задачей, что также, несомненно, стимулировало осужденных к побегам.

Сложившаяся обстановка обусловила наличие в Декрете ВЦИК РСФСР от 17 мая 1919 г. «О лагерях принудительных работ» предписаний, направленных на борьбу с побегами. Так, предусматривалось введение круговой поруки, т. е. суровой дисциплинарной ответственности для осужденных одной бригады, в случае побега хотя бы одного из них, а к сбежавшему лицу за впервые совершенное деяние первоначальный срок наказания мог быть увеличен до десяти раз, а за повторное – до исключительной меры наказания.

Заслуживающим внимания также является и то, что в упомянутой выше временной инструкции «О лишении свободы как мере наказания и о порядке отбывания такого» предусматривалась такая экстраординарная мера, направленная на профилактику и сокращение опасных противоправных деяний, как продление срока лишения свободы, установленного приговором. По окончании отбывания наказания к «хулиганам, погромщикам и упорным рецидивистам» допускалось применение дальнейшей изоляции, причем ограничений по срокам не существовало.

Кроме того, часто для наведения порядка в учреждениях уголовно-исполнительной системы (УИС) прибегали и к помощи профессиональных преступников, так называемых воров в законе, что, к слову, несмотря на кратковременный успех, в итоге привело к серьезным проблемам, значительно усилившим криминогенность в местах лишения свободы.

Таким образом, принимаемые в первые годы советской власти меры в уголовно-исполнительной сфере, на наш взгляд, были направлены:

- на слом старой и формирование новой пенитенциарной политики;

- нормализацию обстановки в учреждениях УИС посредством снижения преступности в местах лишения свободы;

- борьбу с преступностью и снижение криминогенности за пределами мест лишения свободы, что в условиях постреволюционной действительности, вероятно, имело даже более приоритетное значение.

МЕРЫ ПОощРЕНИЯ И ВЗЫСКАНИЯ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ К ОСУЖДЕННЫМ, И РЕЖИМ: ВЗАИМОСВЯЗЬ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Режим является обеспечивающим средством исправления осужденных, что выражается в том, что помимо своей целевой функции, направленной на выработку у осужденного дисциплины, он обеспечивает условия реализации остальных средств исправления. Описывая таким образом режим, мы можем утверждать, что повышение его эффективности может быть осуществлено путем совершенствования порядка и условий применения мер поощрения и взыскания.

Характеризуя эффективность мер поощрения следует отметить, что она выражается в двух аспектах. Первый аспект состоит в конкретизации условий применения мер поощрения к осужденному, т. е. в максимально точно конкретизированных гипотезе и диспозиции, выражающих, что если осужденный совершит определенный акт полезной активности, то для него наступят определенные позитивные последствия. Второй аспект выражается в неуклонной фактической реализации мер поощрения к осужденному, при наступлении соответствующих условий.

Что же касается мер взыскания, М.И. Мазуров, рассуждая об их эффективности, высказывал мысль о целесообразности выработки перечня составов нарушений порядка и условий отбывания наказания. Мы полагаем, что в этом есть смысл только в том случае, если система взысканий в направлении дисциплинарного реагирования действует эффективно, т. е. осужденный осознает, за какой конкретный вид нарушения какая конкретная мера взыскания может последовать, а лица, уполномоченные налагать на осужденных взыскания, в свою очередь, налагают меру взыскания, адекватную и соразмерную совершенному нарушению режима отбывания наказания.

В целом мы согласны с точкой зрения М.И. Мазурова, который отмечает, что меры поощрения будут эффективными, если они будут носить неформальный характер, т. е. об основаниях и факте применения меры поощрения будет осведомлен как можно более широкий круг осужденных. Кроме того, аналогично с мерами взыскания на уровне правосознания осужденных должна быть понятна связь между поведением осужденного и между применяемым к нему поощрением, т. е. должен присутствовать принцип соразмерности.

Рассматривая вопрос эффективности мер поощрения с точки зрения их применения, следует понимать, что эффективное применение мер поощрения предполагает, что проведена всесторонняя оценка личности осужденного, позволяющая установить, что осужденный не создает картину полезной активности, а по сути своей действительно переживает какие-то личностные позитивные изменения, на фоне которых совершает акты полезной активности. В применении мер поощрения также необходимо руководствоваться принципом равенства осужденных перед законом, чтобы не имели место факты того, что на фоне предвзятого отношения со стороны администрации один осужденный поощрялся больше, чем другой, при объективно одинаковом уровне полезной активности.

В соответствии со ст. 113 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь предусмотрен порядок наложения мер взыскания: взыскание на осужденного налагается в определенный срок, а исполняется немедленно, а в случаях, когда исполнение не представляется возможным – не позднее 30 дней со дня его наложения. Полагаем, что для эффективного применения мер поощрения целесообразно также предусмотреть систему сроков применения, чтобы не было разрыва во времени между совершением акта полезной активности осужденного и применяемым поощрением. Это поспособствует тому, что осужденный будет осознавать причинно-следственную связь между актом полезной активности и положительными последствиями в виде меры поощрения, что повысит эффективность данных мер и будет стимулировать осужденных к проявлению полезной активности, так как в их правосознании будет закреплена уверенность, что в определенный срок им будет объявлено поощрение за проявление определенного акта полезной активности. Хотя, как и с нарушениями режима, конкретных составов актов полезной активности не предусмотрено, и разработка такого перечня видится нам достаточно проблематичной и нецелесообразной, тем не менее осужденный должен понимать соразмерность акта полезной активности определенной мере поощрения с учетом того, чтобы соблюдался принцип прогрессивности и по мере повышения уровня полезной активности возрастала и значимость применяемого поощрения. Следует отметить, что результаты проведенного анкетирования осужденных показали, что наиболее значимой мерой поощрения для них является предоставление дополнительного длительного свидания и досрочное снятие ранее наложенного взыскания.

Одним из факторов, отрицательно влияющих на уровень эффективности мер поощрения, является неоправданное их применение, особенно к лицам, которые являются нарушителями режима. Такое применение

ние может привести к разрыву причинно-следственной связи в правосознании осужденных между поведением осужденного и последствиями, которые могут наступить в его результате, что будет негативно отражаться на эффективности мер поощрения в части понимания порядка и условий их применения и в части их применения.

На основании вышеизложенного целесообразно сделать вывод, что повысить эффективность режима можно посредством повышения уровня правосознания осужденных и путем фактической реализации мер реагирования на акты положительного или отрицательного поведения, выражаемых в поощрениях и взысканиях.

УДК 343.8

А.А. Тум

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ВОСПИТАТЕЛЕЙ ОСУЖДЕННЫХ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Общественные воспитатели осужденных видятся субъектом общественного воздействия на осужденных, потенциал которого в полной мере не реализован вследствие недостаточного закрепления в уголовно-исполнительном законодательстве всех аспектов участия указанного субъекта в исправлении осужденных. Так, в частности, ст. 106 «Общественные воспитатели осужденных к лишению свободы» Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (УИК) закрепляет в самом общем виде требования, предъявляемые к данной категории субъектов общественного воздействия. Согласно указанной норме общественными воспитателями осужденных могут быть следующие категории лиц: представители государственных органов и иных организаций, общественных объединений, религиозных организаций. Помимо перечисленных лиц, допускается возможность участия в исправлении осужденных иных лиц, которые способны оказать влияние на осужденных к лишению свободы.

Положения ст. 106 УИК устанавливают только направления, для реализации которых может осуществляться деятельность общественных воспитателей осужденных к лишению свободы: исправление осужденных, помощь в трудовом и бытовом устройстве. Кроме названных направлений, УИК не содержит норм, разъясняющих алгоритм закрепле-

ния за осужденным общественных воспитателей. Не содержатся также и требования, предъявляемые к такой категории субъектов общественного воздействия. В связи с этим случаи привлечения общественных воспитателей к участию в исправлении осужденных носят эпизодический характер, не оказывая существенного влияния на исправление всей совокупности осужденных, в отношении которых назначено наказание либо иные меры уголовной ответственности. В Республике Беларусь добровольную помощь осужденным оказывают лица под эгидой общественных организаций, специализация которых – помощь социально уязвимым слоям населения. По данным Департамента исполнения наказаний Министерства внутренних дел Республики Беларусь, учреждения уголовно-исполнительной системы осуществляют взаимодействие с общественными организациями по следующим направлениям деятельности: 1) участие представителей общественных организаций в мероприятиях, проводимых в рамках планомерно осуществляемого в отношении осужденных воспитательного воздействия; 2) участие представителей общественных организаций в мероприятиях, которые непосредственно направлены на преодоление зависимостей от психоактивных веществ (профилактику таких зависимостей); 3) участие представителей общественных организаций в подготовке осужденных к освобождению с перспективой оказания им поддержки при интеграции в общество.

Наиболее правильным шагом в сложившейся практике участия представителей общественности в исполнении наказаний будет закрепление в рамках принятия новой главы «Общественное воздействие» УИК механизма отбора общественных воспитателей членами общественных наблюдательных комиссий. Для участия в общественном воздействии на осужденных общественный воспитатель, желающий участвовать в общественном воздействии на осужденных, разрабатывает и представляет общественной наблюдательной комиссии план мероприятий по осуществлению общественного воздействия на осужденных. Действующее уголовно-исполнительное законодательство не содержит указаний на необходимость составления плана для проведения мероприятий по осуществлению общественного воздействия на осужденных. В связи с этим представляется целесообразным закрепить в уголовно-исполнительном законодательстве необходимость для кандидата на получение статуса «общественный воспитатель» представлять план по осуществлению общественного воздействия.

УИК определен узкий круг объектов общественного воздействия, для работы с которыми могут быть привлечены общественные воспитатели – осужденные к лишению свободы. Один из первых шагов по совершен-

ствованию института общественного воздействия на осужденных – расширение круга объектов, в отношении которых может быть применено общественное воздействие. В данном случае целесообразно закрепить в уголовно-исполнительном законодательстве, что общественными воспитателями могут быть лица не только в отношении осужденных к лишению свободы, а в отношении всех категорий осужденных. Вследствие этого общественные воспитатели осужденных к лишению свободы будут являться элементом более широкого понятия – общественные воспитатели осужденных. Реализация такого шага позволит устранить существующую коллизию УИК, суть которой в распространении полномочий института общественного воспитателя только на осужденных к лишению свободы. Вместе с тем процесс исправления осужденных не заканчивается на исполнении наказания в виде лишения свободы. Осужденному может быть заменено наказание в виде лишения свободы, например, на ограничение свободы. Таким образом, по логике законодателя, деятельность общественного воспитателя перестает быть легитимной после замены назначенного наказания в виде лишения свободы более мягким видом наказания. И наоборот, в случае злостного уклонения осужденного к ограничению свободы, ему отбываемое наказание может быть заменено на лишение свободы. Таким образом, по логике законодателя, общественный воспитатель может участвовать в исправлении осужденного только в период отбывания последним наказания в виде лишения свободы.

Данный подход несовершенен с позиций психолого-педагогического воздействия на личность осужденного. Прерывание указанного воздействия в процессе отбывания наказания может пошатнуть сформировавшуюся позитивную динамику правопослушного поведения осужденного после перевода осужденного из исправительного учреждения в исправительное учреждение открытого типа. В связи с изложенным целесообразно закрепить возможность осуществлять функции общественного воспитателя не только в отношении осужденных к лишению свободы, но и по отношению ко всем категориям осужденных.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

требуется принятие в УИК новой главы – «Общественное воздействие». Одним из ключевых положений данной главы должно выступить закрепление механизма отбора субъектов общественного воздействия (в том числе и общественных воспитателей), где ведущую роль в отборе субъектов общественного воздействия выполняют общественные наблюдательные комиссии;

для совершенствования механизма участия общественных воспитателей в процессе исполнения наказаний представляется необходимым

закрепить в главе «Общественное воздействие» норму, позволяющую общественным воспитателям участвовать не только в процессе исполнения наказаний в виде лишения свободы, но и в процессе исполнения других видов наказаний, исключив при этом ст. 106 УИК.

УДК 343.8

И.Г. Хомицевич

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ, НЕ СВЯЗАННЫХ С ИЗОЛЯЦИЕЙ ОСУЖДЕННЫХ ОТ ОБЩЕСТВА, В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ

Уголовно-исполнительное законодательство Республики Беларусь, регулируя правоотношения, возникающие на основе приговора суда, осуществляет свою основную задачу – исправление осужденных и предупреждение совершения преступлений со стороны и самих осужденных, так и в целом всех граждан государства.

Лицо, совершившее преступление в несовершеннолетнем возрасте, является социально незрелым, и, соответственно, не может подвергаться равному уголовно-правовому воздействию с остальными преступниками.

Законодатель определил в Уголовном кодексе Республики Беларусь (УК) разд. V, регулирующий правоотношения, возникающие при привлечении лиц, совершивших преступления в возрасте до восемнадцати лет. Согласно основным положениям ст. 109 УК данным лицам могут назначаться следующие виды наказаний: общественные работы, штраф, лишение права заниматься определенной деятельностью, исправительные работы, арест, ограничение свободы и лишение свободы.

Учитывая интенсивное развитие личности несовершеннолетних, достичь целей наказания часто возможно и не прибегая к «суровым» видам наказания. Обозначенный факт, а также наметившийся вектор на гуманизацию уголовной политики государства, указывают на необходимость активного применения к несовершеннолетним наказаний, не связанных с лишением свободы, при этом практика их реализации требует определенных корректировок.

В соответствии со ст. 110 УК общественные работы назначаются осужденному, достигшему шестнадцатилетнего возраста ко дню постановления приговора, на срок от 30 до 180 часов и заключаются в выполнении работ, посильных для такого лица. В связи с несовершеннолетним возрастом и необходимостью получать образование продолжительность

исполнения данного вида наказания не может превышать 3 часов в день и 3 дней в неделю. Совершеннолетним же общественные работы назначаются на срок от 60 до 360 часов.

Особенностью отбывания такого наказания является то, что согласно ч. 3 ст. 25 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (УИК) время общественных работ, отбываемых несовершеннолетним осужденным, не может превышать 3 часов в дни, когда осужденный не обучается или не занят на основной работе, а в рабочие дни, дни проведения учебных занятий – 2 часов, но не более 3 дней в неделю. В ч. 2 ст. 24 УИК закреплено положение, согласно которому предоставление осужденному каникул на протяжении учебного года не приостанавливает исполнения данного наказания. Длительность и время осуществления общественных работ призвано позволить осужденному продолжить эффективное обучение, несмотря на судимость. При этом представляется, что такие ограничения следует изменять в сторону увеличения возможного времени общественных работ, в частности, не 3 дня в неделю, а 5 дней.

Согласно ст. 111 УК штраф назначается лицу, совершившему преступление в возрасте до восемнадцати лет, если оно имеет самостоятельный заработок или имущество, в размере от 5 до 50 базовых величин. Отличительной особенностью исполнения данного наказания является то, что в случае невозможности взыскания штрафа при отсутствии признаков уклонения от его уплаты суд по представлению органа, на который возложено исполнение приговора, может заменить штраф не только общественными работами, но и принудительными мерами воспитательного характера. Представляется в целом, что осужденному, не имеющему постоянное место работы, не должен назначаться штраф в качестве наказания, так как, фактически, все равно он его сам не сможет оплатить, а скорее всего это сделают его родители, что нивелирует исправительное воздействие.

Наказание, согласно ст. 112 УК, в виде лишения права заниматься определенной деятельностью назначается лицу, достигшему шестнадцатилетнего возраста ко дню постановления приговора, на срок от одного до трех лет. Применение такого наказания чаще всего связано с преступлениями против безопасности движения и эксплуатации транспорта (т. е., осужденный лишается права управления транспортным средством), поэтому возможно применять сроки, аналогичные совершеннолетним осужденным.

Согласно ст. 113 УК исправительные работы назначаются от 2 месяцев до 1 года по месту работы несовершеннолетнего осужденного. От-

личительной особенностью является также размер удержаний, производимых из заработка осужденного в доход государства. Так, для несовершеннолетних осужденных размер удержаний назначается в пределах от 5 до 15 процентов, для совершеннолетних – от 10 до 25 процентов, но не менее одной базовой величины ежемесячно. Аналогично общественным работам, также стоит отметить необходимость законодательного ограничения назначения данного наказания лицу, которое не имеет постоянное место работы.

Ограничение свободы назначается на срок от 6 месяцев до 3 лет (ст. 114¹ УК). Совершеннолетним осужденным данный вид наказания назначается на срок от 6 месяцев до 5 лет. При этом лицу, не достигшему восемнадцатилетнего возраста ко дню постановления приговора, ограничение свободы назначается без направления в исправительное учреждение открытого типа (ИУОТ), а лицу, достигшему восемнадцатилетнего возраста ко дню постановления приговора, – с направлением или без направления в ИУОТ. Такие ограничения связаны с невозможностью обязать осужденного работать, что является ключевой частью наказания в виде ограничения свободы с направлением в ИУОТ. Следует отметить, что лица, не достигшие восемнадцатилетнего возраста ко дню постановления приговора, при отбывании такого наказания без направления в ИУОТ к труду привлекаются по их желанию (ч. 6 ст. 55 УИК). Представляется, что следует скорректировать данную норму и предоставить право назначать наказание в виде ограничения свободы с направлением в ИУОТ и несовершеннолетнему осужденному. В этом случае он будет обязан учиться в учреждениях образования, за что получать стипендию.

Таким образом, следует сделать вывод, что существенных различий в исполнении наказаний, не связанных с изоляцией от общества, назначенных несовершеннолетним осужденным, не имеется. Законодатель уменьшил сроки назначаемых наказаний, размер удержаний из заработка осужденных и размер штрафа.

Однако согласно абзацу 14 ст. 5 Закона Республики Беларусь от 31 мая 2003 г. № 200-З «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» дополнительно в отношении несовершеннолетних, осужденных с назначением наказания в виде общественных работ, штрафа, лишения права заниматься определенной деятельностью, исправительных работ, ограничения свободы, проводится индивидуально-профилактическая работа, направленная на их социально психолого-педагогическую реабилитацию или предупреждению совершения несовершеннолетними правонарушений.

Очевидно, перспективно не просто оставить несовершеннолетнего в обществе и применить к нему меры, альтернативные лишению свободы, но и расширять спектр исправительного воздействия на него посредством привлечения различных субъектов профилактики, общественных, творческих и спортивных объединений в организации его вне учебной либо вне рабочей занятости.

Таким образом, требует внимания корректировка как практики назначения, так и исполнения наказаний в отношении несовершеннолетних, в том числе и применения всего комплекса средств исправления.

УДК 343.8

В.С. Шабаль

СООТНОШЕНИЕ УКЛОНЕНИЯ И ЗЛОСТНОГО УКЛОНЕНИЯ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ

В уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве при исполнении наказаний используются понятия «уклонение» и «злостное уклонение» от отбывания наказания. В данных тезисах мы разберемся в этих понятиях и определим необходимость либо отсутствие необходимости их существования.

Для начала стоит уяснить взаимосвязь иных категорий уголовно-исполнительного законодательства, непосредственно связанных с уклонением и злостным уклонением. Итак, в случае назначения судом наказания у осужденного возникает совокупность прав и обязанностей. Если осужденный не выполняет обязанности – это означает, что он допускает нарушение. Так, например, при отбытии наказания в виде ограничения свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа (ИУОТ) в соответствии с ч. 1 ст. 55 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (УИК) нарушением является невыполнение осужденным возложенных на него обязанностей, несоблюдение Правил внутреннего распорядка ИУОТ и т. д.

К сожалению, понятие нарушения дается законодателем не при исполнении всех видов наказаний. В УИК нет как такового понятия нарушения штрафа, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, ареста, лишения свободы и смертной казни. Да, естественно, их можно выделить из разрозненных норм уголовно-исполнительного законодательства, содержащихся в различных нормативных правовых актах, но консолидированных определе-

ний нет. Это усложняет вопросы квалификации нарушений установленного порядка отбывания наказания, что может негативно сказываться на исполнении мер уголовной ответственности.

Имея понятие нарушения, в случае невыполнения своих обязанностей, основываясь на нем, мы можем на законном основании применять меры воздействия различного уровня (например, при исполнении ограничения свободы их 3). Применительно к ограничению свободы (да и практически всех наказаний) данными мерами воздействия на 1-м уровне являются взыскания. Сам факт наличия одного взыскания не несет за собой строгой ответственности, если осужденный прекращает противоправные действия и соблюдает установленный порядок исполнения наказания. При наличии же определенного количества взысканий применяется мера воздействия 2-го уровня, которая в соответствии с ч. 5 ст. 55 и ч. 1 ст. 117 УИК заключается в признании осужденного злостно нарушающим порядок и условия отбывания наказания (в случае наказания в виде лишения свободы злостное нарушение установленного порядка отбывания наказания).

Следует учитывать, что 2-й уровень не предусмотрен при отбытии всех наказаний. Так, понятия злостного нарушения нет при отбытии наказаний в виде общественных работ, штрафа, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, исправительных работ. В связи с тем что при исполнении всех этих наказаний (за исключением исправительных работ) отсутствуют взыскания, то и нет необходимости в наличии понятия «злостное нарушение», которое должно наступать либо при системе нарушений, либо за грубое нарушение.

Одновременно с признанием осужденного злостно нарушающим, ему выносится официальное предупреждение о замене ограничения свободы более строгим наказанием. Если осужденный после вынесения ему официального предупреждения совершает еще хоть один раз нарушение порядка и условий отбывания ограничения свободы, то наступает мера воздействия 3-го уровня, а именно, возникает «уклонение от отбывания наказания» (ч. 6 ст. 55 УИК). Применительно к лишению свободы стоит отметить, что понятия уклонения в ст. 414 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК) не дается, однако оно понятно из ее содержания и им является нарушение порядка самостоятельного следования к месту отбывания наказания. Уклонение же в понимании ограничения свободы скорее частично соответствует ст. 411 «Злостное неповиновение требованиям администрации исправительного учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы» УК и ст. 414 УК.

Самостоятельными квалифицирующими признаками уклонения от отбывания наказания в виде ограничения свободы выступают также по аналогии со ст. 414 УК неприбытие или невозвращение к месту отбывания наказания и отказ от ношения электронных средств контроля местонахождения осужденного (либо их умышленное повреждение или уничтожение).

Получается следующая простая система привлечения к ответственности осужденных: наличие обязанности – нарушение – злостное нарушение – уклонение.

При этом при исполнении общественных работ (ч. 3 ст. 27 УИК), штрафа (ч. 3 ст. 30 УИК), лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ч. 3 ст. 36 УИК), исправительных работ (ч. 5 ст. 43 УИК) возникает понятие «злостное уклонение». При исполнении данных наказаний также определены обязанности осужденных, понятие нарушения. Иными словами, если представить в качестве схемы, получается следующий упрощенный результат: наличие обязанности – нарушение – злостное уклонение.

Представляется, что если есть понятие «злостное уклонение», то должно быть и простое «уклонение». Однако это противоречит теории права и нелогично. Как мы рассмотрели ранее, каждому этапу применения мер воздействия на осужденного, который нарушает установленный порядок отбывания наказания, соответствуют какие-то последствия (наложение мер взыскания, дополнительных обязанностей, официальное предупреждение о замене более строгим наказанием, сама по себе замена). Что же должно происходить при наличии дополнительного уровня «уклонение» в виде его подвида «злостное», является сложным вопросом. Поэтому, как нам видится, в законодательстве ошибочно появился термин «злостное уклонение», так как он не вписывается в современную систему уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. Не будем говорить еще и о вовсе парадоксальной ситуации, когда в ст. 55 УИК для осужденных к ограничению свободы применяется понятие «уклонение», а в ст. 55 УК «злостное уклонение». Это вообще приводит в правоприменительной практике к казусам, когда органы и учреждения, исполняющие наказание, должны в своей деятельности применять нормы ст. 55 УИК, но при этом направлять представление в суд о замене ограничения свободы более строгим наказанием на основании ст. 55 УК, которые друг другу не соответствуют.

Таким образом, наличие в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве понятия «злостное уклонение» ничем не обосновано. Поэтому должны быть внесены соответствующие изменения в УК и УИК путем замены понятия «злостное уклонение» на «уклонение».

УДК 343.85

Д.А. Шаченок

О ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОЙ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ НА ОПРЕДЕЛЕННЫЙ СРОК

Успешность предупреждения рецидивной преступности во многом зависит от качественного решения задач социальной адаптации лиц, освободившихся из мест лишения свободы. Социальная адаптация напрямую зависит от эффективности организации работы по оказанию индивидуальной поддержки освобождаемым и освобожденным со стороны государственных органов. В обществах с достаточными финансовыми и социальными ресурсами процесс социальной адаптации закреплён в законодательстве и эффективно управляется, является важной частью уголовно-исполнительной деятельности. В большинстве стран с низким и средним уровнем дохода механизмы социальной адаптации все еще недостаточно развиты. Сегодня большинство государств признали важность процесса социальной адаптации и продолжают его совершенствовать в части уголовного правосудия. Управление социальной адаптацией должно быть частью комплексной стратегии предупреждения рецидивной преступности, соответствовать международным стандартам, должно реализовываться соответствующим государственным органом и отвечать следующим требованиям:

должно охватывать время нахождения человека в местах лишения свободы, а также период судимости после отбытия наказания – до погашения или снятия;

охватывать деятельность соответствующих органов, которые уполномочены и обязаны будут оказывать нуждающимся соответствующую поддержку;

функционирование социальной адаптации должно проходить на планово-программной основе с учетом характеристики личности освобождающихся.

В настоящее время в Республике Беларусь развитие общественных отношений в сфере исполнения наказаний вышло на новый уровень своего развития. В рамках изложенного можно отметить, что граждане требуют от законодателя не только исполнения наказаний, содержащих в своей основе карательный элемент реализации уголовной ответственности в отношении лиц, совершивших преступления. От всех субъектов, задействованных в реализации уголовной ответственности, общество

требует большего – успешную интеграцию в общество исправившихся осужденных. В данном случае реализация мер уголовно-правового характера в период отбывания наказания должна быть лишь элементом реализации уголовной ответственности.

В исправительных учреждениях не предусмотрены и не созданы необходимые программы социальной адаптации, поэтому мероприятия по социальной адаптации, в деятельности исправительных учреждений сводятся к общей информационной помощи. После освобождения из мест лишения свободы в отношении граждан осуществляются мероприятия общего характера по оказанию необходимой материальной помощи, в том числе помощь в бытовом и трудовом устройстве. Работа предлагается не по желанию, а по наличию свободных рабочих мест. Вследствие этого граждане в основном отказываются от помощи по трудоустройству и ищут работу сами.

Контент-анализ нормативно-правовых актов позволяет сделать вывод, что система социально-адаптационных мероприятий в отношении осужденных к лишению свободы на определенный срок состоит: из Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь, Закона Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений», постановления Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь и Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 30 марта 2012 г. № 47/93 «Об утверждении Инструкции о порядке взаимодействия по вопросам трудовой и социальной реабилитации лиц, освобожденных из учреждений уголовно-исполнительной системы», Методических рекомендаций Департамента исполнения наказаний Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 19 мая 2020 г. «по организации в учреждениях уголовно-исполнительной системы и лечебно-трудовых профилакториях Министерства внутренних дел Республики Беларусь мероприятий, направленных на подготовку осужденных (граждан) к освобождению (прекращению нахождения в лечебно-трудовом профилактории)».

Исходя из изложенного следует отметить, что разбросанность норм в части регулирования реализации социально-адаптационных мероприятий не способствует синхронной работе всех субъектов социальной адаптации и данная работа сводится к следующему:

орган, исполняющий наказание, осуществляет общую информационную помощь в трех сферах жизнедеятельности: сфера быта и досуга, сфера взаимодействия с другими людьми, сфера материального обеспечения жизни;

орган внутренних дел осуществляет контроль за прибытием граждан, освобожденных из мест лишения свободы, в избранный населенный пункт по избранному месту жительства;

уголовно-исполнительная инспекция ведет регистрационно-учетный и профилактический контроль за данной категорией граждан;

местные исполнительные и распорядительные органы принимают меры по обеспечению жильем помещением и трудоустройству граждан, освобожденных из мест лишения свободы.

Действующим уголовно-исполнительным законодательством не закрепляется понятие социальной адаптации. В свою очередь, отсутствие законодательного понятия социальной адаптации осужденных в ряде случаев препятствует единообразному пониманию сущности указанного уголовно-правового явления и, соответственно, неоднородной практики его реализации субъектами, ответственными за его выполнение.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Закрепить главу «Социальная адаптация осужденных» в Уголовно-исполнительном кодексе Республики Беларусь, что позволит сформировать единый подход в реализации мероприятий социально-адаптационного характера в отношении осужденных, освобождаемых из мест лишения свободы.

2. Разработать и принять Закон Республики Беларусь «О социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы», который дополнял бы раздел «Социальная адаптация осужденных» Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь и объединил бы систему органов, процедур и мероприятий социально-адаптационного характера, в отношении осужденных, отбывающих и отбывших наказание в виде лишения свободы.

3. Разработать понятие «социальная адаптация осужденных» и закрепить его в предлагаемых выше нормативно-правовых актах.

УДК 343.27

Ю.Л. Шевцов

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗЛОСТНОГО УКЛОНЕНИЯ ОСУЖДЕННОГО ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ РАБОТ

Системной проблемой уголовно-исполнительной деятельности является противодействие уклонению осужденного от отбывания назначенного судами наказания, в том числе в виде общественных работ.

С 2001 по 2021 г. уголовный закон предусматривал, что злостное уклонение от отбывания наказания в виде общественных работ являлось преступлением и влекло уголовную ответственность на основании ст. 419 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК), которая в настоящее время исключена из УК согласно Закону Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-3 «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» (далее – Закон от 26.05.2021).

Согласно утратившей силу ст. 419 УК злостное уклонение осужденного от отбывания наказания в виде общественных работ наказывалось арестом на срок до трех месяцев. Число осужденных за уклонение от отбывания общественных работ по ст. 419 УК за период 2003–2020 гг. следующее: 2020 г. – 401 осужденный (максимум), 2019 г. – 388, 2018 г. – 345, 2017 г. – 331, 2016 г. – 270, 2015 г. – 300, 2014 г. – 332, 2013 г. – 314, 2012 г. – 291, 2011 г. – 307, 2010 г. – 200, 2009 г. – 55, 2008 г. – 51 (минимум), 2007 г. – 95, 2006 г. – 77, 2005 г. – 118, 2004 г. – 98, 2003 г. – 55. Данные статистики указывали на устойчивую тенденцию роста количества злостного уклонения от отбывания этого наказания, что являлось свидетельством существующих проблем в уголовно-правовом регулировании наказания и порядке его исполнения и отбывания с учетом меняющейся социальной и экономической обстановки. Однако, оценивая в целом данное наказание, следует отметить, что оно соответствует общественным ожиданиям, имеет свою нишу в структуре видов наказаний и обладает определенным исправительным потенциалом.

Согласно введенной Законом от 26.05.2021 ч. 6 ст. 49 УК в случае злостного уклонения осужденного от отбывания общественных работ суд по представлению уголовно-исполнительной инспекции (УИИ) может заменить общественные работы арестом из расчета один день ареста за двадцать четыре часа общественных работ или ограничением свободы из расчета один день ограничения свободы за двенадцать часов общественных работ.

Общественные работы на основании ст. 49 УК устанавливаются на срок от 60 до 360 часов. Следовательно, минимальный порог (60 часов) при замене арестом составит 2,5 суток, а максимальный – 15 суток. Как известно, арест как наказание устанавливается в пределах срока от одного до трех месяцев (ст. 54 УК). Ограничение свободы на основании ст. 55 УК устанавливается на срок от шести месяцев до пяти лет и отбывается с направлением в исправительное учреждение открытого типа (ИУОТ) или без направления в ИУОТ. При замене 60 часов общественных работ ограничением свободы срок последнего составит 5 суток, а 360 часов – 30 суток.

Согласно ст. 55 УК наказание в виде ограничения свободы без направления в ИУОТ суд применяет с учетом личности виновного, харак-

тера и степени общественной опасности совершенного преступления, наличия у него постоянного места жительства. Очевидно, что замена осуществляется в отношении осужденного, злостно уклоняющегося от отбывания наказания, а именно: 1) не вышедшего на общественные работы без уважительных причин более двух раз после официального предупреждения УИИ в течение отбывания данного наказания; 2) совершивший более двух раз после официального предупреждения в течение отбывания данного наказания иные нарушения трудовой дисциплины во время выполнения общественных работ; 3) скрывшийся с места отбывания наказания с целью уклонения от отбывания общественных работ. При таких обстоятельствах констатируем отрицательную уголовно-исполнительную характеристику личности осужденного, поскольку, во-первых, к осужденному за нарушение порядка и условий отбывания наказания уже применялись меры ответственности (ст. 27 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (УИК)), и во-вторых, указанное исправительное воздействие не достигло ожидаемого результата, осужденный продолжил нарушать режим отбывания наказания, что квалифицировано в соответствии со ст. 28 УИК как злостное нарушение и основание для замены назначенного судом наказания более строгим на этапе его отбывания. Следовательно, с учетом личности целесообразно при замене применять режим ограничения свободы с направлением в ИУОТ.

В то же время очевидно, что во всех случаях замены общественных работ арестом или ограничением свободы минимальный срок обоих наказаний будет меньше установленного минимального значения для соответствующего наказания, что не соответствует принципу законности в уголовно-правовом регулировании.

Введенный в УК механизм замены является более мягким по сравнению с ранее действовавшим порядком. Признавая утратившей силу ст. 419 УК, новый уголовный закон является более мягким не только по критерию декриминализации деяния, но и по существу. Осужденный в любом варианте получит к отбыванию меньший срок, поскольку на основании ст. 419 УК злостное уклонение влекло назначение наказания на срок от 1 до 3 месяцев ареста согласно санкции статьи и еще по совокупности преступлений (ст. 73 УК) возможно было применение принципа полного или частичного сложения неотбытой части срока наказания. Напротив, в настоящее время при замене в соответствии с Законом от 26.05.2021 максимум ареста составляет 15 суток. Представляется, что указанная гуманизация в отношении лиц, злостно уклоняющихся от отбывания назначенного наказания, не обоснована и не соотносена с целями уголовной ответственности, не соответствует принципам уголовно-исполнительной деятельности, поскольку при замене и пере-

ходу к процедуре исполнения более строгого наказания организовать эффективный исправительный процесс по достижению целей уголовной ответственности весьма сложно при кратких сроках.

С учетом имеющейся практики применения Закона от 26.05.2021 следует рассмотреть вопрос об изменении ч. 6 ст. 49 УК. При сохранении института замены общественных работ арестом или ограничением свободы следует указать: «арестом или ограничением свободы в пределах сроков, установленных законом для этих наказаний».

В целях совершенствования УИК существуют предложения установить правило: «в день вынесения постановления (определения) суда о замене наказания в виде общественных работ более строгим наказанием исполнение общественных работ приостанавливается до его вступления в законную силу». Объясняется оно правовой неопределенностью в отношении порядка исчисления срока общественных работ в период его замены, вынесения определения и вступления в законную силу с учетом срока на обжалование.

Изложенное выше предложение вызывает дискуссию. Приостановление исполнения наказания влечет приостановление уголовно-исполнительного отношения, а следовательно, и установление неурегулированного правового статуса осужденного. Здесь корректнее установить новое правило в отношении порядка исчисления срока наказания в виде общественных работ. Согласно ст. 25 УИК срок наказания в виде общественных работ исчисляется часами, в течение которых осужденный отбывал общественные работы. Указанным правилом и следует руководствоваться с возможным дополнением ч. 1 ст. 25 УИК предложением: «При замене наказания в виде общественных работ более строгим наказанием в срок наказания не засчитывается период от дня вынесения постановления (определения) суда о замене наказания в виде общественных работ более строгим наказанием до его вступления в законную силу».

УДК 343.9

Н.П. Щукина

О НАУЧНЫХ ОСНОВАНИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ СЛУЖБ ПРОБАЦИИ В РОССИЙСКОМ ДИСКУРСЕ

Вопрос о значимости научных оснований организации процесса ресоциализации осужденных и бывших осужденных не требует, думается, особых доказательств. Становление же служб пробации в Российской Федерации (далее – Россия, РФ) актуализирует эту тему. Действитель-

но, каковы теоретические основания данной новации, внедряемой в России? Какие роли планируется отводить в службах пробации самим осужденным и бывшим осужденным? Как будут учтены при становлении данных служб сложившиеся практики ресоциализации этих лиц, осуществляемой в исправительных учреждениях и институтах гражданского общества? Почему именно уголовно-исполнительные инспекции и ФСИН в целом будут координировать работу МВД, Минтруда и Минобрнауки по вопросам пробации? Ведь ключевые понятия, используемые в проекте Федерального закона (ФЗ) «*О пробации в Российской Федерации*», – социологические: «*ресоциализация*», «*социальная адаптация*», «*социальная реабилитация*». Более того, в ряде регионов страны еще в нулевые годы были открыты пилотные центры пробации. И эксперты, обобщая опыт их работы, в качестве главной проблемы называют отсутствие коммуникации между уголовно-исполнительными инспекциями, администрацией колоний и организациями социального обслуживания. Но тогда и в контексте данной «*главной проблемы*» не актуализируется ли необходимость постановки вопроса о роли служб социальной защиты, социологов в становлении и развитии служб пробации? Ведь, согласно профиограмме специалиста по социальной работе и символу этой профессии, предназначение социологов – в посредничестве между социумом в целом и теми, кто оказался в трудной жизненной ситуации. Иными словами, именно специалисты по социальной работе призваны «очеловечивать» общество, помогая ему в углублении понимания нужд и запросов, пребывающих в трудной жизненной ситуации людей; наряду с этим они призваны оказывать необходимую помощь конкретным людям, оказавшимся в такой ситуации. Отметим, кстати, что в проекте ФЗ «*О пробации в Российской Федерации*» в числе ключевых понятий определяется и «*трудная жизненная ситуация*».

В силу вышеизложенного переоценить роль теоретических оснований рассмотрения поставленных выше вопросов в XXI в. не представляется возможным. Ведь времена, когда политика в отношении осужденных и бывших осужденных базировалась на здравом смысле, житейском опыте и эмоциях, думается, канули в лету. Подчеркнем, что в последние десятилетия теория *жизненного пути* открыла важную перспективу в понимании процессов реинтеграции бывших осужденных. И, казалось бы, именно эта теория – хотя она и не называется – лежит в основе становления анализируемых служб, судя по проекту ФЗ «*О пробации в Российской Федерации*», его обсуждению и результатам названных выше пилотных проектов. Действительно, согласно данной теории, вероятность воздержания

от повторных правонарушений возрастает по мере увеличения так называемых *ставок конформизма*, когда, например, бывшие осужденные восстанавливают или осваивают роли интимного партнера, утверждается их просоциальная идентичность. Согласимся с Р.Дж. Лаубом и Дж.Х. Сэмпсоном, преступное поведение меняется по мере изменения важных жизненных событий – чем сильнее связи с семьей и работой, тем меньше риск совершения преступных деяний. Однако насколько успешным будет такое восстановление или освоение обозначенных выше ролей? Ведь эти люди оказываются нередко в зоне повышенного наблюдения ближайшего и более широкого окружения наряду с надзором, служб пробации, тем более подконтрольных ФСИНу России.

Иными словами, воздержание от повторных правонарушений – это сложный процесс, не сводимый только к действиям осужденного или бывшего осужденного. Успешное воздержание связано с взаимодействиями с другими, которые, как постулирует Н.Д. Герман, *«пересматривают личность в недевиантном свете»*. Отказ от преступной деятельности, просоциальная идентификация бывшего преступника, *«снятие с него ярлыков»* связаны с восприятием его другими как не преступника.

Таким образом, успешная ресоциализация бывших осужденных – не улица с односторонним движением, она предполагает не только принятие бывшими осужденными общества, но и обратное: принятие этих индивидов обществом в качестве сограждан. Успешность данного двустороннего процесса социальной реинтеграции связана с возможностью бывших осужденных не только почувствовать свое «исправление» и возмещения ущерба, нанесенного другим, но и конкретное признание их исправления другими (С. Маруна). Значимую роль в таком признании играет организация само- и взаимопомощи осужденных и бывших осужденных.

Кстати сказать, в международном публичном праве проблеме самопомощи посвящена целая подобласть и в целом ряде иных законов фокусируется внимание на помощи, способствующей самопомощи. Какое отражение нашла эта идея в формирующихся практиках становления служб пробации в РФ, если сам термин само- и взаимопомощь в российской криминологии остается фактически «дамой под вуалью»?

Не предполагает ли изложенное выше касательно научных оснований становления служб пробации в России «смену линз»: смещение внимания и исследователей, и практиков анализируемой сферы на криминологию осужденных, ее потенциал, а также такие подходы, как «раненого целителя» и восстановительного правосудия?

Раздел II

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

УДК 343.98

В.И. Белов

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРОФИЛАКТИКИ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫХ ДЕЯНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ст. 243 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В настоящее время сохранение культурного и исторического наследия народа России является в соответствии с Основным Законом страны обязанностью человека и гражданина. Согласно Указу Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400, утверждающему Стратегию национальной безопасности Российской Федерации, рассматриваемое направление является стратегическим национальным приоритетом государства, который охраняется, в том числе, и уголовным законодательством.

На данный момент охрана культурных ценностей (далее – ценностей) предусматривает непосредственно деятельность музеев и галерей, а также российское законодательство и международные стандарты о перевозке их через границу. До сих пор открытым остается вопрос о том, что происходит с произведениями искусства после их приобретения частными лицами. Ведь нередко эти реликвии исчезают из поля зрения научного сообщества. В связи с этим возможно предусмотреть некоторые профилактические меры. Например, желательно дополнить существующие законодательные акты нормами, которые бы обязывали владельцев ценностей с большей ответственностью подходить к своему имуществу. На государственном уровне призвать их к возможности использования предметов музейного уровня на временных выставках музеев и галерей страны.

Одной из приоритетных задач современного мирового сообщества является обеспечение сохранности ценностей. Международные акты и

стандарты в этой сфере, ратифицированные государствами, предусматривают конкретные меры единой общегосударственной политики по охране и защите ценностей, а одним из ее направлений является возложение указанных функций на специальные службы.

В России эта сфера возложена на органы внутренних дел. Так, в соответствии со ст. 33 Федерального закона Российской Федерации от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» сотрудники полиции обязаны устанавливать ответственность лица (или организации), по вине которых повреждена или уничтожена ценность. Это нашло отражение как в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, так и в отечественном уголовном законодательстве.

Органы внутренних дел также должны обеспечивать конституционные права человека и гражданина на доступ к ценностям посредством:

1) оказания содействия государственным органам и общественным организациям в области защиты конституционных прав граждан в сфере культуры;

2) проведения профилактических мероприятий по защите ценностей от противоправных посягательств;

3) пресечения правонарушений, расследования и привлечения к ответственности лиц и организаций, нарушивших требования законодательства.

Комплекс мер, направленных на организацию международного сотрудничества в сфере противодействия преступным посягательствам на ценности, включает в себя следующее:

обмен законодательными и иными нормативными правовыми актами; реализацию мероприятий, предусмотренных межгосударственными программами;

розыск лиц, скрывающихся от следствия, суда или отбытия наказания; исполнение запросов общего и конфиденциального характера; проведение совместных специальных мероприятий;

обеспечение эволюции модели международного сотрудничества от традиционных запросов о взаимной правовой помощи к непрерывному взаимодействию и координации параллельных расследований.

Бесспорно, успешному раскрытию хищений предметов, имеющих особую ценность, способствуют: качественное проведение следственных действий; правильное выдвижение версий и их эффективная отработка; максимальное использование при сборе и закреплении до-

казательств технико-криминалистических средств и методов. В целях профилактики краж и повышения уровня раскрываемости таких хищений подразделения МВД России описывают, фотографируют и наносят скрытую маркировку на объекты, имеющие особую ценность.

Большое значение имеет создание единой системы каталогизации и специальной обработки предметов, хранящихся в учреждениях религиозного культа. Можно обратить внимание на опыт в этом деле зарубежных государств. Анализируя данный опыт, на наш взгляд, стоит позаимствовать следующие вопросы организации:

международного сотрудничества по борьбе с хищением предметов, обладающих особой ценностью;

сотрудничества с антикварными предприятиями и иными организациями, заинтересованными в сохранности культурных ценностей;

отдельного подразделения в структуре МВД России по борьбе с преступлениями против предметов, обладающих особой ценностью;

подготовки специалистов и высококвалифицированных экспертов-искусствоведов.

Необходимо дифференцировать направления и формы таможенного сотрудничества в сфере противодействия незаконному обороту объектов культурного наследия. Формы и направления этого сотрудничества могут по-разному определяться в международных договорах.

Так, например, в ст. 3 Душанбинского Соглашения определены следующие основные направления такого сотрудничества:

совершенствование правовой базы, необходимой для сотрудничества; обеспечение реализации на национальном уровне положений действующих международных соглашений;

анализ результатов контрольных мероприятий;

совершенствование взаимодействия правоохранительных органов.

Официально Российская Федерация, правопреемница Советского Союза, сохранила свое участие во многих международных организациях, занимающихся защитой культурного наследия, и ратифицировала многие документы в области защиты культурных ценностей. Однако деятельность отдельных лиц в государстве не совсем прозрачна в вопросах, касающихся культурных ценностей, на уровне международного сотрудничества. Встречаются случаи, когда политические амбиции часто препятствуют принятию реальных мер по пресечению незаконного оборота культурных ценностей. Все это, на наш взгляд, существенным образом затрудняет профилактические мероприятия по исследуемой проблематике.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛИЧНОСТИ С СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДОЙ КАК ДЕТЕРМИНИРУЮЩАЯ СИСТЕМА ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Проблема взаимодействия личности правонарушителя с социальной средой относится к числу центральных криминологических проблем. Особую значимость она приобретает в современных условиях динамики научно-технического прогресса, влекущего коренные социальные преобразования, увеличение социальной мобильности и, как следствие, рост кризисных ситуаций и активизацию социальных отклонений.

Преступное поведение личности, являясь одной из форм человеческой деятельности, существует в тесной взаимосвязи и функциональной взаимозависимости с социальной средой. Устойчивость социальной системы выражается в симметрии свойств и форм поведения человека требованиям социальной среды.

Как глубоко подмечено К. Марксом, «обстоятельства в такой же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства», «не сознание людей определяет их бытие, а наоборот, их общественное бытие определяет сознание». Развивая данную мысль, полагаем возможным отметить, что человек – существенный активный компонент социальной системы, который, испытывая воздействие социума и изменяясь в связи с этим, одновременно сам воздействует на окружающую среду, меняя и перестраивая ее.

Динамический характер взаимодействия личности с социальной средой обуславливает особую важность сохранения социального равновесия посредством своевременного приведения в норму постоянно возникающих отклонений (конфликтов) в указанном взаимодействии. Нарушение этого равновесия демонстрирует несовершенство в работе компенсирующих механизмов, призванных обеспечивать устойчивость системы «личность – социальная среда». Оно возникает вследствие неспособности личности должным образом реагировать на противоречия окружающей среды в определенных ситуациях. Нарушение социального равновесия обуславливает преступность. Для конфликтного социального взаимодействия характерно отрицание ценностных ориентиров и норм, которые присущи данной социальной среде. Такой тип взаимодействия может быть рассмотрен в качестве социальной «неадекватности», «ненормальности», проявляющийся в несоответствии свойств и черт личности основным нормам социальной среды.

Понятие нормы в поведении человека базируется на оценочном представлении, характеризующем признаки нормального, правильного поведения и поведения, отклоняющегося от нормы, девиантного. Нормы поведения – это, по существу, воплощение объективно существующих интересов и потребностей людей, мера полезного с точки зрения общества поведения, направленного на обеспечение мира, спокойствия и развития человеческого прогресса. Следовательно, социальные нормы представляют собой внешнее выражение системы взаимодействия личности с социальной средой, а соблюдение этих норм, их стабильность – показатель степени устойчивости социальной системы.

Вышеизложенное позволяет заключить, что ключевыми, научно обоснованными и прагматично значимыми криминологическими положениями выступают:

изменения, происходящие в социальной среде, влияют на изменение социальных характеристик личности и, наоборот, изменения в свойствах и состоянии личности, воздействуют на модификацию социальной среды;

преступление всегда является результатом неразрывного, взаимно детерминированного взаимодействия внешних факторов объективной социальной действительности с внутренними личностными факторами;

подлинное объяснение неправомерности действий правонарушителя возможно лишь при условии целостного объективного исследования и оценки всей совокупности социальных отношений в конкретной социальной реальности.

ПСИХОЛОГО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ УГОЛОВНО НАКАЗУЕМЫХ ДЕЯНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЯХ

Изучение механизма определяющего поведение человека в экстремальных ситуациях открывает перед нами новое проблемное поле не только в психологической, но и в юридической науке.

Так, любое биологическое существо, включая человека, попадая в экстремальную ситуацию выходит на уровень индивидуальной адаптивности, видоизменяя свое обычное поведение существенным образом. В доминирующем большинстве в основе содержательного описания

феномена экстремальности лежат конкретные события, находящиеся за пределами человеческого опыта, неизбежно ведущие к нарушению психического, душевного или эмоционального равновесия.

Особой отличительной чертой экстремальной ситуации выступает ее персонифицированность, т. е. одна и та же ситуация разными людьми будет восприниматься совершенно по-разному. Особенностью феноменологии экстремальной ситуации выступает индивидуальное реагирование человека на внешний раздражитель, формирующее механизм восприятия личностью опасного стимула через призму когнитивного соотношения перспективной модели развития текущей ситуации в зависимости от индивидуальных умений и навыков, эмпирического опыта, персональных страхов, фобий и переживаний.

Достижению предельных деструктивных состояний предшествует включение в человеке специальных аварийных и защитных адаптационных механизмов, направленных на ликвидацию или избегание опасности, предотвращение гибели организма и недопущение процесса его умирания. Проявление вышеуказанных механизмов находит отражение во внутренних сигнальных системах организма человека, которые вызывают в человеке различные соматические и психоэмоциональные отклики. Выраженность этих откликов может протекать в диапазоне от неприятных ощущений до резкой боли, заставляющей избегать побуждающего их стимула. В некоторых случаях внутренние сигналы организма на определенный период способны изменить дееспособность человека, становясь ситуативной детерминантой его поведения, вынуждая выбрать новую, часто биологически обусловленную, модель реагирования.

Существующие правовые механизмы регулирования общественных отношений определяют общественно значимую, верную модель поведения, которой должен придерживаться каждый индивид, включенный в процесс социального взаимодействия. При этом правильно работающие и четко выстроенные правовые регуляционные механизмы побуждают всех членов общества к правомерному, а как следствие – обычному и прогнозируемому поведению.

Необходимо четко понимать, что в правовом государстве попадание человека в экстремальную ситуацию достаточно проблематично, а как следствие – может быть обусловлено преимущественно сбоем механизма регулирования отдельных социальных процессов и отношений, личной безответственностью, связанной с нарушением правовых запретов, либо преступными действиями иных лиц.

Законодатель в рамках правового поля устанавливает достаточно узкий диапазон ролевого участия человека в экстремальной ситуации.

Так, субъект социального взаимодействия выступает в роли потерпевшего, правонарушителя (преступника), либо случайного участника (очевидца). При этом личные действия лиц, вовлеченных в динамику событий, протекающих в экстремальной ситуации, могут изменять их ролевой статус по отношению к охраняемым законом общественным отношениям.

В соответствии с белорусским законодательством все виды правонарушений находят свое проявление в форме умысла и неосторожности, а реализуются в качестве действия или бездействия субъекта правонарушения.

В этой связи необходимо учитывать, что психологический механизм нахождения человека в экстремальной ситуации, обуславливающий модель его поведенческого реагирования, несколько более сложный и включает в себя находящиеся в прямой зависимости друг от друга когнитивную и темпоральную составляющие.

Исследования, проводимые нами, показывают разность реагирования человека на опасный стимул в зависимости от наличия времени, необходимого для когнитивного анализа происходящих событий. Можно утверждать, что экстремальность ситуации формируется не столько на основе экзогенных факторов, таких как реальная существующая угроза для здоровья и биологического существования человека, сколько на основе эндогенных, субъективных, таких как его внутреннее отношение к происходящим событиям. Вследствие чего и происходит отличие в восприятии одной и той же ситуации разными людьми, подтверждая, что критерий «экстремальности» находится исключительно в области психического развития личности. При этом механизм реагирования одного и того же человека на один и тот же факт, в зависимости от влияния темпоральной составляющей, может отличаться.

Так, в ситуациях, в которых между возникновением опасного стимула и включением человека в экстремальную ситуацию не имеется разрыва во времени, при условии отсутствия модели поведения, доведенной до состояния мышечной памяти, он будет реагировать биологически обусловленной моделью поведения, такой как ступор, бегство либо агрессия. Особенностью биологически обусловленной поведенческой модели реагирования на опасный стимул выступает отсутствие когнитивного анализа человеком ситуации и сознательного контроля собственного поведения в ней. И если с точки зрения правовой науки модели реагирования, такие как замирание и бегство можно отнести к виктимному поведению, то агрессивное реагирование может приводить к негативным последствиям непосредственно для инициатора экстремальной ситуации или третьих лиц, а как следствие – к возникновению новых задач по квалификации деяний участников событий.

Существенное отличие наблюдается и в обстоятельствах, в которых между моментом возникновения экстремальной ситуации и включением в нее человека наблюдается разрыв во времени, достаточный для осознания человеком степени опасности, которой он подвергается. В таких ситуациях работают принципиально иные механизмы оценки окружающей обстановки и реагирования на нее. Вместо описанных выше биологически обусловленных механизмов в детерминации модели поведенческого реагирования выступает когнитивная и эмоциональная сфера. В зависимости от степени выраженности и влияния эмоциональной сферы может проявляться аффективное поведение.

В описанных случаях, когда уголовно-правовые нормы нарушены, законодатель идет по пути оценки субъективной стороны преступления как деяний, совершенных умышленно либо по неосторожности, допускающая возможность совершения преступления в состоянии аффекта (в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения), т. е. в соответствии со ст. 31 Уголовного кодекса (УК) Республики Беларусь.

При этом, если можно согласиться, что для ситуаций, в которых человек имеет возможность придавать эмоциональный окрас событиям посредством оценки грозящей ему угрозы, а также в той либо иной мере отдавать отчет своим действиям, данная квалификация приемлема, то для деяний человека, совершенных в обстоятельствах включения его в экстремальную ситуацию в условиях отсутствия разрыва во времени с момента ее возникновения, подобный подход вызывает сомнения. По нашему мнению, действия субъекта преступления, совершенные в подобных обстоятельствах, должны квалифицироваться по ст. 34 УК Республики Беларусь или рассматриваться как совершенные в состоянии уменьшенной вменяемости.

УДК 159.9.072

Н.Ф. Гребень

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОРРУПЦИОНЕРА

Коррупционное поведение, как и особенности личности коррупционера только в последние десятилетия стали актуальной проблемой для отечественной психологической науки. Во многом это было связано с отсутствием соответствующего запроса со стороны государственных структур, а также недоступностью объекта исследования для психологов. Поэтому сложилась ситуация, когда в психологии еще не разработа-

но достаточно знаний и практик для эффективного разрешения проблемы коррупционного поведения.

В данной статье мы остановимся на анализе эмпирических исследований психологических особенностей лиц с коррупционным поведением. Под личностными особенностями будем понимать комплекс характеристик человека, которые задаются темпераментом, характером, способностями, эмоциональной и мотивационной сферами и отличают одного человека от другого.

Ю.М. Антоняном были определены ведущие мотивы коррупционного поведения. Первый из них – видимый, внешний – это корысть, стремление обеспечить себя материальными благами. Второй, глубинный, смысловой, заключающийся в отношении к коррупции как к игре (Ю.М. Антонян, 2003).

А.Л. Журавлев и А.В. Юревич выявили, что лицам, осужденным за коррупцию, присущи такие черты, как осторожность в построении межличностных отношений, отсутствие страха «расплаты», черствость по отношению к жертвам коррупции, агрессивность, выраженность таких механизмов психологических защит, как отрицание и компенсация, склонность к азарту и риску (А.Л. Журавлев, А.В. Юревич, 2012).

В исследовании Л.М. Закировой изучались такие психологические переменные, как локус контроля и склонность к риску у лиц с коррупционным поведением (150 человек), которые не привлекались к уголовной ответственности и были отобраны при помощи анкетирования. Для них наиболее характерен интернальный тип локуса контроля и его увеличение с возрастом. Высокий уровень склонности к риску наблюдается у лиц раннего зрелого возраста, а у лиц среднего зрелого возраста и возраста с верхним порогом зрелости зафиксирован средний уровень склонности к риску (Л.М. Закирова, 2012).

Е.Е. Гавриной выявлены следующие социально-психологические особенности бывших сотрудников уголовно-исполнительной системы, осужденных за преступления коррупционного характера. В большинстве своем это лица от 19 до 40 лет, состоят в браке, относят себя к верующим, стаж работы порядка 10 лет в исполнительной системе, редко имеющие дисциплинарные взыскания, хорошо ориентирующиеся в своих правах и обязанностях по работе. Они придерживаются активного стиля жизни, предпочитают воздерживаться от эмоций, вести себя сдержанно и консервативно, чувствуют себя комфортно среди других людей и склонны ими манипулировать, испытывают комфорт под грузом власти и ответственности, способны проявлять инициативу и заражать других своей активностью (Е.Е. Гаврина, 2013).

М.В. Кроуз, Н.А. Ратинова занимались изучением ценностной сферы бывших сотрудников правоохранительных органов, осужденные за совершение преступлений коррупционной направленности и отбывавшие наказание в исправительных учреждениях строгого режима (72 мужчины). В целом до возбуждения уголовного дела и ареста большинство обследованных были социально и профессионально успешными людьми: высокообразованными, имеющими семьи, детей, перспективную, во многих случаях хорошо оплачиваемую работу. Как следовало из бесед, отношения в семье и профессиональная карьера у многих из них складывались благоприятно, они имели реальные перспективы служебного роста. В результате изучения особенностей ценностной сферы коррупционеров, ее иерархии было установлено, что полученные результаты значительно расходятся с широко распространенными стереотипными представлениями о коррупционерах как о меркантильных, корыстолюбивых людях, для которых материальные ценности являются приоритетными. Согласно полученным данным, для коррупционных преступников самыми значимыми являются такие ценности, как свобода, семья, любовь, дети, здоровье, образование, новые знания, расширение кругозора. Наименее значимыми ценностями выступают материальная обеспеченность, развлечения, общественное признание, переживание прекрасного, высокие запросы, власть и закон. Любопытно, но такого рода ценностные предпочтения характерны и для законопослушных граждан (М.В. Кроуз, Н.А. Ратинова, 2018).

О.В. Ванновской был получен наиболее полный психологический портрет личности коррупционера: это стремление к материальным благам, роскоши как индикаторам счастья, недифференцированная структура нравственного поведения, неадекватная самооценка, экстернальный локус контроля и импульсивный тип реагирования. Исследовательница выделила также пять базовых уровней внутренней детерминации коррупционного поведения: смыслов и ценностей, когнитивно-нравственный, эмоциональный, регулятивный, поведенческий (О.В. Ванновская, 2009).

Л.В. Уваровой был определен фактор и метод оценки антикоррупционной устойчивости кандидатов на должность судьи. В фактор антикоррупционной устойчивости вошли материальные потребности, такие ценности, как независимость, самоконтроль, смелость, твердая воля, честность, чуткость, материально обеспеченная жизнь и свобода. Но, как показала апробация методики, только 17 % опрошенных кандидатов имеют активную антикоррупционную установку (Л.В. Уварова, 2013).

Таким образом, на основании проведенного анализа литературных источников можно сделать следующие выводы.

Сегодня психологический портрет коррупционера находится в стадии «написания». Те данные, которые были получены по результатам эмпирических исследований, носят достаточно разрозненный, а иногда и противоречивый характер, что не позволяет сформировать целостное представление о личности коррупционера. Наиболее часто приводятся такие черты, как образованность, склонность к риску, адаптированность, стремление к материальным благам и власти. Противоречивая информация была получена относительно локуса контроля и ряда ценностных ориентаций, что могло быть детерминировано условиями и объектом исследования (осужденные / неосужденные).

Реализованные эмпирические исследования часто базируются на разных методологических основаниях, иногда в статьях нет ссылок на используемый психодиагностический инструментарий, что затрудняет понимание психологических детерминант коррупционного поведения и сравнение выявленных особенностей. Явно прослеживается и дефицит исследований методом сравнений с сопоставимой по социальному статусу группой с законопослушным поведением.

Полагаем, что есть необходимость в эмпирически выверенной психологической типологии лиц с коррупционным поведением. Наличие таковой позволит более объективно подходить к диагностике и оценке риска коррупционного поведения среди госслужащих.

УДК 343.34

Д.В. Грузинский

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ УСТАНОВЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Основными задачами, стоящими перед государством, являются обеспечение безопасности граждан и охрана установленного правопорядка от общественно опасных посягательств, а их достижение ставится в зависимость от возможности свободного осуществления представителями правоохранительных органов своей законной деятельности. На переднем крае борьбы с преступностью находятся сотрудники органов внутренних дел и военнослужащие, которые в связи с выполнением своих профессиональных функций часто подвергаются активному противодействию со стороны деструктивно настроенных лиц. Нарушая установленные в государстве правила общественного поведения, пре-

ступники часто воздействуют не только на названных субъектов правоохранительных органов, но и на их близких, преследуя тем самым цель воспрепятствования (изменения) законной деятельности правоохранителей либо по мотиву мести за выполнение ими служебных обязанностей. Незамедлительное пресечение посягательств на законную деятельность сотрудников органов внутренних дел, военнослужащих и их близких правовыми средствами – безусловная необходимость. При этом большую роль в предупреждении посягательств на указанных лиц выполняют нормы уголовного законодательства.

Установление уголовной ответственности за преступления в отношении названных субъектов криминологически и социально обусловлено тем, что законная деятельность сотрудников органов внутренних дел и военнослужащих направлена на обеспечение нормального функционирования общественных отношений, складывающихся в государстве.

Для определения того, насколько установление уголовной ответственности за те или иные общественно опасные деяния криминологически и социально обусловлено, уголовно-правовая теория рекомендует обращаться к принципам криминализации.

Наиболее комплексным подходом при выделении принципов криминализации является подход, предложенный Г.А. Злобиным, который предложил следующие принципы криминализации деяния в уголовном праве: 1) криминализируемое деяние должно быть общественно опасным; 2) оно должно иметь достаточную степень распространенности; 3) ожидаемые положительные последствия криминализации должны превышать ее отрицательные последствия; 4) криминализация не должна противоречить Конституции Республики Беларусь, действующему праву и международным соглашениям; 5) она не должна противоречить нормам нравственности; 6) криминализация должна быть осуществима в процессуальном и криминалистическом аспектах; 7) криминализация не должна производиться, если борьба с данным вредным для общества деянием возможна и эффективна при помощи иных, более мягких мер. Рассмотрим перечисленные принципы криминализации применительно к нормам об уголовной ответственности за преступления в отношении сотрудников органов внутренних дел, военнослужащих и их близких.

1. Посягая на сотрудников органов внутренних дел, военнослужащих и их близких, лицо причиняет существенный вред не только указанным лицам, порядку осуществления власти и управления в государстве, но и создает угрозу причинения существенного вреда. Именно поэтому отмеченные противоправные деяния являются общественно опасными.

2. Преступления в отношении сотрудников органов внутренних дел, военнослужащих и их близких достаточно распространены. Согласно

общедоступным данным, содержащимся в средствах массовой информации, наибольший удельный вес среди таких преступлений занимают деяния, связанные с оскорблением представителей власти и угрозами насилия в глобальной компьютерной сети Интернет.

3. Анализируя положительные и отрицательные последствия криминализации деяния отметим, что криминализация данных деяний имеет значительное превентивное значение. Это не требует значимых экономических затрат, однако предотвращает вред, который субъект преступления мог бы совершить до пресечения его деяний сотрудником органов внутренних дел или военнослужащим.

4. Криминализация таких посягательств не противоречит действующему законодательству. Статья 23 Конституции Республики Беларусь гласит, что ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц. Данное положение не ограничивает, а наоборот: подчеркивает первостепенность интересов национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц, страдающих от противоправных деяний других граждан.

5. Криминализация таких деяний не противоречит нормам нравственности, поскольку деяния, связанные с причинением смерти указанным субъектам, применением в отношении последних насилия, угроз, оскорблений, распространении клеветнических и иных оскорбительных сведений, вмешательств в их законную деятельность не только аморально, но и недопустимо в цивилизованном обществе.

6. Криминализация посягательств на сотрудников органов внутренних дел, военнослужащих и их близких осуществима в процессуальном и криминалистическом аспектах. Преступления данного вида доказуемы, поскольку оставляют материальные следы, которые могут быть зафиксированы и представлены в виде доказательств, не нарушая действующих уголовно-процессуальных норм.

7. Криминализации подлежат только те деяния против сотрудников органов внутренних дел, военнослужащих и их близких, которые не могут быть предупреждены и пресечены без применения уголовной ответственности за их совершение. Наличие уголовно-правовых норм об ответственности за такие деяния несет за собой эффективную профилактическую составляющую. Борьба с данными вредными деяниями невозможна и неэффективна при помощи иных, более мягких мер.

Таким образом, установление уголовной ответственности за преступления в отношении сотрудников органов внутренних дел, военнослужащих и их близких криминологически и социально обусловлено, поскольку нормы об ответственности за данные преступления соответствуют обоснованным в теории уголовного права критериям криминализации. Вместе с тем возможности действующих уголовно-правовых норм до конца не раскрыты, поскольку остается неразрешенным множество теоретических, практических и законодательных проблем, что подтверждается научными исследованиями в указанной сфере.

УДК 342.9

С.Ю. Дегонский

ОБ АНТИКОРРУПЦИОННЫХ НОРМАХ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О ПРОХОЖДЕНИИ СЛУЖБЫ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Согласно Концепции национальной безопасности Республики Беларусь (далее – Концепция), утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575, Республика Беларусь берет на себя обязательство по обеспечению баланса интересов личности, общества, государства и их защите от внутренних и внешних угроз. При этом рост преступных и иных противоправных посягательств против личности и собственности, коррупционные проявления относятся к основным потенциальным либо реально существующим угрозам национальной безопасности.

В качестве одного из направлений нейтрализации внутренних источников угроз Концепция закрепляет комплексное совершенствование процессов предупреждения и борьбы с преступностью, в первую очередь с коррупцией. Обозначенные тренды нашли отражение и в законодательстве о прохождении службы в органах внутренних дел Республики Беларусь (ОВД). А антикоррупционные нормы определяют прохождение службы в ОВД от момента поступления на нее до увольнения.

Так, согласно п. 17 Положения о прохождении службы в ОВД (далее – Положение), утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 15 марта 2012 г. № 133, граждане, принимаемые на службу, сотрудники, их супруга (супруг) и совершеннолетние близкие родственники, совместно с ними проживающие и ведущие общее хозяйство, при приеме на службу, а также в других случаях, предусмотренных законодательными

актами, представляют декларации о доходах и имуществе Министру или другому начальнику согласно компетенции, определяемой Министром. Непредставление декларации о доходах и имуществе или умышленное внесение в нее неполных либо недостоверных сведений является основанием для отказа в приеме на службу, привлечения к установленной законом ответственности. Кроме того, в ст. 32 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» сотрудники ОВД, занимающие должности старшего и среднего начальствующего состава, обязаны ежегодно представлять декларации о доходах и имуществе в соответствующий ОВД.

В нормативном правовом акте, закрепляющем общий правовой статус всех сотрудников ОВД, – Законе Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» – в ст. 32 содержится норма, запрещающая выполнять иную оплачиваемую работу, не связанную с исполнением служебных обязанностей по месту службы, кроме педагогической (в части реализации содержания образовательных программ), научной, культурной, творческой деятельности и медицинской практики, осуществляемых по согласованию с руководителем подразделения ОВД, в котором сотрудник проходит службу.

Кроме того, в п. 10-1 Положения закреплено, что сотрудникам запрещено получать от иностранных государств документы, предоставляющие права на льготы и преимущества в связи с политическими, религиозными взглядами или национальной принадлежностью, а равно пользоваться такими льготами и преимуществами. Сотрудники ОВД, имеющие документы, предоставляющие права на льготы и преимущества в связи с политическими, религиозными взглядами или национальной принадлежностью, полученные от иностранных государств, в месячный срок обязаны передать их на время прохождения службы в ОВД в соответствующий ОВД.

Отдельно необходимо остановиться на правовом регулировании вопросов совместного прохождения службы родственников.

Так, при назначении на должности рядового и начальствующего состава учитываются следующие требования: сотрудникам, состоящим между собой в близком родстве или свойстве (родители, супруги, дети, родные братья, сестры, а также родители, дети, родные братья и сестры супругов), запрещается проходить службу в одном и том же ОВД, если их служба связана с непосредственной подчиненностью или подконтрольностью одного из них другому (подп. 40.3 п. 40 Положения). Аналогичная норма содержится и в Законе Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» в ст. 18 «Ограничения по со-

вместной службе (работе) в государственных органах и организациях супругов, близких родственников или свойственников».

Применительно к случаю, когда служба в ОВД связана с подчиненностью или подконтрольностью близких родственников, механизма административного воздействия на одного из них для перевода или перемещения законодатель в Положении не определил. Вместе с тем в Законе Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-3 «О борьбе с коррупцией» в ст. 21 закреплён порядок предотвращения и урегулирования конфликта интересов в связи с исполнением обязанностей государственного должностного лица: руководитель государственного органа, иной организации вправе перевести государственное должностное лицо в порядке, установленном актами законодательства, с должности, исполнение обязанностей по которой вызвало или может вызвать возникновение конфликта интересов, на другую равнозначную должность.

Примечателен опыт российского законодателя по рассматриваемому вопросу. В Федеральном законе Российской Федерации от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» предусмотрен перевод сотрудника на равнозначную должность для «устранения обстоятельств, связанных с непосредственной подчиненностью или подконтрольностью сотрудников, находящихся в отношениях близкого родства или свойства» (п. 8 ч. 5 ст. 30). Отказ сотрудника от такого перевода в вышеуказанном законе является основанием для расторжения контракта и увольнения сотрудника из ОВД «в связи с отказом сотрудника от перевода на иную должность в органах внутренних дел в целях устранения обстоятельств, связанных с непосредственной подчиненностью или подконтрольностью сотрудников, находящихся в отношениях близкого родства или свойства» (п. 6 ч. 3 ст. 82). Полагаем, что при совершенствовании отечественного законодательства о прохождении службы в ОВД, в части устранения правовых пробелов и неопределенностей, в качестве одной из мер по минимизации коррупционных рисков возможно воспринять российский опыт регулирования сходных правоотношений.

Аксиоматичной стала позиция о том, что проблемы качества правового регулирования порождают закономерно проблемы правоприменения. Последние могут оказывать влияние, в том числе, и на упорядочение, совершенствование служебных отношений при прохождении службы в ОВД. Обозначенные факторы, как условия формирования определенного образа (имиджа) данных органов, требуют постоянного научного осмысления и корректирующего воздействия.

УДК 343.57

А.Н. Дрозд

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ НАД ЖИВОТНЫМИ В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАРКОМАНИИ

В Республике Беларусь порядка 12 000 человек находятся под диспансерным наблюдением с синдромом зависимости от наркотических средств и под профилактическим наблюдением в связи с потреблением наркотических средств с вредными последствиями. При этом с учетом высокой латентности отдельные ученые предполагают, что примерное количество лиц, реально вовлеченных в наркоманию, составляет в нашей стране более 88 000 человек, которые ежегодно совершают около 5 000 преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов (далее – наркотических средств). Все это делает как никогда актуальными проблемы эффективного противодействия наркотизации, в том числе путем глубокого анализа причин возникновения и механизмов развития наркомании.

С учетом важности данной проблемы для человечества примерно с середины XX в. во всем мире начались различные исследования наркомании, в том числе путем проведения психологических и поведенческих экспериментов над животными в целях более глубокого понимания природы наркотической зависимости и определения направлений ее профилактики. Наиболее широко известные в настоящее время исследования с участием животных можно условно разделить на несколько групп.

К первой группе исследований следует отнести исследования физиологических механизмов привыкания, т. е. навязчивой потребности в определенной деятельности (аддикции). Так, М.А. Бозарт и Р.А. Вайс в ходе проведения эксперимента предоставляли крысам возможность самим вводить себе кокаин через катетер. На фоне наркотической эйфории у крыс достаточно быстро развилась зависимость, и они вкалывали себе все большие количества наркотических средств, сокращая интервалы между инъекциями. Крысы переставали отходить от рычага, пренебрегая даже едой и сном, вплоть до смерти от истощения.

Еще один эксперимент состоял в том, что белые лабораторные крысы получали опиум после преодоления препятствия, связанного с физическими страданиями (пересечение клетки по полу под электрическим напряжением). При этом крысы, преодолевая боль, снова и снова пересекали клетку, получая сильнейшие ожоги, для получения очередной дозы

наркотического средства. Аналогичное поведение демонстрировали и другие животные. Лабораторные опыты над обезьянами в 1978 г. показали, что животные предпочитают кокаин пище, что приводит к гибели животных от голода.

Другой эксперимент, проведенный несколько лет назад, заключался в том, что введение крысам кокаина и метадона сопровождалось определенной музыкой. Впоследствии крысы самостоятельно выбирали для прослушивания ту же музыку, вызывающую воспоминания о наркотическом опьянении.

Вышеизложенное приводит к предположению о том, что при развитии наркомании частично или полностью утрачивается инстинкт самосохранения, и его место занимает пагубное влечение к наркотическим средствам. Кроме того, получается, что в развитии зависимости значительную роль играет ассоциативное мышление и устоявшиеся алгоритмы поведения.

Ко второй группе можно отнести исследования, связанные с изучением состояния и поведения животных под воздействием различных наркотических средств. На основе проведенных экспериментов и анализов установлено, что психоактивные вещества, такие как героин, кокаин, амфетамин, мескалин, ЛСД, марихуана и другие, оказывают сильное влияние на животных. При этом абсолютное большинство исследований выявили негативные последствия такого потребления в виде агрессии, заторможенности, раскоординации, дезориентации, галлюцинаций и т. п. Так, у обезьян, принудительно принимавших психотропные вещества в течение 17–27 месяцев, наблюдалось уменьшение объема мозга. Пчелы под воздействием кокаина проявляли существенное снижение работоспособности на фоне преувеличения результатов выполненной работы, а также ухудшение памяти. В 1948 г. исследование влияния наркотических средств на пауков показало, что потребление таких веществ существенно сказывается на форме, размере и качестве паутины, которая теряет правильные геометрические формы и становится практически непригодной для охоты.

Достаточно масштабное исследование и последующий эксперимент проводился мирмекологами и был связан с проникновением в муравейники ломехуз. Ломехуза (в просторечье «жук-драгдиллер») – это насекомое, которое выделяет особые одурманивающие вещества, вызывающие у муравьев состояние опьянения и формирующие у них зависимость. По мере развития привыкания и расширения количества муравьев, потребляющих выделения ломехуз, муравейник в целом деградирует: рабочая активность затормаживается, а последующие поколения муравьев рождаются и вырастают неспособными к полноценному труду.

Подобное развитие ситуации приводит к гибели муравейника. Однако ученые, которые не раз проводили эксперименты, выявили возможность оказания помощи извне. Они выяснили, что если из муравейника извлечь всех ломехуз и пораженных муравьев, то он восстановится, более того – очищенный муравейник приобретет иммунитет против одурманивающих веществ ломехуз.

Как видно, наркомания безусловно вредна не только людям, но и животным. Данное явление требует серьезного отношения и полноценного контроля, так как отсутствие мер реагирования со стороны окружающих приводит к гибели отдельной особи или всей колонии.

Третье выделенное нами направление связано с выяснением отличных от чисто физиологических причин появления и развития наркомании. Среди таких исследований наиболее впечатляющим, по нашему мнению, является эксперимент «Крысиный парк» канадского психолога Брюса Александера. В ходе исследования крысам, содержащимся в более и менее комфортных условиях, предлагалось пить воду либо сладкий раствор с морфином. При этом крысы, у которых была возможность к передвижению, общению и развлечениям, предпочитали чистую воду, в то время другие крысы, находящиеся в одиночных клетках, почти сразу демонстрировали заинтересованность и пристрастие к наркотическим средствам. Не менее важным стало и продолжение эксперимента, когда крыс, которым принудительно в течение длительного времени вводили наркотические средства, поселили в названные выше условия. В результате только та часть колонии, которая находилась в привилегированных условиях, смогла снизить дозу потребления наркотических средств и справиться с зависимостью. Вторая группа крыс, находящихся в стесненных клетках в изоляции и не имеющих доступ к игрушкам и достаточно-му количеству еды, продолжила потребление наркотических средств.

Таким образом, проанализировав результаты отдельных психологических исследований, проведенных на животных, можно сделать ряд обобщенных выводов. Во-первых, влечение к наркотическим средствам может превосходить инстинкт самосохранения. Ни боль, ни возможность наступления смерти не являются сами по себе действенными аргументами к отказу от потребления наркотических средств. Во-вторых, наркотические средства крайне пагубно сказываются как на интеллектуальных способностях, так и на поведении животных, что может приводить к гибели целой популяции. В-третьих, проблема наркомании не является чисто физиологической, и на появление желания и развитие наркотической зависимости существенно влияют условия жизни животного.

Учитывая определенные допущения аналогии животного и человеческого мира, вышеизложенное в очередной раз подтверждает необхо-

димось бескомпромиссно-негативного подхода к пониманию наркомании и запрету незаконного оборота наркотических средств, а также указывает на необходимость комплексного подхода к профилактике наркомании, которая должна основываться не столько на разъяснении и устрашении, сколько ограничивать доступность наркотических средств, изменять обстановку, ассоциирующуюся с ними, а также в максимально возможной степени способствовать самоактуализации людей.

УДК 343.9

А.П. Загорская

СКУЛШУТИНГ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Проблема противодействия насильственным вооруженным нападениям на образовательные учреждения становится все более и более актуальной. Феномен зародился в США в XX в., однако широкое распространение получил после громкого инцидента 20 апреля 1999 г. в старшей школе Колумбайн, когда два ученика устроили массовый расстрел. С уверенностью можно говорить о том, что именно это событие стало в общественном сознании, массовой культуре символом скулшутинга. Данный инцидент не был самым первым и самым масштабным по количеству пострадавших лиц, однако приобрел такой широкий резонанс в виду длительной освещенности в информационной среде США и впоследствии в мировых СМИ и сети Интернет.

Сам термин «скулшутинг» образован от двух английских слов: «school» – школа и «shoot» – стрельба и используется в зарубежной и отечественной литературе для обозначения насильственных вооруженных нападений на образовательные учреждения. Под «скулшутингом» следует понимать планирование, организацию, подготовку к совершению вооруженного нападения в или на территории образовательного учреждения любого уровня, совершаемое одним или несколькими лицами вне зависимости от возраста, пола и других социально-демографических и нравственно-психологических характеристик, связи с образовательным учреждением, характеризующееся нерациональностью происходящего, отсутствием признаков террористического акта, с направленностью умысла на причинение вреда жизни и здоровью неограниченного круга лиц, совершаемое с использованием огнестрельного оружия, взрывчатых веществ, холодного оружия.

Потребность в криминологическом исследовании данного феномена, личности преступников, механизма преступления связана прежде всего с возрастающей динамикой его распространения: если ранее такие случаи имели место преимущественно в США, то в последние десятилетия акты «скулшутинга» совершались в образовательных учреждениях стран Евросоюза, Российской Федерации и учреждениях образования Республики Беларусь. Во-вторых, с «заразностью» данного феномена: во многих случаях отмечается прямое копирование, либо «вдохновенность» каким-либо нападавшим, их романтизация и героизация, которая происходит не только самими подростками, но и с подачи средств массовой информации. Взаимосвязь между Колумбайном наблюдается в следующих нападениях: школа № 263 г. Москва (2014 г.), образовательный центр № 1 г. Ивантеевка (2017 г.), Керченский политехнический колледж (2018 г.), школа № 175 г. Казани (2021 г.), Пермский государственный университет (2021 г.), школа № 88 г. Ижевска (2022 г.).

Сегодня наиболее глубокий криминологический анализ проблемы «скулшутинга» принадлежит американским ученым. Исследования проводились Министерством образования США, Федеральным бюро расследований, Национальным центром безопасности и т. д. В Российской Федерации и Республике Беларусь «скулшутинг» остается новым явлением и малоизученным в научном сообществе.

Следует отметить наиболее характерные признаки данного феномена:

- 1) совершение преступлений в организациях системы образования;
- 2) цель причинения вреда жизни и здоровью другим лицам;
- 3) умышленный характер преступления;
- 4) отсутствие избирательности жертв, соответственно, умысел преступника направлен на неопределенный круг лиц;
- 5) преступление происходит в ограниченное время, все действие представляет собой «единую акцию»;
- 6) скулшутинг не подпадает под признаки террористических актов;
- 7) скулшутинг характеризуется нерациональностью произошедшего, что подчеркивается часто встречающимся термином Rampage School Shooting (в переводе – «школьные расстрелы в приступе безумства»);
- 8) характерно использование в качестве способа совершения преступления стрелкового оружия и (или) взрывных устройств, холодного оружия.

Несмотря на многочисленные попытки исследователей по всему миру разобраться в мотивации нападавших, совершающих расстрелы в образовательных учреждениях, и составить некий профиль не представляется возможным. Отмечается, что опора на какие-либо конкрет-

ные характеристики может только запутать и создать дополнительные риски в образовательной среде. Эффективной и часто используемой в профилактике является четырехступенчатая модель оценки психологических рисков и угроз, связанных со «скулшутингом» в образовательной среде, разработанная ФБР. Система предполагает анализ четырех сфер жизни: непосредственно личность (выражение злости, разочарования, поведение в конфликтных и стрессовых ситуациях), семейная динамика (паттерны поведения, традиции и ценности семьи, наличие эпизодов домашнего насилия), школьная динамика (общая культура и ценности школы, взаимодействие с учащимися) и социальная динамика (отношения со сверстниками, которые составляют круг общения, установки и убеждения).

Проанализировав совершенные нападения, удалось выявить перечень социально-психологических факторов, способствующих совершению преступления:

1. Заинтересованность тематикой «Колумбайна»;
2. Отождествление со «скулшутерами», подражание уже осуществленным актам «скулшутинга» и их исполнителям;
3. Признаки депрессии;
4. Тревожность, гнев и раздражительность, ненависть по отношению к окружающим;
5. Проблемы во взаимоотношениях со сверстниками (непонимание, конфликты, буллинг со стороны других учащихся);
7. Семейные проблемы;
8. Суицидальные намерения;
9. Переполненность негативными эмоциями;
10. Ведение дневниковых записей и общение в социальных сетях, где есть возможность описать свои переживания и часто «предупреждение» о планируемом нападении;
11. Увлечение компьютерными играми с агрессивным сюжетом, интерес к националистической и расистской идеологии;
12. Увлечение оружием и различными взрывчатыми веществами;
13. Интерес к темам смерти, жестокости и насилия;
14. Сильное негативное переживание, испытываемое подростком и выступающее катализатором или триггером;
15. Могут наблюдаться выраженная злоба на всех, властные тенденции («Я – бог»);
16. Прямые намеки или действия;
17. Может наблюдаться опыт совершения правонарушений.

Отметим, что данный перечень характеристик не является «контрольным списком» для выявления потенциального «скулшутера». Од-

нако анализ имеющихся данных об инцидентах, их детальная оценка, позволили выделить примерный перечень факторов, на которые необходимо вовремя обратить внимание родителям, администрации образовательных учреждений, сотрудникам правоохранительных органов, занимающихся прогнозированием таких нападений и разработкой мер профилактики.

Таким образом, «скулшутинг» как социально-негативное явление обладает высокой степенью общественной опасности, что требует от государства в лице его правоохранительных органов разработки и применения эффективных мер противодействия насильственным нападениям учащихся на образовательные учреждения. Для успешной реализации государственной политики в сфере борьбы со «скулшутингом» необходимо глубокое понимание природы данного феномена, его существенных признаков и системы детерминант.

УДК 343.9

Д.С. Зинченко

ДЕТЕРМИНАНТЫ ПОДРОСТКОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Противоправные деяния, совершаемые подростками на железнодорожном транспорте, – это одна из самых главных социально-правовых проблем России. Несмотря на то что государство принимает достаточно серьезные меры по предупреждению и профилактике противоправного поведения несовершеннолетних, пока существенных успехов достичь не удастся. Данные Государственного комитета статистики за 2018–2020 гг. указывают на большое количество правонарушений со стороны подростков на объектах транспорта: ежегодно они совершают около 300 тыс. правонарушений и преступлений, из которых 93,4 % приходится на железнодорожный транспорт (на 100 тыс. детей приходится 2 100 правонарушений).

Особенности подросткового возраста связаны с физическим развитием личности, психологическими сдвигами, для которых характерны интенсивные изменения в восприятии жизненных реалий. Неблагоприятное окружение несовершеннолетнего способствует искажению ценностей, облегчает процесс вовлечения лиц подросткового возраста в антиобщественные деяния. Многочисленные реформы в различных сферах государства приводят к кризису в семейных отношениях с даль-

нейшими отрицательными последствиями: безнадзорность и беспризорность детей, сиротство. Подростки совершают до 30 % правонарушений (рис. 1).

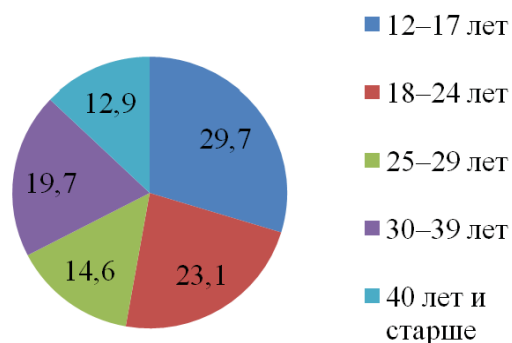

Рис. 1. Состав лиц (по возрасту), совершивших правонарушения в 2020 г., %

Конечно же, проводятся различные профилактические меры, такие как выявление подростков, поведение и взгляды которых свидетельствуют о возможности совершения правонарушения, осуществление наблюдения за их поведением, постановка на учет, индивидуальные профилактические мероприятия, различные встречи и беседы и др. Однако количество правонарушений и преступлений, совершаемых подростками на железнодорожном транспорте, остается на довольно высоком уровне. В связи со сложившейся ситуацией можно сказать, что остановить процесс десоциализации подростка и предотвратить совершение огромного количества правонарушений с их стороны, может помочь устранение детерминантов, которые способствуют совершению подростками правонарушений.

Детерминанты – это социально-психологические явления, которые непосредственно порождают, воспроизводят правонарушения как свое закономерное следствие. К детерминантам противоправных деяний среди подростков на железнодорожном транспорте относятся:

1. Отрицательное влияние членов семьи (50 % правонарушений). На психику и поведение подростка самое вредное влияние оказывает снижение уровня жизни семьи, занимающейся его воспитанием. Обострение семейных проблем ведет к совершению правонарушений их членами – детьми. В таких семьях довольно жестоко обращаются с детьми, что приводит к изгнанию их на улицы и образованию таких явлений, как безнадзорность и попрошайничество. Так, в 2020 г. было выявлено 75,6 тыс. несовершеннолетних беспризорников (табл. 1).

Таблица 1

Количество выявленных в 2020 г. несовершеннолетних беспризорников

Субъект Российской Федерации	Количество беспризорных детей, тыс.
Курганская область	9,8
Москва	8,3
Амурская область	6,2
Хабаровский край	5,7
Ярославская область	4,6
Свердловская область	3,7
Московская область	2,9

2. Низкое материальное положение семьи для обеспечения необходимых потребностей детей или недостаточное количество получаемых подростками денежных средств на «карманные расходы». Так, например, 17 апреля 2019 г. 15-летний К. и 17-летний Р. разбили стекло складского помещения на ст. Хоронхой и совершили хищение 15 л дизельного топлива с целью дальнейшей его реализации и получения денежных средств на свои нужды.

3. Подстрекательство со стороны взрослых преступников (до 27 % случаев) для дальнейшего совершения ими преступлений. Например, в Белгородской области в 2020 г. несовершеннолетними в группе со взрослыми лицами было совершено 32 правонарушения. Примером может являться и случай из г. Иркутска: С. путем уговоров склонил малолетнего Б. в вечернее время на станции Тепловая ВСЖД совершить наложение посторонних предметов на железнодорожное полотно. В результате чего произошла экстренная остановка поезда, и несовершеннолетний С. совершил хищение груза.

4. Отрицательное влияние СМИ, окружающих антисоциальных групп, социальных сетей и различных игр, в которых часто пропагандируются противоправные действия, рекламируется запрещенная продукция и т. д. В таких группах происходит массовое привлечение подростков к потреблению алкоголя, наркотических средств и иных одурманивающих веществ, что влечет за собой совершение правонарушений. Например, в Белгородской области в 2020 г. несовершеннолетними, находящимися в состоянии алкогольного опьянения, было совершено 29 правонарушений, из которых 12 преступлений. Причем в последнее время происходит смещение возрастной группы потребления алкоголя, наркотических средств и иных одурманивающих веществ: с 16–18 лет (в 2017 г.) в возрастную группу в 12–15 лет (2020 г.), что приводит к

серьезным последствиям, как для физического, так и для интеллектуального развития подростка.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что описанные выше детерминанты существенно влияют и способствуют совершению правонарушений и преступлений подростками на железнодорожном транспорте. Однако указанные явления поддаются регулированию и устранению. Поэтому сегодня актуальной задачей является осуществление научной диагностики правонарушений среди подростков, изучение факторов, влияющих на их совершение, которые позволят ученым выработать наиболее адекватные социальным условиям развития общества меры профилактики правонарушений в целом, а также меры профилактики индивидуально для каждого несовершеннолетнего правонарушителя и для каждого вида правонарушений. Кроме того, для устранения рассмотренных детерминантов целесообразно развить необходимую инфраструктуру в области трудоустройства, досуга и отдыха молодежи; организовать и предоставить подросткам, находящимся в трудной жизненной ситуации бесплатные путевки в места отдыха и лечения на примере Пензенской области, в которой Министерством труда, социальной защиты и демографии Пензенской области для подростков в 2019 г. было выделено 1 064 путевки в организации отдыха и оздоровления детей; ужесточить ответственность совершеннолетних преступников за подстрекательство подростков к совершению противоправных деяний.

УДК 343.9

С.М. Казакевич

НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ ФАКТОРОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА ФОРМИРОВАНИЕ И КРИМИНАЛИЗАЦИЮ ЛИЧНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРЕСТУПНИКА, КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ МЕР ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

Моделирование эффективной системы мер по предупреждению преступлений в сфере экономики находится в тесной корреляционной связи с уяснением криминологически значимых факторов, влияющих на формирование и криминализацию личности преступника, совершающего противоправные деяния в указанном сегменте криминала.

Ведущие ученые-криминологи, в числе которых Ю.М. Антонян, В.Е. Эминов и др., придерживаются мнения, что в широком смысле формирование личности преступника представляет собой процесс усвоения

и закрепления им антиобщественных взглядов, представлений, отношения к окружающему миру и самому себе. Именно в процессе формирования личности, который является своего рода социализацией человека, начинает складываться его неповторимый индивидуальный облик, ориентации и предпочтения, ведущие мотивы поведения. Первичным звеном социализации личности являются семья, школа, социальное окружение, которые должны обеспечивать гармоничное ее развитие, формирование устойчивых позитивных ориентаций, нравственных, правовых взглядов и установок и, как следствие, законопослушного поведения. Однако при упущениях со стороны указанных институтов при формировании личности могут быть заложены искаженные общечеловеческие ценности и идеалы, которые в последующем трансформируются в противоправное поведение.

Применительно к личности экономического преступника, полагаем, что формирование таковой – это непрерывный процесс, где в силу недостатков семейного воспитания, качества образования, отсутствия контроля за поведением и т. д. происходит искажение ценностных ориентаций личности с превалированием антиобщественных взглядов и убеждений, потребительского отношения к жизни, что в совокупности с отрицательным влиянием окружающей среды приводит к дальнейшей деформации нравственного и правового сознания личности и как следствие – к развитию черт характера, предопределяющих противоправное поведение, выражающееся в форме совершения преступлений экономической направленности.

В этой связи особого внимания, на наш взгляд, заслуживают факторы социально-экономического и социально-психологического характера, которые самым непосредственным образом влияют на формирование личности экономического преступника и последующую ее криминализацию. К числу таких факторов, в первую очередь, следует отнести деформацию правосознания, изменения в системе потребностей, противоречия между существующей системой моральных ценностей и экономической действительностью и т. д.

Так, например, нестабильность экономических отношений, наличие теневой экономики, пробелов в нормах права, регулирующих те или иные сферы экономической деятельности, безнаказанность за совершенные противоправные деяния экономического характера, высокий уровень латентности данного сегмента криминала и т. д., что в совокупности с искаженными представлениями о нормах морали и права, общественных ценностях, со стремлением к быстрому удовлетворению своих завышенных материальных потребностей приводит к проявлению

ям девиантного поведения в сфере экономики при наступлении соответствующих условий и как следствие – к усугублению криминализации личности экономического преступника.

Помимо деформации правосознания на формирование личности экономического преступника и ее криминализацию влияют происшедшие существенные изменения в системе потребностей, обусловленные не только экономическими и социальными преобразованиями, но и проблемами в нравственно-духовном воспитании граждан в этот переходный период. Как известно, потребности человека составляют основу его мотивационной сферы и формируются под воздействием социальных и экономических факторов. Изменение уклада и образа жизни привело к переменам системы потребностей не только отдельных граждан, но и населения страны в целом. Например, появившаяся в начале 1990-х гг. беспрепятственная возможность выехать наиболее обеспеченным гражданам за пределы страны и увидеть иные возможности существования, определили гипертрофированные потребности богатых людей в новых для них стандартах жизни. Рост привлекательности для других слоев населения завышенных потребностей и стандартов, которыми характеризуются обеспеченные люди, сформировался посредством рекламы, средств массовой информации.

Очевидно, что на постсоветском пространстве неподготовленность граждан к участию в реформировании экономики, в совокупности с просчетами в идеологической составляющей воспитания привели к формированию у них таких негативных черт, как карьеризм, тщеславие, пренебрежение интересами окружающих, эгоизм, социальная пассивность, беспринципность, вседозволенность в выборе средств получения материальных благ, отсутствие чувства ответственности, нежелание решать сложные жизненные проблемы и т. д. Произошли изменения и в ценностных ориентациях. На первое место вышли системы ценностей, связанные с потребительским отношением к жизни, иждивенчеством, отсутствием желания работать, содержать себя материально, навязчивым ожиданием неких благ от государства.

Таким образом, формирование и дальнейшая криминализация личности экономического преступника занимает довольно длительный период и представляет собой сложный процесс – от закладывания искаженных ценностных ориентаций институтами социального воспитания до возможности их проявления в «благоприятных» для преступных действий условиях. Не умаляя значения семейно-бытовой среды в становлении личности, полагаем, что первостепенную роль в процессе формирования и криминализации личности экономического преступника занимают факторы социально-экономического и социально-психологического

характера (деформация правосознания, изменения в системе потребностей, противоречия между существующей системой моральных ценностей и экономической действительностью и т. д.), которые так или иначе проявляются в период жизнедеятельности человека на определенных этапах его социализации. Представляется, что своевременная их нейтрализация является неотъемлемой частью реализации системы мер по предупреждению не только противоправных деяний в сфере экономики, но и преступности в целом.

УДК 343.34

В.А. Кашевский, А.В. Сальникова

ПОНЯТИЕ И СОЦИАЛЬНАЯ ОПАСНОСТЬ КОРРУПЦИИ

Коррупция (лат. *corruptio*) означает подкуп; подкупность и продажность общественных и политических деятелей, государственных чиновников и должностных лиц.

Коррумпировать (лат. *corruptare*) – подкупать кого-либо деньгами или иными материальными благами. Данное определение в римском праве трактовалось самым общим образом, как повреждать, ломать, разрушать, подкупать и означало противоправные действия в судебной практике.

В научной, учебной и общественно-публицистической литературе существуют различные определения коррупции.

Толковый словарь русского языка характеризует коррупцию как подкуп взятками, продажность должностных лиц, политических деятелей.

В учебной литературе по уголовному праву указывается, что в широком смысле слова коррупция – это социальное явление, поразившее публичный аппарат управления, выражающееся в разложении власти, умышленном использовании государственными и муниципальными служащими, иными лицами, уполномоченными на выполнение государственных функций, своего служебного положения, статуса и авторитета занимаемой должности в корыстных целях для личного обогащения или в групповых интересах.

В справочном документе ООН о международной борьбе с коррупцией последняя определяется как злоупотребление государственной властью для получения выгоды в личных целях.

Это понятие включает в себя взяточничество (дачу вознаграждения для совращения лица с позиции долга), непотизм (замещение по протек-

ции доходных или выгодных должностей родственниками или «своими людьми») и незаконное присвоение публичных средств для частного использования.

Рабочее определение междисциплинарной группы по коррупции Совета Европы гораздо шире. Коррупция представляет собой взяточничество и любое другое поведение лиц, которым поручено выполнение определенных обязанностей в государственном или частном секторе и которое ведет к нарушению обязанностей, возложенных на них по статусу государственного должностного лица, частного сотрудника, независимого агента, или иного рода отношений и имеет целью получение любых незаконных выгод для себя и др.

В ратифицированных Республикой Беларусь международных конвенциях, таких как: Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г. и Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г., не содержится определения коррупции, а лишь описываются действия, которые следует относить к уголовно наказуемым коррупционным деяниям.

Ратифицированная Республикой Беларусь Конвенция ООН 2003 г. против коррупции придерживается такого же подхода.

Модельный закон о борьбе с коррупцией, принятый на тринадцатом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств (постановление от 3 апреля 1999 г. № 13-4), определяет коррупцию (коррупционные правонарушения) как не предусмотренное законом принятие лично или через посредников имущественных благ и преимуществ государственными должностными лицами, а также лицами, приравненными к ним, с использованием своих должностных полномочий и связанных с ними возможностей, а равно подкуп данных лиц путем противоправного представления им физическими и юридическими лицами указанных благ и преимуществ.

В интересах борьбы с коррупцией необходимо четкое правовое определение этого явления.

Такое определение было дано на нормативном уровне в Законе Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией»: коррупция – умышленное использование государственным должностным или приравненным к нему лицом либо иностранным должностным лицом своего служебного положения и связанных с ним возможностей в целях противоправного получения имущества или другой выгоды в виде работы, услуги, покровительства, обещания преимущества для

себя или для третьих лиц, а равно подкуп государственного должностного или приравненного к нему лица либо иностранного должностного лица путем предоставления им имущества или другой выгоды в виде работы, услуги, покровительства, обещания преимущества для них или для третьих лиц с тем, чтобы это государственное должностное или приравненное к нему лицо либо иностранное должностное лицо совершили действия или воздержались от их совершения при исполнении своих служебных (трудовых) обязанностей, а также совершение указанных действий от имени или в интересах юридического лица, в том числе иностранного.

Указанное определение является достаточно сложным и громоздким. Более конкретное, на наш взгляд, определение содержится в Соглашении о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в противодействии коррупции от 14 октября 2022 г. В нем под коррупцией предлагается понимать умышленное незаконное получение должностным лицом или лицом, приравненным к нему законодательством сторон, либо иностранным должностным лицом, либо лицом, осуществляющим распорядительные и иные управленческие функции, в том числе в коммерческой или иной организации, лично или через посредников имущества для себя, третьего лица либо организации за действие или бездействие при исполнении должностных обязанностей, а равно подкуп данных лиц путем предоставления имущества.

Количественные выражения потерь от коррупции наиболее наглядно отражают тот вред, который она приносит. Обратимся к ряду обобщенных примеров, когда такой вред удалось установить.

Подсчитано (учеными Гарвардского университета, 2000 г.), что снижение коррумпированности страны по Индексу восприятия коррупции, рассчитываемого Transparency International, со среднего уровня (уровня Мексики) до низкого уровня (Сингапура, первая десятка того же рейтинга) производит эффект, эквивалентный возрастанию налоговых поступлений на 20 %.

В Италии после проведения операции «Чистые руки», направленной против коррупции, государственные затраты на строительство дорог сократились на 20 %.

Следует обратить внимание на наиболее распространенный во всем мире источник верхушечной коррупции – государственные заказы и закупки. Согласно оценкам, потери от коррупции в этой сфере часто превышают 30 % всех бюджетных затрат по данным статьям.

К приведенным примерам можно добавить оценки правоохранительных органов Российской Федерации, согласно которым криминальные

структуры в отдельных отраслях промышленности – нефть, газ, редкие металлы – тратят до 50 % получаемой прибыли (реальной, а не декларируемой) на подкуп различных должностных лиц. Если использовать приведенное выше соотношение между размером взяток и потерями от коррупции, то легко установить порядок соответствующих сумм, которые будут исчисляться миллиардами долларов.

Опасность коррупции состоит также и в том, что она выступает катализатором организованной преступности. Злоупотребляя своими должностными полномочиями, работник органов власти или управления начинает состоять как бы на двух службах: официальной и в преступной организации. Симбиоз коррупции и организованной преступности представляет самую серьезную опасность для государства и общества, особенно в условиях формируемой демократии.

УДК 343.915

Ю.С. Клюева

О КОМПЛЕКСЕ ОБЩЕСОЦИАЛЬНЫХ МЕР, НАПРАВЛЕННЫХ НА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПОДРОСТКОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Предупреждение преступности несовершеннолетних, равно как и профилактика индивидуального преступного поведения, включает в себя способы и методы, которые могут быть условно разделены на две группы: меры общесоциального предупреждения и меры специального (криминологического) предупреждения. К мерам общесоциального предупреждения следует относить, в частности, материально-экономические меры или меры, направленные на повышение общего материального состояния населения, включая семьи, воспитывающие несовершеннолетних детей.

Следует отталкиваться от конституционного положения, закрепленного в ст. 42 Конституции Республики Беларусь, где говорится о том, что «Лицам, работающим по найму, гарантируется справедливая доля вознаграждения в экономических результатах труда в соответствии с его количеством, качеством и общественным значением, но не ниже уровня, обеспечивающего им и их семьям свободное и достойное существование». Ключевым моментом, на котором следует акцентировать внимание, является указание на то, что вознаграждение, получаемое трудящимися, должно быть способным обеспечить достойное существование не

только им самим, но и их семьям. Вместе с тем для обеспечения хотя бы среднего существования родителям приходится искать возможность трудоустройства на 1,5 и более трудовые ставки. Достаточно упомянуть о том, что сегодня бюджет прожиточного минимума в среднем на душу населения в Республике Беларусь составляет 339 белорусских рублей 83 копейки, притом что минимальная заработная плата, определенная Правительством, равна лишь 554 р.

Несложно посчитать, что в случае, если в семье, в которой имеется хотя бы один несовершеннолетний ребенок, родители, работая на одну ставку, получают вознаграждение в размере минимальной заработной платы, среднедушевой месячный доход такой семьи составит лишь 369 белорусских рублей 33 копейки, что уже практически находится на границе прожиточного минимума; при наличии двух детей такой доход и вовсе составит 277 р., а значит семья окажется за чертой бедности. Отсюда следует однозначный вывод: современные подходы к определению бюджета прожиточного минимума и минимальной заработной платы никак не способны реализовать на практике конституционное требование о том, что вознаграждение, получаемое за труд, должно обеспечивать достойное существование как самому работающему, так и членам его семьи.

Бюджет прожиточного минимума имеет и другое проявление в области рассмотрения вопроса о материальном обеспечении детей. Так, речь идет об исполнении обязанности по уплате алиментов бывшим супругом в случаях, когда брак расторгнут и второй родитель воспитывает ребенка самостоятельно. Сегодня, в соответствии с положениями ст. 92 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье, для трудоспособных родителей минимальный размер алиментов в месяц должен составлять не менее 50 процентов на одного ребенка, 75 процентов – на двух детей, 100 процентов – на трех и более детей бюджета прожиточного минимума в среднем на душу населения. Именно на этот размер ориентируются многие бывшие супруги, на которых возложена обязанность уплаты алиментов на содержание детей. При этом нетрудно отметить, что даже в случае необходимости обеспечения материальных интересов одного ребенка сумма в 170 р. в месяц далека от половины всех имущественных затрат, которые несет второй родитель в связи с воспитанием ребенка. Если же таких детей двое и более, то на содержание каждого ребенка бывший супруг уплачивает и вовсе сумму, не превышающую 128 р. в месяц. Подобный подход к алиментированию, как видится, также должен быть пересмотрен, поскольку его существование и практическое применение означает, что государство соглашается с тем, что ребенку

достаточно находиться на уровне черты бедности, чтобы считать обязанность родителя по его содержанию исполненной, что никоим образом не обеспечивает интересов несовершеннолетних, которые не должны страдать от несложившихся отношений между родителями.

Нередки ситуации, когда бывшие супруги, на которых возлагается обязанность по уплате алиментов, уклоняются от ее исполнения, а сами при этом скрываются, в том числе на территории других государств. Нормативными актами Республики Беларусь определена процедура объявления таких лиц в розыск с тем, чтобы принудить их к исполнению возложенной обязанности. Вместе с тем все то время, пока идет розыск должника, несовершеннолетние дети остаются без надлежащего материального обеспечения. Как видится, выход из этой ситуации может быть найден в принятии государством на себя обязанности выплаты средств на содержание таких детей с последующим взысканием указанных средств с обязанных родителей по мере их розыска. В этом случае станет очевидным, что именно интересы ребенка являются превалирующими, а обеспеченность ребенка благоприятно отразится на уровне подростковой преступности.

Весьма значимым направлением общесоциального предупреждения преступности несовершеннолетних является организация их правового воспитания. Правовое обучение и правовое воспитание органически связаны между собой. Воспитывающее обучение предполагает непрерывную взаимосвязь процессов целенаправленного формирования сознания личности законопослушного гражданина, включая правовоззрение, нравственные идеалы, правовые установки и ценностные ориентации, а также специальные, профессионально необходимые характеристики. Крайне важно сформировать соответствующую мотивацию – положительное отношение к познаваемому содержанию и потребность к постоянному расширению и углублению правовых знаний.

В настоящее время в школах преподаются различные спецкурсы, направленные на общее развитие кругозора ребенка. Так, например, к ним можно отнести обучающие курсы мировой художественной культуры, допризывной медицинской подготовки, черчения и пр. В то же время не преподается отдельного спецкурса, который мог бы именоваться «Основы правового воспитания» или «Основы права». Часть обучающего материала, безусловно, подлежит рассмотрению в рамках спецкурса по дисциплине «Обществоведение». Вместе с тем нельзя не отметить, что, во-первых, такая дисциплина изучается только в старшей школе (начиная с 9 класса общеобразовательной школы), а во-вторых, учебный план по данному предмету включает в себя значительное количество мате-

риала по социологии, общей психологии, основам экономической теории и пр., в то время как основы права в рамках курса обществоведения рассматриваются весьма поверхностно и в незначительном объеме. Это приводит к тому, что правосознание школьников не получает должного развития, а потому в той или иной ситуации выбора варианта поведения недостаток знаний может стать решающим фактором выбора.

Как известно, действующее уголовное законодательство устанавливает общий возраст привлечения к уголовной ответственности в 16 лет. За отдельные преступления, предусмотренные в ст. 27 УК, возраст привлечения к уголовной ответственности снижен до 14 лет. Это означает, что уже к четырнадцатилетнему возрасту ребенок должен располагать необходимой информацией о том, какие деяния могут стать для него уголовно или административно наказуемыми уже в ближайшее время, какие меры ответственности может повлечь их совершение. Это, в свою очередь, говорит о том, что дисциплина «Основы права» (или «Основы правового воспитания») должна преподаваться в средней школе не позднее достижения ребенком тринадцатилетнего возраста, т. е. примерно с седьмого класса.

УДК 343.9

Р.Н. Ключко, Е.Г. Гуцко

ВИКТИМНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ИНТЕРНЕТ-ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ

В настоящее время цифровые технологии прочно закрепились в повседневной жизни современного человека. При этом процесс совершенствования возможностей информационно-коммуникационных технологий не останавливается, а только набирает прогрессивные темпы. Если ранее постепенная информатизация и цифровизация жизнедеятельности общества и государства связывалась с достижениями научно-технического прогресса, то сейчас все больше исследователей заявляют о настоящем научно-техническом взрыве. Несомненно, переход социума на новый этап развития цивилизации, информационное общество обусловлен стремлением улучшить качество жизни современного поколения, оптимизировать и упростить каждодневные процессы. Однако изменения в обществе неизбежно порождают трансформацию и адаптацию преступности к текущим реалиям.

Необходимой базой информационного общества являются информационно-коммуникационные технологии, к которым относится и гло-

бальная компьютерная сеть Интернет. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, удельный вес населения Беларуси (от 6 до 72 лет), использующего сеть Интернет, ежегодно растет и в 2021 г. составил 86,9 % от общей численности населения соответствующей группы. Для сравнения: в 2015 г. данный показатель составил 67,3 %. Государственная политика Республики Беларусь направлена на увеличение доступности сети Интернет и дальнейшее внедрение информационно-коммуникационных технологий в отрасли национальной экономики и сферы жизнедеятельности граждан. Так, Концепцией Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года, утвержденной протоколом заседания Президиума Совета Министров Республики Беларусь от 4 февраля 2020 г. № 3, предусмотрено, что реализация стратегических целей цифровизации экономики приведет к повышению доли интернет-пользователей до 95 % от общей численности населения в 2035 г., а экспорта услуг сектора ИКТ в общем объеме экспорта услуг до 25 %.

Особую группу пользователей сети Интернет составляют несовершеннолетние лица. На нее проецируются и общие признаки интернет-пользователей (дифференцированный уровень информационной грамотности, постоянное увеличение потребителей сетевых услуг), которые в совокупности с физическими и психическими характеристиками, интеллектуальным уровнем и индивидуальными особенностями детей существенно повышают уровень их виктимности.

Под виктимностью понимается совокупность свойств и качеств личности, которая в условиях конкретной ситуации повышает риск определенного лица стать жертвой преступления. Таким образом, потенциальная возможность лица претерпеть последствия противоправных посягательств зависит от субъективных и объективных признаков.

Субъективная составляющая виктимности личности представляет собой систему биофизических, физиологических и психологических характеристик, которые находятся в неразрывной связи друг с другом. Так, повышенная чувствительность, возбудимость, впечатлительность, эмоциональность, низкий уровень самоконтроля обусловлены особенностями функционирования нервной системы детей. Гормональные, физиологические и психические изменения, вызванные половым созреванием подростков, оказывают влияние на психологическую составляющую личности несовершеннолетнего, для которого свойственны стремление к самоутверждению, независимости, автономности, конфликтность, тревожность, эмоциональная незрелость.

Второй составляющей виктимности является объективная предрасположенность. Субъективные особенности способны повысить шанс

стать жертвой преступления лишь в условиях определенной жизненной ситуации. Так, на виктимность несовершеннолетних помимо общих субъективных характеристик указанной группы и индивидуально-психологических особенностей отдельных ее представителей влияют также дефекты семейного и педагогического воспитания, традиции, культура, ценностные ориентиры социальной группы.

Несовершеннолетние в силу своей любознательности быстрее привикают и адаптируются к трансформациям информационного общества. Виртуальное пространство становится для них не просто дополнительной реальностью, а основным местом коммуникации, социализации, самоутверждения и самореализации. В 2020 г. сетью Интернет пользовались 92,7 % детей в возрасте 6–17 лет, из них 83,4 % – ежедневно. Постоянное нахождение во «всемирной паутине» влияет на физические, психологические и когнитивные способности несовершеннолетних (развитие «клипового мышления», снижение концентрации внимания, быстрая переключаемость с одной задачи на другую). Сам характер взаимоотношений в сети Интернет обладает рядом особенностей, которые создают риск стать жертвой преступных посягательств: трансграничность, разделение субъектов в пространстве и времени, физическая непредставленность коммуникантов, отсутствие визуального контакта, обезличенность, анонимность, открытость и доступность.

Дети с раннего школьного возраста входят в виртуальное пространство, однако в силу своих возрастных особенностей, отсутствия жизненного опыта, критического мышления, неумения справляться с проблемными ситуациями, доверчивости не обладают реальными навыками противодействия самому разнообразному противоправному поведению со стороны взрослых и сверстников (распространение вирусов, мошенничество в сети, деструктивный контент, незаконные действия с персональными данными, кибернасилие). Так, нередко, являясь посредниками между цифровым пространством и взрослым поколением, дети осваивают интернет путем проб и ошибок и сами нуждаются в получении системных знаний и навыков сетевого общения. Парадоксально то, что наряду со слабо развитыми навыками медиаграмотности части несовершеннолетних пользователей существует группа, которая обладает профессиональными знаниями в данной сфере, чему способствует большое количество образовательных программ для детей по изучению IT-технологий. Однако совершенное знание технической составляющей информационного пространства наряду с деформацией духовной сферы, искажением нравственных ценностей, ориентировкой современной культуры на материальное потребление, процветанием культуры хакер-

ства и модой на деструктивное и агрессивное поведение в социальных сетях привели к тому, что все большее число общественно опасных деяний в киберпространстве совершаются лицами, не достигшими возраста административной и уголовной ответственности. Более того, кибер-агрессия, создавая предпосылки формирования определенных паттернов поведения, выходит и за рамки виртуального пространства.

В заключение отметим, что повышенная востребованность сетевой коммуникации, субъективные факторы и криминогенные свойства самой глобальной компьютерной сети повышают виктимность несовершеннолетних интернет-пользователей. В связи с особенностями данной группы возникает необходимость разработки эффективных мер виктимологической профилактики преступных посягательств, совершаемых с помощью сети Интернет, что постулируется государством. Концепцией Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года в качестве отдельного направления демографического развития определяется активизация работы, направленной на «обеспечение информационной безопасности детства на основе реализации программ обучения детей и подростков правилам безопасного поведения в интернет-пространстве, профилактики интернет-зависимости, предупреждения рисков вовлечения в противоправную деятельность».

УДК 343.96

А.В. Ковальчук

**О КРИМИНОЛОГО-СОЦИАЛЬНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ
ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ
И ЛЕЧЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, СТРАДАЮЩИХ ПЕДОФИЛИЕЙ,
ОСУЖДЕННЫХ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

В настоящее время назрела криминологическая и социальная обусловленность корректировки законодательства об уголовной ответственности в части закрепления возможности применения принудительных мер безопасности и лечения (ПМБЛ) в отношении лиц, страдающих педофилией, осужденных за совершение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Именно общественная опасность лиц, осужденных за совершение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних и страдающих педофилией, актуализирует потребность принятия к такому наряду с существую-

щими уголовно-правовыми мерами дополнительных принудительных мер безопасности.

Полагаем оправданным применение института ПМБЛ в рамках действующих инструментов уголовно-правового воздействия в отношении указанной категории лиц, поскольку согласно Международной классификации болезней десятого пересмотра МКБ-10, педофилия является психическим расстройством (заболеванием). Клинический протокол оказания медицинской помощи пациентам с психическими и поведенческими расстройствами, утвержденный приказом Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 31 декабря 2010 г. № 1387, закрепляет понятие педофилии, под которой предлагает понимать постоянное или преобладающее предпочтение половой активности с детьми препубертатного или раннего пубертатного возраста. При этом субъекту не менее 16 лет и он минимум на 5 лет старше ребенка. Таким образом, педофил – это лицо, страдающее психическим заболеванием и совершившее общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом, которое нуждается в применении соответствующих медицинских мер. Безусловно, целью применения ПМБЛ должно являться лечение лица, страдающего педофилией, а также предупреждение совершения им новых общественно опасных деяний.

ПМБЛ – межотраслевой институт, так как закреплен не только в Уголовном, но и в Уголовно-процессуальном, а также Уголовно-исполнительном кодексах Республики Беларусь. Следовательно, при внесении изменений и дополнений в указанный институт необходимо учитывать нормы названного законодательства. ПМБЛ не являются наказанием и иными мерами уголовной ответственности, а представляют собой принудительные лечебно-реабилитационные меры уголовно-правового воздействия, применяемые по определению (постановлению) суда к лицам, страдающим психическими расстройствами (заболеваниями) или хроническим алкоголизмом, наркоманией, токсикоманией, совершившим общественно опасные деяния или преступления, предусмотренные Уголовным кодексом Республики Беларусь (УК).

Следует обратить внимание на то, что уголовное законодательство зарубежных государств закрепляет возможность применения мер медицинского характера к лицам, страдающим расстройством сексуального предпочтения (педофилией). Например, п. «д» ч. 1 ст. 97 Уголовного кодекса Российской Федерации в качестве оснований применения принудительных мер медицинского характера называет лиц, совершивших в возрасте старше восемнадцати лет преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцати-

летнего возраста, и страдающим расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости. Подобный российский опыт регламентации принудительных мер в указанной части, полагаем, мог бы быть заимствован белорусским законодателем.

Однако введение механизма применения ПМБЛ в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния против половой неприкосновенности несовершеннолетних и страдающих педофилией, аналогично механизму, применяемому в отношении лиц с уменьшенной вменяемостью, как это закреплено в российском уголовном законе, считаем, не совсем оправдано по следующим причинам.

Во-первых, на основании ч. 1 ст. 29 УК уменьшенно вменяемым является лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния не могло в полной мере сознавать значение своих действий или руководить ими вследствие психического расстройства (заболевания). Состояние уменьшенной вменяемости может учитываться при назначении наказания или иных мер уголовной ответственности, а также служить основанием для применения к лицу ПМБЛ (ч. 2 ст. 29 УК). Поскольку при уменьшенной вменяемости лицо не в полной мере может сознавать значение своих действий или руководить ими, то такое состояние, с учетом принципа дифференциации уголовной ответственности, на основании ч. 2 ст. 63 УК может быть признано судом обстоятельством, смягчающим ответственность. Соответственно, правовая позиция отнесения всех без исключения педофилов к категории уменьшенно вменяемых может быть нацелена на экономию карательного потенциала уголовного закона, что нельзя признать приемлемым.

Во-вторых, как представляется, расстройство сексуального предпочтения в виде педофилии у лица, совершившего общественно опасное деяние (преступление), не во всех ситуациях может быть учтено судом в качестве основания для признания лица уменьшенно вменяемым. Не следует исключать, что педофил может быть признан судом как уменьшенно вменяемым, так и невменяемым (например, если наряду с педофилией страдает тяжелым психическим расстройством), а равно и вменяемым. В этой связи при введении в ст. 106 УК, регламентирующей применение ПМБЛ в отношении лиц с уменьшенной вменяемостью механизма дополнительных принудительных мер безопасности к анализируемой нами категории лиц, возникнет правовой пробел, не позволяющий применять ПМБЛ к педофилам, признанным судом вменяемыми либо невменяемыми.

Как представляется, лиц, совершивших общественно опасные деяния (преступления) против половой неприкосновенности несовершеннолетних и страдающих педофилией, целесообразно рассматривать

в качестве субъектов, в отношении которых могут быть применены ПМБЛ, в рамках ст. 107 УК, регламентирующей применение ПМБЛ к лицам, страдающим хроническим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией. Наша позиция основана на том, что хронические алкоголики, наркоманы или токсикоманы, наряду с педофилами, являются лицами, страдающими соответствующим психическим расстройством (заболеванием). Хотя наличие указанного психического расстройства (заболевания) у названных лиц, в большинстве своем, позволяет последним осуществлять социальные функции, однако не следует исключать существование возможности их опасного состояния для общества, поэтому к таковым в судебном заседании следует ставить вопрос применения ПМБЛ.

Указанный законодательный подход позволит суду в каждом конкретном случае рассматривать возможность применения ПМБЛ в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния (преступления) против половой неприкосновенности несовершеннолетних и страдающих педофилией. Одновременно следует внести корреспондирующие изменения в ч. 3 ст. 100 УК в части регламентации целей применения ПМБЛ, ст. 16 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь, а также ст. 402 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь.

УДК 343.9

Н.И. Козелецкая

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ СЕМЕЙНОГО ПРЕСТУПНИКА

В настоящее время проблема домашнего насилия приобрела особую остроту, став одной из социально значимых проблем современности. Оценить реальные масштабы этого явления почти невозможно, учитывая исключительно высокую степень латентности совершенных деяний. Наиболее уязвимой категорией потерпевших признаются дети. Указанные обстоятельства актуализируют потребность изучения личности преступника. Понять преступное поведение человека, который совершает насильственное преступление в семье против ребенка, невозможно без изучения его социально-демографических, уголовно-правовых, нравственных и психологических характеристик.

Если оценивать гендерный состав насильственной преступности в семье против несовершеннолетних, то, по всей видимости, справедливо

говорить о преобладании в этой сфере мужчин. По данным криминологических исследований, на их долю приходится более 80 % всех домашних посягательств, включая преступления против жизни и здоровья, против половой свободы и половой неприкосновенности, против свободы, чести и достоинства и др.

В последнее время наблюдается значительный рост доли мужчин – преступников, совершивших в семье половые преступления. Данный факт объясняется общей тенденцией увеличения количества сексуальных злоупотреблений в отношении несовершеннолетних, субъектом которых, как правило, выступает мужчина. Для женщин такой вид преступного поведения не характерен, но если они и принимают участие в совершении преступлений сексуального характера, то, как правило, совместно с мужчинами-сожителями или другими членами семьи.

В целом стоит отметить, что женское криминальное насилие отличается от подобного рода насилия противоположного пола. Это обусловлено различием социальных ролей мужчин и женщин, их психофизиологическими особенностями. Как отмечают психологи, женщины в большей степени подвержены стрессу и нервным перегрузкам, наиболее остро чувствуют конфликтность, болезненно реагируют на семейные скандалы, но при этом длительное время не проявляют агрессии, предпринимая попытку в сложных жизненных ситуациях выбрать оптимальный вариант поведения, который помог бы избежать излишнего проявления импульсивности характера. Это приводит часто к накоплению отрицательных эмоций и возникновению невротических расстройств, результатом которых становится совершение насильственного преступления против членов семьи. Тем не менее лица женского пола реже, чем мужчины, совершают тяжкие и особо тяжкие преступления, за исключением преступления, предусмотренного ст. 140 Уголовного кодекса (УК) Республики Беларусь, но это обусловлено в первую очередь спецификой субъекта преступления. Немногим «более активны» женщины и в совершении преступлений, предусмотренных ст. 153, 159, 186 УК Республики Беларусь.

Говоря о возрасте субъектов семейных преступлений, Ю.В. Зырянова в своем исследовании приводит данные, свидетельствующие о том, что рассматриваемые преступления совершают преимущественно лица в возрасте от 25–49 лет, на долю которых в структуре семейно-бытовой насильственной преступности приходится 79,1 %. Преобладание данной возрастной группы среди совершивших насильственные преступления автор объясняет периодом становления семейных отношений, которые порой могут характеризоваться конфликтами и обострением межличностных отношений.

В части возрастных признаков субъекта детской порнографии и педофилии, как утверждают эксперты, универсального «портрета» не существует ввиду достаточной высокой степени латентности подобного рода деяний, поэтому и за средний показатель берется возраст наибольшей физической активности, который ограничен рамками от 30 лет и старше.

Значимую роль в формировании личности преступника играет образовательный уровень. Как отмечал Н.Н. Кондрашков, уровень образования индивида служит благоприятным или неблагоприятным условием нравственного формирования личности. При анализе образовательного уровня преступников выясняется, что насильственные преступления в семье над несовершеннолетними ее членами совершают лица с различным уровнем образования. Однако больше всего среди них лиц, имеющих среднее или среднее специальное образование.

Немаловажной характеристикой личности, свидетельствующей об уровне ее социальных притязаний, является занятость общественно полезным трудом. Закономерным фактом, выявленным при исследовании эмпирических данных, стало то, что подавляющее большинство лиц, фигурировавших в приговорах по уголовным делам о домашнем насилии, обладали невысоким социальным статусом, не работали или не учились.

Особенностью половых преступлений в отношении несовершеннолетних является совершение их лицами, имеющими прямое отношение к воспитанию детей. Так, Д.Л. Гулякевич приводит данные, согласно которым фактически 50 % преступных посягательств, совершенных в виде развратных действий, в том числе путем демонстрации несовершеннолетним порнографической продукции, были совершены лицами, на которые возложены обязанности по воспитанию ребенка. Около 40 % субъектов совершения насильственных действий сексуального характера против малолетних детей – это их собственные или приемные отцы.

На степень криминогенности личности определенное влияние оказывает семейное положение. Воздействие родительской семьи велико как в плане формирования личности, так и в плане стабилизации правомерного поведения. Среди лиц, совершивших семейные насильственные преступления, большинство состояло в официальном браке, проживали с сожительницами или имели постоянного полового партнера.

Среди тех, кто стал на путь криминального насилия в семье, отмечается высокий уровень злоупотребления алкоголем. Так, более 80 % преступных посягательств совершались лицами, находящимися в состоянии алкогольного опьянения. Такие лица часто ведут аморальный образ жизни, вступают в беспорядочные половые связи, а в воспитании ребенка используют авторитарный стиль. Так, П.В. Шмарион выделил

пять мотивов насильственных преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних в семье. Среди них он выделил мотивы, характеризующие стремление виновного главенствовать, властвовать в семье, желание заставить ребенка подчиниться себе, дисциплинировать его, а также вымещение на несовершеннолетнем злобы, возникшей в результате конфликтов с одним из членов семьи. По сути, ребенок в таких семьях становится обузой для родителей или лиц, их заменяющих, а порой и объектом для сексуальных притязаний.

В ходе изучения формирования агрессивного сексуального поведения у лиц, осужденных за половые преступления, было установлено, что воспитание в их семье имело серьезные дефекты в виде частых физических наказаний, унижений и издевательств. Неслучайно среди лиц, совершивших сексуальные преступления в отношении несовершеннолетних, немало тех, кто сам в прошлом был жертвой домашнего сексуального насилия. Для субъектов преступных посягательств последствия семейного насилия носят наиболее разрушительный характер для их физического и психического здоровья. Такие преступления, совершенные членами семьи, обладают более высокой степенью общественной опасности, по сравнению с аналогичными действиями, совершаемыми незнакомыми людьми. Они являются наиболее болезненными для ребенка, поскольку сексуальное злоупотребление в данном случае исходит от взрослого, к которому ребенок испытывает любовь и доверие.

Специалисты отмечают, что лица, совершающие насильственные преступления в семье, характеризуются нравственно-психологической деградацией личности, выражающейся в крайнем цинизме и пренебрежении к базовым человеческим ценностям. Среди личностных характеристик наиболее ярко выражены агрессивность, импульсивность, безжалостность, примитивизм в межличностном общении, желание реализовать возникшие потребности любым способом. Вместе с тем среди рассматриваемой категории лиц встречаются и те, кто обладает коммуникативными навыками, умением установить психологический контакт с ребенком, расположить его к себе. В первую очередь такими качествами обладают педофилы и лица, занимающиеся изготовлением детской порнографии.

Еще одна особенность семейных преступлений – это высокий удельный вес психических аномалий у лиц, их совершающих. Криминологические исследования свидетельствуют о наличии устойчивых зависимостей между отдельными видами психических расстройств и некоторыми преступными деяниями рассматриваемого вида.

Криминологическая характеристика личности семейного насильника, предложенная на основе полученных данных, помогает уяснить сущность насильственной семейной преступности, установить ее причины и условия и выработать меры, оказывающие воспитательное воздействие на поведение лиц, совершающих в семье преступления насильственного характера, с целью изменения их криминальной направленности.

УДК 343.8

М.А. Кравцова

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА, СОВЕРШИВШЕГО ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Преступления, совершенные в экологической сфере, наряду с некоторыми другими видами преступлений, представляют наибольшую опасность для человека, могут нанести существенный экологический вред окружающей среде, что часто влечет необратимые последствия для экосистем. С каждым годом вред, который наносится окружающей природной среде преступными действиями человека, оказывает существенное влияние на ее состояние в целом. Анализ статистических данных показывает, что количество таких преступлений неизменно растет.

По механизму негативного воздействия на природу преступления, а следовательно, всех преступников против экологической безопасности и природной среды, совершающих деяния, предусмотренные в гл. 26 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК), можно разграничить по следующим группам: 1) лица, допустившие нарушение требований экологической безопасности (нарушение режима охраны и использования особо охраняемых природных территорий; прием в эксплуатацию экологически опасных объектов; непринятие мер по ликвидации последствий нарушений экологического законодательства; нарушение правил охраны недр; нарушение правил водопользования и др.); 2) лица, осуществившие уничтожение или повреждение природных объектов (умышленное уничтожение либо повреждение природных комплексов или объектов особо охраняемых природных территорий; уничтожение либо повреждение леса, древесно-кустарниковой растительности по неосторожности; незаконная рубка, незаконные уничтожение, удаление, изъятие или повреждение древесно-кустарниковой растительности; незаконная добыча рыбы или других водных животных; незаконная охота и др.); 3) лица, противоправно загрязняющие

природную среду (порча земель; загрязнение либо засорение вод; загрязнение атмосферного воздуха; загрязнение леса, среды произрастания древесно-кустарниковой растительности).

Анализ структуры и динамики экологической преступности в Республике Беларусь за 2018–2022 гг. показывает, что доля экологических преступлений в общей массе всех преступлений составляет в разные годы не более 0,6 %. Наиболее часто совершаемыми преступлениями являются ст. 281 «Незаконная добыча рыбы или других водных животных» УК; ст. 282 «Незаконная охота» УК; ст. 277 «Незаконная рубка, незаконное уничтожение, удаление, изъятие или повреждение древесно-кустарниковой растительности» УК.

Исходя из мотива совершения экологического преступления, выделяются следующие типы криминальных субъектов: совершающие экологические преступления по корыстным мотивам; совершающие экологические преступления, руководствуясь религиозными убеждениями; совершающие экологические преступления в военных или террористических целях; совершающие экологические преступления по неосторожности, по глупости, по хулиганским мотивам и т. п. Тем не менее подавляющее большинство экологических преступлений совершается по корыстным мотивам.

Нравственно-психологический портрет лиц, совершающих преступления данной категории, может быть представлен: 1) злостные преступники, имеющие ярко выраженную корыстно-потребительскую ориентацию; 2) лица с неустойчивой ориентацией и уступают давлению неблагоприятных жизненных ситуаций, например, занимаются браконьерством вследствие материальных затруднений и т. д.; 3) лица, совершающие преступления по неосторожности, характеризуются беспечностью, безответственностью и т. д.

Таким образом, изучение личности лиц, совершающих экологические преступления, позволило сформировать общий среднестатистический портрет экологического преступника. Это мужчина, в возрасте от 30 до 50 лет, чаще всего со средним образованием, безработный. В отношении большинства лиц, совершивших экологические преступления, не отмечаются явные дефекты правового и нравственного сознания, но следует отметить низкий уровень экологической культуры. Как правило, они недооценивают вред, причиненный ими в результате совершенного преступления, последствия своего преступления воспринимают как незначительные, не стоящие внимания. Проблема сохранения природы, рационального ее использования – задача для них второстепенная, приоритетным для них является удовлетворение насущных потребностей, стремление улучшить свое материальное положение.

О ПРИМЕНЕНИИ СПЕЦИАЛЬНО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ МЕР ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ АВТОТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Криминология, как наука о преступности, с учетом современных тенденций в обществе определяет стратегические направления для предупреждения отдельных видов преступности. Одной из разновидностей преступности выступает преступность, совершаемая с неосторожной формой вины. Несмотря на небольшой ее удельный вес по стране (в динамике 8–10 %), тем не менее в качествеотягчающих ее признаков объективной стороны составов преступлений выступает травматизация и гибель людей, значительное повреждение имущества. Автотранспортные преступления не являются исключением из этого. Обратимся к некоторым новеллам в сфере предупреждения указанных видов деяний.

Так, одной из специальных мер предупреждения, которая была инициирована Министерством внутренних дел Республики Беларусь в 2019–2020 гг., является балльная система оценки поведения водителей транспортных средств во время управления такими средствами. Данная система также получила значительное распространение в зарубежных странах и выступает в качестве дополнения к принимаемым мерам, связанным с регулированием вопросов безопасности дорожного движения через оптимизацию применяемых к нарушителям мер ответственности.

Так, названная система в том или ином виде применяется в таких государствах, как Великобритания, Германия, Франция, Израиль, Испания, Италия, Люксембург, Норвегия, Ирландия, Латвия, Литва, Чехия, Польша, Венгрия, Румыния, Словения, США, Австралия, Корея, Греция, Мальта и пр. При этом в каждой из стран, применяющих балльную систему, имеются свои особенности, свойственные как методике определения штрафных баллов, так и правовым последствиям установления систематичности нарушений правил дорожного движения. В целом же можно выделить два основных подхода применения балльной системы, используемых в зарубежной практике, – метод накопления и метод списания. При этом за различные по степени тяжести правонарушения может начисляться (списываться) разное количество баллов, что дополнительно стимулирует водителей транспортных средств максимально воздержаться от сознательного допущения нарушений установленных правил, что часто детерминирует совершение неосторожной преступности.

Проанализировав зарубежный опыт, профильное ведомство Беларуси, как было сказано, выступило с инициативой реализации модели

балльной системы в белорусском государстве. Вместе с тем такие изменения не прошли общественного обсуждения, а потому данное предложение так и не было законодательно закреплено. На страницах интернет-ресурсов можно обнаружить краткие итоги общественного обсуждения. В частности, отмечается, что более 30 % лиц, принявших участие в обсуждении, поддержали высказанные предложения. Вместе с тем в качестве основной причины, по которой предлагаемые нововведения не были восприняты участниками обсуждения, названы двойное привлечение к ответственности за одно и то же правонарушение, а также неравное отношение, проявляемое к лицам, для которых управление транспортным средством является профессией, и к тем водителям, для которых поездки на транспортном средстве являются разовыми эпизодами.

В ответ на подобные замечания представляется важным отметить, что в соответствии с действующим законодательством замечание о том, что лишение права управления транспортным средством не может применяться в случае реализации балльной системы, поскольку не может быть двух мер ответственности за одно правонарушение, является необоснованным. Как известно, меры как административного взыскания, так и уголовного наказания делятся на различные группы по разным критериям классификации. По одному из таких критериев дифференциации взыскания (наказания) подразделяются на основные, дополнительные и смешанные. Так, основные наказания назначаются судом самостоятельно и не могут назначаться дополнительно к другому наказанию, назначенному в качестве основного. Дополнительные наказания, напротив, не могут применяться самостоятельно, а всегда соединяются с основными. Смешанные же наказания могут быть в одних случаях основными, в других – дополнительными. Таким образом, применение к лицу такого наказания, как лишение права управления транспортным средством на определенный срок не противоречит сложившимся в действующем законодательстве общим принципам привлечения к юридической ответственности и может быть осуществлено, в том числе, при реализации предложения о введении в Республике Беларусь балльной системы контроля за нарушениями правил безопасности дорожного движения.

В то же время нельзя не отметить и отдельных недостатков, каковые присутствовали в предложенном варианте применения балльной системы контроля за нарушениями в Беларуси. В частности, в этом виде названная система носила, по большей части, лишь карательный характер, поскольку предусматривала неотвратимость лишения права управления транспортным средством. В то же время, например, в Португалии при достижении нулевого показателя «кредитных» баллов водителю вменяется в обязанность пройти соответствующие курсы, и лишь отказ от

исполнения такой обязанности является основанием для лишения его права управления транспортным средством.

В Бразилии лица, для которых управление транспортным средством является профессией, вправе самостоятельно, при достижении определенного уровня штрафных баллов, пройти курсы повышения квалификации. В этом случае такие баллы аннулируются, однако воспользоваться такой возможностью водители вправе не чаще одного раза в год. Более того, в Португалии, применяющей систему списания «кредитных» баллов, предусмотрена возможность получения дополнительных «кредитов», если на протяжении года водитель не допустит нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Таким образом, непринятие обществом предложенной балльной системы, как представляется, обусловлено не столько самим фактом ее существования, сколько излишней жесткостью содержащихся в ней мер, а также отсутствием стимулирующих механизмов воздействия, способствующих стремлению водителей сознательно не допускать нарушения установленных правил дорожного движения. Как видится, несмотря на негативный опыт общественного обсуждения предложений о внедрении балльной системы, сами предложения далеко не лишены смысла, что подтверждается успешной реализацией подобных систем во многих зарубежных странах, вне зависимости от уровня экономического развития и доходов населения.

В этой связи полагаем, что предложения о введении балльной системы контроля нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств следует подвергнуть доработке, после чего вновь вынести на общественное обсуждение. Их практическая реализация, безусловно, станет существенной специально-криминологической мерой предупреждения автотранспортной преступности в Республике Беларусь.

УДК 343.914

Ю.Ф. Машиалер

МЕДИЦИНСКИЕ ОСМОТРЫ КАК ОДНА ИЗ МЕР ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА ЖИЗНЬ НОВОРОЖДЕННЫХ ДЕТЕЙ

В Республике Беларусь смерть новорожденных детей составляет не большой процент в общей структуре смертности от убийств. Однако каждое преступление, совершенное в отношении новорожденного, вызывает большой общественный резонанс и активную дискуссию о необ-

ходимости разработки эффективных мер предупреждения преступных посягательств на жизнь новорожденных.

Меры предупреждения убийств новорожденных детей обусловлены необходимостью воздействия на криминогенные факторы, т. е. причины и условия, способствующие совершению этих преступлений с целью их устранения или нейтрализации либо ослабления негативного воздействия. Кроме сотрудников правоохранительных органов, важную роль в выявлении беременных женщин, которые обращаются к медицинскому персоналу с просьбой о проведении криминального аборта, уклоняются от постановки на учет в связи с беременностью, а также скрывают свою беременность, выполняют именно медицинские работники. Так, к причинам медицинского характера преступных посягательств на жизнь новорожденных детей следует отнести несвоевременный учет беременных женщин (88 % из женщин, которые совершили посягательство на жизнь своего новорожденного ребенка, не состояли на учете по беременности).

Медицинским учреждениям необходимо в ранние сроки способствовать установлению беременных, постановки их на учет. Особо плотный контроль следует осуществлять за группой повышенного риска лиц, склонных к посягательству на жизнь новорожденных детей. К этой группе, согласно результатам ранее проведенного нами исследования, относятся следующие категории лиц женского пола:

к первой группе относятся женщина 16–17 лет, отрицательно характеризуется по месту учебы, состоящая на учете в инспекции по делам несовершеннолетних, не состоящая в браке;

ко второй группе – женщина 18–20 лет, коренная жительница сельской местности, обучается в средних специальных (либо высших) учреждениях образования вдалеке от основного места жительства, посредственно характеризуется по месту учебы;

к третьей группе – женщина 21–30 лет, не имеющая личного жилья, занятая неквалифицированным трудом либо не работающая, имеющая, как правило, одного ребенка, не состоящая в браке;

к четвертой группе – женщина старше 30 лет, проживающая в сельской местности, занятая низкоквалифицированным трудом, характеризуется по месту жительства посредственно, не состоящая в браке либо разведена;

к пятой группе – женщина, неоднократно привлекаемая к административной либо уголовной ответственности.

Изучая уголовные дела по посягательствам на жизнь новорожденных детей, мы пришли к выводу, что большинство женщин скрыва-

ли свою беременность перед посягательством, а именно, подвизывали живот, обманывали, что просто пополнили, уклонялись от проведения медицинского осмотра и т. д. Так, жительница небольшого населенного пункта М. проходила обучение на первом курсе в учреждении высшего образования г. Витебска. Осмотр гинеколога М. проходила только при поступлении в учреждение образования. 1 января (обучаясь на первом курсе) М. вступила в половое сношение со старшекурсником Г. и забеременела. Молодой человек, узнав о беременности М., перестал с ней общаться. Вследствие сложившейся ситуации у М. развился неуточненный депрессивный эпизод. М. бросила обучение и приехала в родной город. Родители М. не знали о ее беременности. В сентябре М. родила живого, доношенного, жизнеспособного ребенка мужского пола, у которого отсутствовали несовместимые с жизнью пороки и аномалии развития. Непосредственно после родов новорожденный был задушен М., после чего выброшен в мусорный контейнер во дворе многоквартирного дома.

Из этого примера видно, что молодая женщина М. активно скрывала свою беременность, чему способствовало также отсутствие медицинского осмотра в период беременности. Эта женщина, согласно представленной выше классификации, относится ко 2-й группе повышенного риска лиц, склонных к посягательству на жизнь новорожденных детей, и не проходивших в период беременности медицинского осмотра.

Таким образом, представляется возможным для группы повышенного риска лиц, склонных к посягательству на жизнь новорожденных детей, проводить обязательные медицинские осмотры с привлечением врача-акушера-гинеколога с периодичностью один раз в шесть месяцев в качестве одной из мер выявления беременных женщин и предупреждения посягательств на жизнь новорожденных детей.

УДК 343.9

Е.И. Медведева

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И МЕРАХ ПО ЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ

Официальная уголовная статистика последних двух десятилетий отражает тенденцию сокращения преступности в ряде развитых и развивающихся стран, включая и Республику Беларусь (–33 %; со 132 867 в 2002 г. до 88 555 в 2022 г.). Вместе с тем одной из особенностей пре-

ступности Беларуси является высокий удельный вес рецидивных преступлений. Лицами, имеющими судимость, совершается в последние годы порядка 40 % регистрируемых преступлений. По этому показателю Беларусь твердо занимает второе место среди стран СНГ, уступая только России.

За последние 15 лет произошло существенное снижение количества преступлений, совершенных лицами, имеющими судимость (–31 %; с 25 652 в 2007 г. до 17 617 в 2022 г.).

Анализируя показатели рецидивной преступности за последние два года, следует отметить, что в 2022 г. в сравнении с 2021 г. количество преступлений, совершенных лицами, имеющими судимость, снизилось на 7,6 %. Вместе с тем на 8,3 % увеличилось число особо тяжких и тяжких рецидивных преступлений. Настораживает также тот факт, что более половины (51,3 %) от общего количества рецидивных уголовно наказуемых деяний совершено лицами, не занятыми трудом или учебой.

В структуре рецидивной преступности традиционно преобладают такие уголовно наказуемые деяния, как кражи (35,7 %), уклонение родителей от содержания детей (19 %), мошенничества (5 %), а также преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов (4,3 %).

Однако необходимо обратить внимание на некоторые негативные тенденции, которые произошли в структуре рассматриваемого вида криминала в 2022 г. Так, в 2022 г. по сравнению с 2021 г. среди лиц, имеющих судимость, произошел рост совершения таких преступлений, как незаконные действия в отношении оружия (+91,2 %), насильственные действия сексуального характера (+61,8 %), изнасилования (+40 %), разбои (+21,7 %), истязания (+17,3 %), мошенничества (+10,4 %), грабежи (+3 %) и уголовно наказуемые деяния, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов (+2,4 %), в том числе с целью сбыта (+3,5 %).

Эффективное противодействие рецидивной преступности невозможно без прогнозирования ее состояния на ближайшую перспективу. Используя метод экстраполяции, нами был сделан прогноз развития рассматриваемого вида преступности в Республике Беларусь. Полагаем, что в 2023 г. продолжится устойчивая тенденция снижения числа зарегистрированных преступлений, совершенных лицами, имеющими судимость, и по сравнению с 2022 г. количество таких противоправных деяний сократится на 7,3 % (по сравнению с 2021 г. – на 14,3 %, по сравнению с 2020 г. – на 20,3 %):

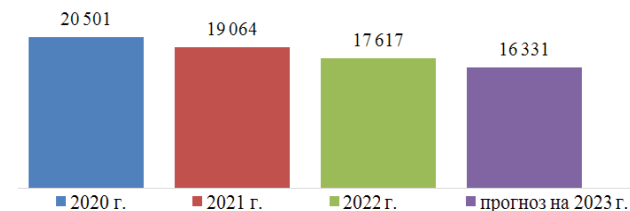

Рис. 1

В рамках общесоциального предупреждения рецидива видится целесообразным по-прежнему акцентировать внимание на совершенствовании экономической, идеологической, организационно-управленческих сфер жизнедеятельности общества. Особенно уязвимой является идеологическая сфера, так как в средствах массовой информации в огромных объемах пропагандируется образ жизни лиц, допустивших рецидив. Для устранения данного перекоса нужны не только контроль за содержанием сайтов и социальных сетей, но и корректировка публикуемых материалов в печати, исключения из программ телевидения кинофильмов негативной направленности и др. В свою очередь, индивидуальная профилактика рецидива преступлений особенно в отношении лиц, осужденных за умышленные преступления к мерам наказания, не связанным с лишением свободы на определенный срок, должна обязательно охватывать весь круг социальных групп общения и окружения осужденного. Кроме того, есть все основания полагать, что сформированная принципиальная позиция семьи осужденного позволит существенно снизить вероятность рецидива. В этой связи видится целесообразным проводить разъяснительную работу не только с осужденными, но с их родственниками с целью отказа последнего от нарушений режима содержания и совершения преступлений в будущем.

УДК 343.97

А.Л. Савенок

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ПРЕСТУПНОСТЬ

По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, число зарегистрированных преступлений за последние 20 лет существенно снизилось. Уменьшилась также и численность лиц, совершающих преступления. Подобная тенденция наблюдается во многих странах мира. Однако среди криминологов нет единой позиции о

причинах снижения преступности в последние годы. Относительно Республики Беларусь логично было бы предположить, что на уровень и динамику преступности, наряду с иными факторами, положительно повлиял принятый в 1999 г. Уголовный кодекс Республики Беларусь. Однако установить влияние уголовного законодательства на преступность крайне сложно. В то же время можно предположить, что одной из причин, существенно повлиявших на состояние преступности, особенно уличной, является широкое применение различных технических устройств в жизнедеятельности человечества, в том числе с использованием технологий искусственного интеллекта. Как показывает практика, увеличивающееся количество камер видеонаблюдения дисциплинирует граждан и часто оказывает правоохранительным органам неоценимую помощь в раскрытии преступлений.

Безусловно, современные технологии открывают новые возможности для развития различных направлений человеческой деятельности, в том числе и в сфере борьбы с преступностью. Однако при этом следует учитывать, что под воздействием цифровизации общества существенно меняется сама преступность, изменяются способы и средства совершения преступлений. Так, сегодня не обязательно физически находиться в Республике Беларусь, чтобы совершить конкретное преступление против гражданина или какой-либо организации нашей страны. И это относится не только к преступлениям против компьютерной безопасности. В последнее время в средствах массовой информации достаточно часто пишут о таких преступлениях против собственности, как мошенничество. Правонарушитель, находясь за сотни и даже тысячи километров от потерпевшего, с помощью современных технологий имеет реальную возможность завладеть его имуществом. Для многих стало привычным, когда по телефону звонят незнакомые люди и, представляясь сотрудниками того или иного учреждения, пытаются получить у гражданина реквизиты его платежных средств. Часто злоумышленники для коммуникации используют сеть Интернет с различного рода заманчивыми предложениями (получение наследства или выигрыша, совершения выгодной покупки и пр.). Таких примеров в отечественной юридической практике немало. Поскольку эти попытки носят системный характер, значительное число граждан не придает им существенного значения и не обращается в правоохранительные органы. Как следствие, официальная статистика не фиксирует все такие случаи, поэтому на протяжении последних лет количество официально зарегистрированных мошенничеств существенно не меняется. Однако, как известно, даже попытка завладения имуществом граждан является противоправным деянием и его следует квалифицировать как покушение на мошенничество. Следо-

вательно, можно предположить, что развитие информационных технологий существенно влияет на латентную преступность.

Нет сомнений в том, что цифровизация общества будет в дальнейшем активно развиваться. Действовать удаленно, не вступая в физический контакт друг с другом, выгодно не только экономически. Эпидемиологическая обстановка, связанная с пандемией коронавирусной инфекции, наглядно показала необходимость развития современных технологий. Однако следует обязательно учитывать, что цифровизация открывает новые возможности и для правонарушителей. Очевидно, что помимо традиционно существующих будут возникать новые способы совершения преступлений, раскрытие которых будет существенно затруднено. Сегодня правоохранительным органам такие ситуации хорошо знакомы. В юридической литературе подробно изложены проблемы раскрытия различных преступлений, которые совершаются бесконтактным способом передачи (получения) предмета преступления. Как известно, особую популярность среди правонарушителей получили случаи распространения наркотиков путем их закладки в условных местах. Такой способ распространения наркотиков является более безопасным для отдельных соучастников преступления. Ведь чаще всего за распространение наркотиков удается привлечь к ответственности различного рода распространителей или же курьеров. Организаторы таких преступных схем, как правило, находятся за границей и привлечь их к ответственности непросто. Следовательно, характерной особенностью совершения преступлений с помощью современных технологий является их трансграничный характер. Отсюда существует проблема предупреждения, раскрытия и расследования таких преступлений.

Анализ способов и средств совершения различных противоправных деяний наглядно показывает, что для эффективного противодействия преступности необходимо активно использовать не только технические средства, но и современные технологии. Несмотря на значительные материальные возможности отдельных преступников по приобретению технических средств и компьютерных программ, они не смогут превзойти возможности правоохранительных органов. Тем более сегодня правоохранительным органам доступно огромное количество информации, находящейся в различных базах данных. Главное – умелое использование такой информации. Существенную помощь в этом вопросе может оказать использование искусственных нейронных сетей, помогающих выводить статистику и строить логическую связь между людьми, местами и отдельными событиями. Это поможет значительно ускорить процесс поиска преступников и похищенного имущества, а также снизить финансовые затраты на такую деятельность. В ряде стран уже име-

ется позитивный опыт использования искусственных нейронных сетей в правоохранительной сфере. Так, например, их применение позволяет эффективно выявлять и устанавливать факты коррупции путем анализа разных документов, распознавать махинации в банковской сфере, раскрывать серийные преступления и т. д.

Однако, несмотря на важность использования искусственных нейронных сетей для раскрытия преступлений, не менее значимым направлением должно стать предупреждение противоправных деяний. При этом важно вести работу не только по предупреждению и прогнозированию преступности, но и сосредоточить усилия на выявлении потенциальных жертв преступлений. Своевременное их информирование о возможных рисках должно стать приоритетным направлением деятельности правоохранительных органов. Это особенно актуально в условиях совершения преступлений, имеющих трансграничный характер. Ведь очевидно, что затраты на предупреждение преступлений будут несоизмеримо меньше, чем поиск преступников. Значительную профилактическую помощь в этом вопросе могут оказать организации, предоставляющие услуги населению, в том числе услуги мобильной связи.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что использование современных технологий в целях эффективной борьбы с преступностью стало уже объективной реальностью. Опыт отдельных зарубежных стран показывает, что для предупреждения и раскрытия преступлений можно с успехом использовать искусственные нейронные сети. Это существенно уменьшит затраты на анализ и обобщение информации и значительно сократит время на поиск правонарушителей. Отдельным направлением применения искусственных нейронных сетей должно стать не только обнаружение лиц, подготавливающих преступления, но и выявление потенциальных жертв, их своевременное информирование о способах совершения преступлений.

УДК 343.9

Д.П. Семенюк

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ ТАМОЖЕННОГО ПРЕСТУПНИКА

Обеспечение экономической безопасности страны на государственной и таможенной границе является одним из важных условий ее устойчивого развития. Таможенная преступность как совокупность пре-

ступлений, совершаемых при перемещении товаров и транспортных средств через таможенную границу, представляет угрозу безопасности государства.

В этой связи исследование вопросов нейтрализации таможенной преступности, исследование структуры личности лица, совершающего таможенные правонарушения, и социально-психологического механизма ее формирования представляют несомненную актуальность и практическую значимость для выработки системы профилактических мер, позволяющих организовать эффективное противодействие данному виду преступлений.

В исследовании причин и условий таможенной преступности важную роль играет изучение социально-психологического механизма формирования личности таможенного преступника. Необходимо установить, что повлияло на совершение лицом преступления, какие конкретно факторы внешней среды и в какой временной этап становления личности оказали на него криминогенное влияние, какие психологические свойства этого лица были наиболее восприимчивы к негативному криминогенному воздействию.

Процесс формирования личности преступника очень сложен. Вся совокупность психологических качеств и особенностей личности проходит под динамичным влиянием огромного количества факторов внешней среды, оказывающих как положительное, так и отрицательное влияние на поведение человека.

В этой связи механизм индивидуального преступного поведения таможенного преступника можно определить как процесс формирования личности под воздействием внешней среды, связанной с хозяйственной деятельностью на таможенной границе.

По мнению большинства ученых, общей причиной для каждого преступления является криминогенная мотивация конкретной личности, которая основана на антисоциальной установке.

В формировании личности лица, совершающего таможенные преступления, можно выделить два самостоятельных этапа образования личности преступника – собственно формирования и криминализации.

Первый этап формирования личности таможенного преступника характеризуется непрерывным процессом развития социально-правовой и экономической сред, в рамках которых в силу определенных материальных условий жизни, отрицательного влияния жизненного окружения и виртуального пространства, недостатков в воспитании и социальном контроле развиваются негативные черты характера, предопределяющие ее противоправное поведение в таможенной сфере.

Второй этап, криминализация личности таможенного преступника, включает непрерывный процесс, связанный с недостатками по выявлению лиц, склонных к совершению таможенных правонарушений, привлечения их к уголовной и административной ответственности, осуждения, отбывания наказания, организации работы по общей и индивидуальной профилактике правонарушений.

В рамках первого этапа формирования личности таможенного преступника можно выделить четыре группы факторов: социально-экономические, политические, духовные и психологические.

Социально-экономические характеризуются формированием личности преступника под влиянием современных общественных и экономических отношений, отличающихся особой динамикой. Прежде всего на их развитие оказало влияние вступление Республики Беларусь в Таможенный союз, в Единое экономическое пространство с Российской Федерацией, Республикой Казахстан и другими государствами, стремящимися к экономической и политической интеграции, создание Евразийского экономического союза. Возникновение новых экономических отношений порождает необходимость изменения и принятия правовых норм, регулирующих движение товаров, услуг в данном экономическом пространстве.

Поэтому детерминация личности таможенного преступника в Республике Беларусь обусловлена общими тенденциями развития экономической, корыстной и организованной преступности на постсоветском пространстве.

Важным уголовно-правовым и криминологическим признаками преступления, который также оказывает непосредственное влияние на формирование личности правонарушителя, можно считать место совершения преступления (территорию, на которой совершается преступление), правовое регулирование на которой устанавливается пограничными и таможенными правовыми режимами.

Существенная разница между стоимостью товаров в странах Европейского союза, Украине и странах Евразийского экономического союза, имеющих государственные и таможенные границы, наличие таможенных пошлин на перемещение товаров создают предпосылки для формирования криминального бизнеса и вовлечения в него граждан, желающих быстро обогатиться, не участвуя в общественно полезном труде. При этом незаконное перемещение товаров, неуплата пошлин часто являются для них источником постоянного дохода.

По мнению российских криминологов, ввоз в Россию различных товаров контрабандным путем является каналом получения сверхпри-

были. По имеющимся данным, только из-за этого государственная казна недополучает в виде неуплаты от 35 до 50 % таможенных пошлин.

Современными политическими факторами формирования личности таможенного преступника можно считать образование новых государств на постсоветском пространстве и интеграцию европейских государств.

Исторически основными причинами всплеска таможенной преступности является возникновение новых политических и экономических отношений, проявившихся после распада СССР и приобретения белорусским государством суверенитета.

Духовными и психологическими факторами, влияющими на формирование личности таможенного преступника, является криминализация личности преступника под влиянием деградации важных духовно-нравственных ценностей.

В первую очередь можно отметить деформацию общественных ценностей. В основе ценностных ориентаций преступника лежит корыстный мотив.

Психологические особенности личности формируются под воздействием общества потребления, которое определяет необходимость выбора личностью только такого вида деятельности, которая ведет к обогащению. При этом нормы права и морали оцениваются как менее значительные элементы в системе ценностей, которыми можно пренебречь.

Это же в полной мере относится и к деформации системы семейных ценностей. Семья для лиц, совершающих таможенные преступления, частично утрачивает значение. Среди правонарушителей высокий процент не имеющих семьи, разведенных и злоупотребляющих алкогольными напитками.

Пропаганда в средствах массовой информации культа западного образа жизни, в котором одним из главных достоинств человека является наличие капитала, порождает несоответствие между ростом потребностей и возможностей их удовлетворения. Это мотивирует личность к поиску незаконных источников обогащения.

Изложенное позволяет сделать вывод, что личность таможенного преступника формируется под влиянием социально-экономических, политических, духовных и психологических факторов. Доминирующим фактором является изменение современных экономических и общественных отношений, позволяющих реализовать сформированный воспитанием корыстный поведенческий мотив.

О ТЕОРИИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ИЛИ ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Говоря о теории предупреждения, большинство современных учебников обозначает лишь устоявшиеся традиции и консервативный подход ее интерпретации, хотя глобальные изменения социума стремительно происходят, что не может не отразиться на содержании и в рамках различных стратегий предупреждения. Естественно, такой фундаментальный и устоявшийся пласт основного предмета криминологии тяжело реформировать и видоизменить сквозь привычную и запатентованную криминологическую мысль. Тем не менее сегодня назрели сущностные изменения, о которых нужно говорить.

Сразу необходимо подчеркнуть, что предупреждение преступности против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних имеет свою специфическую характеристику, обусловленную целями, задачами и ресурсами, которые задействованы в этом динамичном и одновременно сложном механизме. Его сложность заключается во многих факторах: латентности, виктимологические особенности жертвы, культурная специфика современного социума, психология поведения несовершеннолетних, субъективные и объективные факторы уголовно-процессуальных действий с несовершеннолетними, серийность и многоэпизодность преступлений рассматриваемого вида, многозадачность и структура субъектов профилактики.

Теория предупреждения есть длительный процесс эволюции взглядов. Платон и Аристотель, Ш. Монтескье и Ч. Беккариа, Т. Мор, Т. Кампанелла, Ж. Мелье, Ж. Фурье, Р. Оуэн, К. Маркс и Ф. Энгельс описывали алгоритмы действий субъектов профилактики, с точки зрения и биологического и социологического направлений происхождения преступного. Многие идеи предупреждения преступности западных мыслителей не были реализованы в практике государств. В русском законодательстве XIX в. существовали также специализированные законодательные акты о предупреждении преступлений. Большинство идей как в западноевропейском, так и в славянском правовом поле касались идей нравственности и морали, искоренения и сдерживания социальных патологий – факторов, детерминирующих преступность.

Во второй половине XX в. отмечается всплеск развития научного потенциала, сопряженного с практической составляющей «предупреждения», появились научные труды, сыгравшие важную роль в векторе государственной политики этого важного вектора внутреннего содержания уголовно-правовой направленности (Г.М. Миньковский, Г.М. Арзумян, В.К. Звирбуль, М.И. Кацук, В.И. Шинд, Ю.М. Антонян, В.В. Клочкова, В.Н. Кудрявцев, Э.Б. Мельников, А.Р. Ратинов и др.).

Первый учебник по криминологии, вышедший в СССР в 1966 г., определил понятие «предупреждение» как совокупность мер, проводимых как государственными органами, так и общественными организациями, направленными на предотвращение преступлений и устранение причин, их порождающих. Ряд мер по предупреждению рассматривались как взаимосвязанная их совокупность. Но, по мнению многих ученых, к указанному времени не была создана собственно криминологическая концепция предупреждения преступности. Так, в 80-е гг. XX в. отличаются формированием основных положений теории предупреждения, определением ее содержания, формированием основ криминологического прогнозирования и планирования. В предупреждении преступности – виде человеческой деятельности – различали практику (деятельность по преобразованию общественных отношений) и теорию (идеи, взгляды, эмпирические обобщения, гипотезы и концепции).

В свою очередь, общая цель предупреждения преступности состоит из иерархически связанных между собой задач, выполняемых специализированными и неспециализированными субъектами профилактики на разных уровнях (общесоциальный, специальный).

К субъектам предупредительной деятельности относятся все государственные органы и общественные организации, сознательные граждане, а реализация их стратегии представляет собой особую «деятельную целостность». Она отличается степенью дифференциации по задачам, масштабу, правомочиям, формам и методам деятельности, степени специализации, месту в системе и отношению к смежным системам того же уровня, а также к системе более высокого уровня. В зависимости от масштабов и объема предупредительных функций соотношение последних с основным профилем деятельности соответствующих субъектов в их реализацию включается либо вся оргструктура, либо ее подструктуры, выполняющие данные функции заодно с другими. К субъектам предупредительной деятельности полностью применимы механизмы, имеющиеся в теории управления, общие характеристики по типу деятельности (функциям). Речь идет о субъектах, которые:

осуществляют научное, информационно-аналитическое и методическое обеспечение предупредительной деятельности, подготовку и переподготовку кадров для нее;

непосредственно выявляют криминогенные факторы; осуществляют меры по их устранению, ослаблению, ограничению, нейтрализации; меры по коррекции личности; привлекают граждан к предупредительной деятельности;

осуществляют управление отдельными направлениями и участками предупредительной деятельности;

осуществляют правовое регулирование и властное управление предупреждением преступности;

определяют на директивно-политическом уровне основные направления и задачи, формы предупредительной деятельности (политику борьбы с преступностью).

Необходимо подчеркнуть, что теория предупреждения приобретает сегодня новый виток своего развития. Без сомнений, изменения будут иметь значимую трансформацию и совершенно новую плоскость основ предупреждения преступности.

Прежде всего эти изменения, по нашему мнению, должны касаться таких вопросов, как:

закрепление понятия «виртуальная профилактика» (предупреждение) в национальной стратегии предупреждения преступности (виртуальная профилактика преступности – система мер в виртуальной среде (метавселенной, сети Интернет), принимаемых специальными уполномоченными государственными субъектами, а также негосударственными институтами (профессиональными – блогеры как агенты правовой социализации; и непрофессиональными пользователями), осуществляемая в рамках нейтрализации и превенции негативных явлений (деструктивной информации и преступных действий) с помощью специальных и общих мер, направленная на снижение возможных рисков успешного осуществления любых противоправных действий с целью реализации преступного умысла в рамках возможных в настоящее время составов предусмотренных уголовным законом, на которые возможно допустимое и постпреступное влияние);

повышение уровня значения виктимологии на национальном уровне; включение виктимологии в основной предмет криминологии;

изучение виктимологии как самостоятельной учебной дисциплины;

проведение научных исследований по отдельным видам преступности в рамках их виктимологической составляющей;

изучение и развитие теории предупреждения сквозь призму слияния реального и виртуального мира;

развитие криминологического профайлинга в изучении предупреждения преступного поведения личности преступника;

увеличение значения уголовной статистики в рамках изучения криминологии, расширение спектра криминологически значимой информации в рамках заплытия документов статистической отчетности;

импортирование в современную славянскую криминологию знаний, концепций, теорий закрученных на концепте о том, что преступность – продукт социализации;

изучение и развитие направления теории предупреждения не как специфической деятельности субъектов, а как взаимосвязь триады право – мораль – результат;

создание концепции развития мета криминологии – раздела криминологии, суть которой основана на изучении системы знаний о смещении вектора реального мира в виртуальное пространство, взаимодействие в котором основано на цифровом восприятии абстрактных объектов и процессов, укоренившихся в жизнедеятельности, на основе принципов технологий блокчейна, технологий NFT и иных прорывных технологий, которые будут подвержены преступному воздействию.

Безусловно, в метавселенной формируется виртуальная экосистема, которая естественно будет требовать юридически регулируемые отношения, а так как преступность и преступления – девиантный продукт социума, естественно будет формироваться и пласт мета преступности, преступности, касающейся объектов и субъектов виртуального пространства, что уже наблюдается во всем мире.

УДК 343

М.А. Сулимов

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В СФЕРЕ ПОДГОТОВКИ И ПРОВЕДЕНИЯ СПОРТИВНЫХ СОРЕВНОВАНИЙ

В настоящее время количество проводимых спортивно-массовых мероприятий, как локального, так и международного уровня в Республике Беларусь с каждым годом увеличивается, тем самым повышает престиж Беларуси на международной арене. Вместе с тем данное обстоятельство

вызывает необходимость повышения эффективности охраны установленного порядка подготовки и проведения спортивных соревнований, поскольку все чаще злоумышленники рассматривают спортивную сферу в качестве источника незаконного обогащения. Кроме того, спорт высоких достижений в последнее десятилетие все более очевидно приобретает черты бизнес-модели или финансовой структуры, что потенциально обуславливает рост криминализации сферы спорта. Современная спортивная повестка все более неожиданно обрастает коррупционными и допинговыми скандалами, связанными со спортивными соревнованиями, так и с отдельными спортсменами в частности. Данная тенденция касается не только Республики Беларусь, а охватывает все мировое спортивное сообщество. В свою очередь, задачами органов внутренних дел и других правоохранительных органов является своевременное выявление и реагирование на новые вызовы, складывающиеся в спортивной сфере, так как вред причиняется не только охраняемым законом интересам спортсменов, общественным и государственным интересам, в том числе авторитету Республики Беларусь в международном сообществе.

Принятые сравнительно недавно новеллы в Уголовном кодексе Республики Беларусь, касающиеся склонению спортсмена к использованию вещества и (или) методов, включенных в Республиканский перечень запрещенных в спорте веществ и методов, а также умышленное использование в отношении спортсмена вещества и (или) метода, включенных в Республиканский перечень запрещенных в спорте веществ и методов, а именно ст. 331¹, 331² Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК) требуют научного анализа. В условиях роста прецедентов манипуляции результатами спортивных соревнований, правоприменительная практика нуждается также в едином подходе по квалификации общественно опасных деяний в сфере подготовки и проведения спортивных соревнований.

Статьи 253, 331¹, 331² УК обеспечивают уголовно-правовую охрану рассматриваемых общественных отношений в настоящей редакции, включают отдельные термины, не имеющие однозначной трактовки. Формулировки диспозиций этих статей не в полной мере охватывают круг общественно опасных деяний в данной сфере, из-за чего возникают проблемы квалификации, в том числе связанные с отграничением от смежных составов, что не способствует формированию на практике у правоприменителей единого подхода к применению норм, регулирующих общественные отношения в сфере спорта.

Проведенные криминологические исследования в сфере спорта свидетельствуют также о том, что уровень преступности в данной сфере

является высоким. Количество спортивных соревнований, затрагиваемых преступными посягательствами, в большинстве своем коррупционными, постоянно растет. Преступность в сфере спорта приобретает все более организованные формы. Еще одной опасной тенденцией является то, что преступность в сфере подготовки и проведения спортивных соревнований все чаще выходит за территориальные рамки одного государства и обретает международный статус. Кроме этого специфика общественных отношений в сфере подготовки и проведения спортивных соревнований, заключающаяся в труднодоступности и закрытости от данной сферы, создает условия для уклонения преступников от мер социального контроля.

Необходимо констатировать, что отсутствие единых теоретических взглядов на уголовно-правовую охрану общественных отношений в сфере подготовки и проведения спортивных соревнований. Вопросы ответственности за преступления, посягающие на общественные отношения, связанные с проведением спортивных соревнований, еще не в полной мере разработаны на теоретическом уровне.

Таким образом, указанные выше обстоятельства и проблемы приводят к отсутствию единообразного применения закона, что снижает эффективность уголовно-правовой охраны общественных отношений, возникших в сфере подготовки и проведения спортивных соревнований, не способствует соблюдению принципов справедливости, личной виновной ответственности и гуманизма.

УДК 343.8

И.С. Сырокваш

О ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА

Понять личность человека и предсказать его поведение, в том числе девиантное, невозможно без комплексного учета социально-демографических, уголовно-правовых, нравственных, психологических и иных характеристик. Знание механизмов и мотивации поведения индивида, изучение и анализ среды, в которую он включен, его социально-психологических особенностей способствует более глубокому исследованию проблемы с последующим поиском путей разрешения. Комплекс необходимых знаний не может быть получен в ходе анализа даже значительного массива уголовных дел и научных работ по направлению исследования без познания живой личности преступника. Существенное значение для этого имеют свежие эмпирические материалы.

Исследование преступности против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних актуализирует вопрос: почему при относительно одинаковых условиях жизнедеятельности одни лица совершают преступления, другие воздерживаются от этого, а третьи активно противодействуют их совершению? По мнению специалистов и экспертов, поиску правильного ответа на данный вопрос способствует детальное изучение личности преступника, поскольку личность является носителем причин их совершения, основным и важнейшим звеном механизма преступного поведения. Познать основы стратегии мотивов преступного поведения сквозь призму ее познания – основа профилактики, прогнозирования и планирования.

Проблема личности преступника всегда занимала центральное место в криминологии, о чем свидетельствуют труды таких авторов, как Г.А. Аванесов, Ю.М. Антонян, Н.А. Барановский, Ю.В. Бышевский, Б.С. Волков, П.С. Дагель, А.В. Дулов, К.Е. Игошев, И.И. Карпец, В.Н. Кудрявцев, А.И. Марцев, И.С. Ной, А.Б. Сахаров, А.М. Яковлев и др.

В ходе научных дискуссий высказываются различные мнения в отношении содержательного определения личности преступника. Одни авторы просто констатируют, что личность преступника – это личность человека, виновно совершившего общественно опасное деяние, запрещенное законом под угрозой уголовной ответственности. Вторые под личностью преступника подразумевают более широкое и емкое понятие, выражающее социальную сущность лица, сложный комплекс характеризующих его признаков, свойств, связей, отношений, ее нравственный и духовный мир, взятые в развитии, во взаимодействии с социальными и индивидуальными жизненными условиями, в той или иной мере определивших совершение преступления. По мнению третьих, понятие личности преступника обозначает определенный социальный тип личности. В поддержку данного подхода К.Е. Игошев отмечал, что преступник есть временный социальный тип личности, поскольку он наносит (может нанести) вред обществу преступными действиями, совершение которых влечет за собой уголовную ответственность.

На наш взгляд, *личность преступника* следует рассматривать как лицо, совершившее преступление в силу негативных качеств, свойств и характеристик, которые в сочетании с внешними условиями и обстоятельствами способствовали формированию криминальной мотивации и определили содержание его преступного поведения.

Необходимо обратить внимание на существование иной точки зрения об использовании термина «личность преступника» в криминологической науке, согласно которой не каждый человек, совершивший преступ-

ление, является личностью, обладающей чертами, типичными именно для преступников, ведь преступление могло быть совершено внезапно и виновный сразу не смог найти правомерный выход из сложившейся жизненной ситуации. Или же человек, хотя ранее и не совершал предосудительных действий, но внутренне, психологически был готов к ним, но окружающим об этом не было известно, так как он не подвергался специальному обследованию. Из этого якобы следует вывод, подтверждающий отрицание наличия личности преступника, который, по нашему мнению, является ошибочным, поскольку частичное или полное устранение личности преступника из числа детерминант преступного поведения ведет к несогласованности положений уголовно-правовой и криминологической теорий.

Разнообразие существующих теоретических взглядов на проблему личности преступника подтверждает ее достаточно глубокую изученность, но не означает, что в криминологии в полной мере исследованы особенности личности различных категорий преступников и условия социальной среды, в которых данная личность формировалась или формируется.

При этом следует отметить, что, несмотря на большое количество существующих научных исследований обозначенной темы, проблема изучения личности преступника и ее криминологической характеристики продолжает оставаться одной из самых приоритетных с теоретической и практической точек зрения, в том числе в аспекте пенитенциарных проблем изучения личности преступников. Иными словами, нельзя добиться правильного лечения и выздоровления больного, если не знать причин его болезни.

УДК 343.8

Т.Г. Терещенко

ПРИМЕНЕНИЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Преступность представляет собой негативное социальное и правовое явление, пронизывающее все современные сферы общества. Преступность тесно связана и с другими общественными явлениями, прежде всего с социальными формами патологии (наркотизмом, пьянством, проституцией и пр.). Как на преступность, так и на фоновые явления влияют условия развития общества, его готовность к адекватной оценке сложившейся ситуации и применению методов прогнозирования для ожидания развития ситуаций.

При этом мы не можем рассматривать преступность и преступление (как единичный акт), игнорируя взаимосвязи с личностью преступника и формами поведения человека в контексте всей его деятельности. В этом состоит развитие криминологически значимых явлений. Это процесс, в котором движение носит поступательный характер. Соответственно, не может быть простого воспроизведения того, что уже было когда-то. Количественные изменения при их накоплении, развитии переходят в качественные и порождают новые состояния преступности или состояние личности преступника. Это требует изменения подходов в противодействии преступности или постоянного совершенствования системы мер предупреждения преступности. Соответственно, принимается во внимание взаимодействие внутренних и внешних противоречий. Борьба противоречий служит источником развития соответствующих явлений. Предупреждение преступности – это всегда одновременно устранение негативных сторон и опора на положительные стороны, развитие и поощрение их.

Одним из ключевых этапов данной деятельности является поступательное воздействие на личность преступника (осужденного) с целью минимизации и нейтрализации рисков вторичной криминализации последнего. Особенно актуально данное положение звучит применительно к личности впервые осуждаемого к лишению свободы, когда меры исправительного воздействия несут (или могут нести) максимально положительный эффект.

В этой связи мы можем говорить о применении методов криминологического прогнозирования. В целом криминологический прогноз представляет собой научное предсказание изменений тенденций и закономерностей преступности в будущем, включая изменение количественных и качественных показателей отдельных видов и форм преступности, криминального поведения отдельных субъектов (включая осужденных). При этом прогноз не является простой суммой собранной информации о соответствующем явлении, его прошлом и настоящем, а содержит новую информацию, уменьшающую неопределенность представлений о будущем данного явления, в том числе индивидуальную вероятность криминализации личности.

Роль индивидуального прогнозирования преступного поведения состоит именно в том, чтобы из определенного контингента лиц определить тех, в отношении которых необходимо вести индивидуальную предупредительную (профилактическую) работу, чтобы не допустить совершения повторного преступления, т. е. рецидива (уголовно-правового, криминологического, пенитенциарного или статистического). Особое значение это приобретает в случае применения к осуждаемому лицу условно-досрочного освобождения от дальнейшего отбывания наказания (УДО).

Обращаясь к положениям ст. 90 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК), видим, что законодатель в качестве критериев для применения УДО указывает на качественно-количественные показатели: примерное поведение, доказывающее исправление лица и срок фактического отбытия (ст. 116 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь). Вероятность вторичного совершения преступления фактически никак не учитывается, поскольку это не правовой критерий.

С другой стороны, мы не можем не принимать во внимание возможность приспособленческого поведения осужденным с целью обретения статуса «доказавший свое исправление» и в последующем претендующего на УДО по прошествии, например, не менее половины срока наказания, назначенного судом за преступление, не представляющее большой общественной опасности, или менее тяжкое преступление (ст. 90 УК).

На наш взгляд, вероятность вторичной криминализации может быть учтена при проведении аттестации осужденного. Для этого целесообразно использовать методы индивидуального постпенального криминологического прогнозирования (они могут быть внедрены в работу штатного психолога).

Так, наукой криминологией выработано несколько методов для составления индивидуальных прогнозов: интуитивный, клинический, статистический и целостный. Каждый из них имеет свои достоинства и недостатки.

В этой связи рекомендуется в каждом отдельном случае использовать по возможности большее количество различных инструментариев прогнозирования, чтобы полученные результаты можно было взаимно дополнять и корректировать. При индивидуальном статистическом прогнозировании следует учитывать изучение предыстории преступления (анамнез), дополнительное изучение материалов уголовного дела (приговора суда), характеризующий материал, включенный в личное дело осужденного, клинический анамнез (медицинский), результаты психологических тестирований и обязательные беседы с осужденным, по прошествии которых отражать в документации результат (цели беседы достигнуты, не достигнуты и т. п.).

Стоит отметить, что криминологами установлено: для преступников характерен дисбаланс между самооценкой и требованиями, предъявляемыми к другим лицам. Самооценка у преступников завышена, они склонны к самооправданию, к перекладыванию вины на других лиц; лишь менее $\frac{1}{10}$ части лиц, совершивших насильственные и корыстно-насильственные преступления, искренне раскаивались в содеянном.

Ценностные ориентации, нравственные особенности, присущие преступникам, достаточно специфичны и отличаются от таковых у групп лиц, ведущих устойчиво законопослушный образ жизни. На этом основаны успешные эксперименты по прогнозированию индивидуального преступного поведения с использованием психодиагностических тестов (с достоверностью 80 % и более отнесение человека к группе законопослушных людей; преступников, совершивших преступление под влиянием случайных факторов; лиц с устойчивой антиобщественной социальной ориентацией, неоднократно совершавших преступления).

Таким образом, активное внедрение методов индивидуального прогнозирования постпенального поведения, разработанных наукой криминологией, может быть успешно реализовано с целью составления комплексного и системного прогноза. В свою очередь, прогностические инструментариумы существуют для принятия нормативного решения (например, УДО), обеспечивающего достаточно широкую научную основу для действий в каждом конкретном случае.

УДК 343.9

П.М. Титов

О ПРЕДОТВРАЩЕНИИ И УРЕГУЛИРОВАНИИ ВОЗМОЖНОГО КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ

Законодательно в Российской Федерации предусмотрен порядок урегулирования тех или иных конфликтов интересов, который воплощается в определенной последовательности для государственного гражданского служащего, упреждающие негативные проявления на службе. Способы разрешения конфликтов интересов закреплены в ст. 11 Федерального закона Российской Федерации от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (ФЗ № 273).

Первым способом необходимо выделить обязанность служащего не допускать возникновения конфликтов интересов, с обязательным письменным уведомлением непосредственного руководства.

Вторым способом применять меры по предотвращению или урегулированию конфликта интересов.

Третьим способом выделяется изменения должностного или служебного положения, или даже отстранение от замещающей должности.

Четвертый способ, на наш взгляд, актуальный, основанный на совести государственного служащего, – отказ от выгоды.

Пятый способ менее популярный и малоприменяемый – отвод или самоотвод от обязанностей, если при их выполнении возникает личная заинтересованность.

И шестой способ, являвшийся популярным при вступлении в действие ФЗ № 273, – осуществление передачи служащим паев, долей участия, акций и ценных бумаг в доверительное управление.

Конфликт интересов возможен в силу отступления от конституционных принципов государственной гражданской службы.

В настоящее время типовые ситуации конфликта интересов закреплены Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации. Не перечисляя их, полагаем, следует рассмотреть детальнее и представить свое видение на процедуру урегулирования.

При возникновении ситуации: «выполнение отдельных функций государственного управления в отношении родственников и (или) иных лиц, с которыми связана личная заинтересованность государственного служащего» первоочередное действие будет заключаться в уведомлении своего непосредственного начальника и представителя нанимателя в обязательной письменной форме с указанием деталей ситуации. Примером может служить то, что при оказании государственных услуг государственным служащим в отношении родственников (заявителей), при этом государственный служащий не обладает полномочиями, позволяющими оказать какое-либо предпочтение, то вероятность появления конфликта сводится к минимуму. При этом при уведомлении необходимо получить отметку на двух экземплярах уведомления о том, что само уведомление произведено надлежащим образом и в срок.

При выполнении иной оплачиваемой работы государственному или муниципальному служащему следует первоначально произвести уведомление своего непосредственного руководителя, а также представителя нанимателя в письменной форме. В данном уведомлении необходимо указать в полном объеме информацию по выполнению работы. При этом нужно произвести отказ от выполнения оплачиваемой работы. При ситуации, когда государственный или муниципальный служащий не предпринял самостоятельных действий по решению такого рода конфликта, то этого служащего рекомендуется представителю нанимателя отстранить от исполнения обязанностей.

При возникновении ситуации: принятие решений о закупке товаров, выполнении услуг государственному или муниципальному служащему необходимо уведомить в письменной форме представителя нанимателя и непосредственного руководителя. После уведомления необходимо отказаться от участия в принятии решения. Представителю нанимателя следует заменить данного государственного или муниципального служащего.

При владении ценными бумагами или банковскими вкладами в учреждении, по отношению к которой осуществляются государственным или муниципальным служащим свои функции, ему необходимо в письменной форме уведомить своего непосредственного руководителя, а также представителя нанимателя о данном владении. Данного государственного служащего нужно отстранить от исполнения им своих функций на период решения такого конфликта. При этом целесообразно владение передать родственникам или произвести процедуру отчуждения.

При получении государственным служащим или муниципальным служащим подарков или услуг ему необходимо произвести уведомление своего непосредственного руководителя, а также представителя нанимателя в письменной форме. При этом целесообразно сначала оценить степень вероятности конфликта интересов, и при ее высоком риске рекомендуется произвести временное отстранение данного государственного или муниципального служащего. Не следует также принимать подарки или пользоваться услугами до осуществления возложенных функций или после. Если же подарок или услуга не связаны с выполнением им своих служебных обязанностей, то следует оценить урон репутации государственного учреждения, как следует из работы. При получении подарка или услуги можно предложить государственному или муниципальному служащему произвести расчет стоимости данного подарка или услуги, или вернуть соответствующий подарок. Следует отказаться также от получения подарков от своих подчиненных.

Если конфликт интересов, связанный с имущественными обязательствами и судебными разбирательствами, то государственному служащему вначале следует урегулировать имеющиеся обязательства. При отсутствии возможности урегулировать обязательства следует произвести уведомление непосредственного руководителя и представителя нанимателя в письменном виде с изложением полной картины такой ситуации. В свою очередь, представителю нанимателя необходимо отстранить данного служащего от исполнения возложенных на него функций до устранения данных обязательств или устранения личной заинтересованности государственного служащего. При судебном разбирательстве следует отстранить государственного служащего на время данного разбирательства.

При взаимодействии с бывшим работодателем и трудоустройстве после увольнения с государственной службы государственному служащему необходимо произвести уведомление непосредственного руководителя и представителя нанимателя в письменной форме только тогда, когда порученные ему функции направлены на учреждение, где он ранее работал. Представитель нанимателя оценивает взаимосвязь и

в случае вероятности возникновения конфликта интересов отстраняет государственного служащего от данных функций по отношению к такому учреждению. При этом необходимо учитывать также требования ст. 12 ФЗ № 273.

Нарушение запретов, установленных законодательством со стороны государственного служащего в данных ситуациях, оценивается представителем нанимателя. Учитываются принципы беспристрастности и объективности. При этом, если возникает необходимость, то представитель нанимателя назначает проверочные мероприятия в отношении государственного служащего и по результатам ее проведения, решается вопрос о применении мер ответственности, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

Таким образом, можно подвести итог: конфликт интересов на службе – реальность современных общественных отношений. Необходимо четко и безукоризненно соблюдать все те требования и запреты, которые установлены законодательно на государственного служащего, тогда доверие к государственным органам и государству в целом будет высоким.

УДК 343.8

А.В. Чепрунова

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПНОСТИ

Важнейшая обязанность государства – обеспечить безопасность личности от противоправных посягательств. Однако достичь этой цели невозможно без целенаправленной работы с потерпевшими от преступлений и виктимными категориями лиц, без разработки системы противодействия преступности. Преступления приводят к дестабилизации социальной жизни, затрудняют развитие общества, формируют жертв. Одним из значимых последствий влияния современных условий на человека выступает виктимизация – приобретение виктимности, или процесс и результат превращения социального субъекта в жертву.

Негативный эффект данного феномена проявляется в росте деструктивных социальных практик. Потому изучение виктимности является одним из перспективных направлений криминологической науки и для обеспечения национальной безопасности.

Согласно официальной статистике, преступность в Беларуси в период с 1991 по 2000 г. увеличилась более чем в два раза по сравнению

с предыдущим десятилетием. Тем не менее в последние десять лет, по данным МВД Республики Беларусь, уровень преступности стабилизировался, и даже наблюдается его значительное снижение. По сравнению с другими государствами, Беларусь, с учетом официальной статистики преступности, рассматривается как одна из самых спокойных в криминогенном отношении стран.

Для эффективной борьбы с преступностью, в частности для превенции преступлений, наряду с исследованием личности преступника, причин и условий, которые способствуют совершению преступлений, необходимо подробное изучение личности потерпевшего (жертвы преступления) и факторов, которые могли привести к ее формированию.

Особую методологическую ценность для описания жертв преступлений имеет специальный термин виктимологии – «виктимность». Понятие «виктимность» введено в общенаучный оборот Л.В. Франком и признается большинством криминологов как способность лица в силу ряда социальных, духовных и физических качеств, при определенных объективных обстоятельствах становится целью для преступных посягательств. При этом шанс стать потерпевшим в преступлении распределяется неравномерно.

В то же время Д.В. Ривман подразумевал под виктимностью личности объективно присущую человеку (реализованную преступным актом), но отнюдь не фатальную способность, а «предрасположенность» стать при определенных обстоятельствах жертвой преступления.

Изучая жертву в различных аспектах и ее роль в генезисе преступления, криминологическая виктимология исходит из того, что поведение человека по своей природе может быть неосмотрительным, рискованным, легкомысленным, распушенным, порою провокационным, а следовательно – опасным лично для него самого. Указанные обстоятельства увеличивают подверженность лица преступным посягательствам. В этом плане важное значение приобретают такие характеристики личности, как возраст, пол, социальный статус, выполняемые социальные роли, профессия, готовность действовать в критической ситуации определенным образом, а также окружающая среда, конкретная ситуация, поведение третьих лиц и т. д.

Виктимология стремится рассматривать жертву (формирование жертвы) преступления как активного участника уголовно наказуемого деяния, считая ее одним из субъектов процесса возникновения преступности. Разумеется, при этом речь не идет о каком-либо обвинении жертвы или оправдании преступника, хотя не согласиться с тем, что установление солидарности вины жертвы в каком-то конкретном случае может вызвать соответствующую действительному положению вещей

уголовно-правовую реакцию. Исследование сопричастности жертвы к преступлению служит в большей мере решению задачи развитию способности у потенциальных жертв предотвращать преступления. Есть определенные периоды времени и места, когда и где определенные группы населения особенно часто становятся жертвами тех или иных деликтов. И задача виктимологии состоит в том, чтобы выявить эти периоды и места, информировать об этом данные группы общества с тем, чтобы они могли учесть это и не попадать в виктимогенные ситуации, из которых развиваются процессы виктимизации.

Повышение эффективности виктимологической профилактики невозможно без анализа обширной информации виктимологического характера, позволяющей всесторонне учесть криминологические факторы (как общие, так и характеризующие конкретное преступление). Собранные информация, ее изучение позволяют выявить типичных потенциальных жертв. Безусловно, выявление таких лиц представляет собой сложную задачу, особенно если учесть, что многие лица, уже пострадавшие от преступных действий, не обращаются в правоохранительные органы, формируя тем самым латентную преступность.

Таким образом, предупреждение преступных проявлений относится к числу важнейших и неизменных задач государства и является одним из элементов мониторинга количественных и качественных показателей преступности. В этом важную роль играет одно из перспективных направлений – виктимологическая профилактика.

УДК 343.9

Т. А. Ясинская

О ПРИЧИНАХ И УСЛОВИЯХ НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Насильственная преступность имеет самые разнообразные, специфические причины и условия их возникновения. Ввиду этого она может проявляться в большом спектре общественных отношений. При совершении преступления насилие может быть как элементом, отражающим ценностно-моральные аспекты личности, так и средством достижения ею своей цели. В связи с изложенным особое значение для предупреждения рассматриваемой группы преступлений имеет выявление причин и условий (детерминант) их совершения.

Говоря о детерминантах насильственной преступности, необходимо отметить, что, как правило, совершению рассматриваемого вида пре-

ступлений предшествует девиантное, порицаемое обществом поведение индивида, которое находит понимание в среде общения преступника (родственники, сверстники, друзья и т. д.), которое выступает основой для формирования поведенческих моделей личности преступника. Преступления, имеющие насильственный характер, чаще всего связаны с мыслью о том, что за совершение данных деяний не последует наказание в той или иной форме. Чувство безнаказанности приводит к еще большей агрессивности, что повышает степень его опасности для общества и способствует статистическому росту совершения данных преступлений.

Формирующаяся таким образом мотивация лица обусловлена недостатком осуществляемых мер профилактики, проводимой в соответствии с Законом Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений». В связи с этим увеличение качества и количества проводимых мероприятий, а также детальная проработка мер общей и индивидуальной профилактики правонарушений, содержащихся в вышеназванном законе, будет способствовать снижению количества преступлений, сопряженных с применением насилия.

Однако развитие отклоняющегося поведения не обусловлено лишь вышеперечисленными обстоятельствами. Формирование девиантного поведения человека может быть связано с множеством других причин, которые влияют на указанный процесс. Обстоятельства, способствующие развитию девиантного поведения, условно можно разделить на две категории: внутренние и внешние.

К внутренним факторам относятся врожденные и приобретенные психические отклонения, которые напрямую влияют на поведение человека. В том числе данное поведение может выступать своеобразным элементом мотивации совершения преступления, что является поводом для тщательного его изучения, в целях предотвращения возникновения возможного будущего правонарушения. Но не всегда преступления с данной категорией отклонения совершаются умышленно.

Примерами внешних обстоятельств, играющих немаловажную роль в формировании данного поведения, являются пьянство, побои и мелкое хулиганство, воспитание с малого возраста, имеющее негативный характер и повлиявшее на формирование психики у ребенка, детская безнадзорность.

Семейные конфликты с проявлением чрезмерной жестокости, поощрение родителями поведения, которое не соответствует общепринятым нормам морали, неправильно выбранное, а иногда и вынужденное, окружение формирует отклоняющееся поведение. Недостаток внима-

ния к воспитанию ребенка со стороны взрослых в большинстве случаев может привести к невозможным и необратимым последствиям, способствующим формированию девиантного поведения. Этот процесс, заложение самих основ, норм морали, принципов, начинается еще с детского возраста, когда ребенок только перенимает все установленные обществом моральные устои и поведение. Следовательно, для эффективного предупреждения развития отклоняющегося от общепринятых норм поведения необходимо учитывать индивидуальные качества личности, сам процесс, а также условия их становления.

Помимо изложенного, существует ряд иных детерминант, влияющих на формирование девиантного поведения личности. Например, упадок нравственности и духовности общества, утрата доверия к правительству и политическому курсу реформ, деградация отечественной культуры и в то же время влияние на людей западной массовой культуры с культом насилия и индивидуализма, расслоения общества по уровню жизни их социального достатка. А также прогрессирование научной и технической деятельности в жизни общества, что создает более доступные, не менее эффективные средства воздействия на потерпевших и открывает новые возможности для совершения противоправных действий в отличие от традиционных способов. Таким образом, можно сделать вывод, что уровень насильственной преступности произведен от социальных и экономических условий, в которых общество существует.

Полагаем, для эффективного предупреждения насильственной преступности большое значение имеют:

детальная нормативно-правовая регламентация мер общей и индивидуальной профилактики насильственной преступности, которые должны корректироваться в зависимости от уровня социального и экономического развития общества;

повышение эффективности профилактической работы в семейно-бытовой сфере личности, а также тщательное изучение малых социальных групп, оказывающих влияние на личность.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Адашькова Светлана Борисовна – начальник службы (психологической работы) – психолог факультета внутренних войск учреждения образования «Военная академия Республики Беларусь».

Адолевская Ольга Александровна – доцент кафедры уголовного права и криминологии федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Самарский национально исследовательский университет имени академика С.П. Королева», кандидат юридических наук, доцент.

Бахур Олег Иванович – начальник кафедры уголовного права учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Белов Владислав Иванович – доцент кафедры правоохранительной деятельности, уголовного права и процесса Псковского государственного университета, кандидат юридических наук.

Белова Екатерина Юрьевна – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Псковского филиала Университета ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.

Бякина Светлана Игоревна – преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний».

Василевич Юрий Иванович – начальник исправительного учреждения «Исправительная колония № 14» УДИН МВД Республики Беларусь по г. Минску и Минской области.

Василевская Дарья Дмитриевна – курсант 2-го курса уголовно-исполнительного факультета учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

Вишневская Татьяна Игоревна – старший преподаватель кафедры правовых дисциплин учреждения образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук.

Гаврилюк Михаил Николаевич – старший преподаватель кафедры психологии и педагогики учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

Гайкович Сергей Леонтьевич – заместитель начальника кафедры психологии и педагогики учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

Голостян Юлия Леонидовна – курсант 1-го курса уголовно-исполнительного факультета учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

Гребень Наталья Федоровна – научный сотрудник государственного учреждения «Республиканский научно-практический центр психического здоровья».

Грузинский Дмитрий Владимирович – адъюнкт научно-педагогического факультета учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

Грушин Федор Владимирович – главный научный сотрудник научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний России, доктор юридических наук, доцент.

Гуцко Екатерина Григорьевна – аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купаль».

Дегонский Сергей Юрьевич – начальник научно-исследовательского отдела учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Демидова Оксана Васильевна – профессор факультета внебюджетного образования федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Воронежский институт ФСИН России», кандидат юридических наук, доцент.

Деминская Анна Александровна – преподаватель кафедры административной деятельности учреждения образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

Дрозд Александра Николаевна – доцент кафедры уголовного права учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук.

Духовник Юрий Евгеньевич – доцент кафедры уголовного права учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Жук Александр Анатольевич – преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии уголовно-исполнительного факультета учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

Загорская Анастасия Павловна – студент 4-го курса юридического факультета Белорусского государственного университета.

Земко Никита Дмитриевич – курсант 3-го курса факультета милиции общественной безопасности учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

Зинченко Дмитрий Сергеевич – научный сотрудник научно-исследовательского отдела Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И.Д. Путилина».

Казакевич Светлана Михайловна – доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии уголовно-исполнительного факультета учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Караваева Виктория Анатольевна – старший преподаватель кафедры уголовного права учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук.

Кашиевский Вячеслав Александрович – профессор кафедры уголовного права учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Кашинский Михаил Юльевич – начальник научно-исследовательского отдела учреждения образования «Институт повышения квалификации и переподготовки Следственного комитета Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Кийко Николай Владимирович – начальник кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии уголовно-исполнительного факультета учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Клюева Юлия Сергеевна – юрисконсульт государственного учреждения «Минский научно-практический центр хирургии, трансплантологии и гематологии».

Ключко Римма Николаевна – заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купаль».

Ковальчук Алексей Васильевич – заместитель начальника кафедры уголовного права учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Козелецкая Наталья Ивановна – доцент кафедры уголовного права учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Кравцова Марина Александровна – доцент кафедры экономической безопасности учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Кривенков Алексей Васильевич – начальник штаба Березинского РОВД УВД Миноблсполкома.

Кузьменкова Светлана Валерьевна – доцент кафедры информационного права факультета криминальной милиции учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук.

Кутуков Сергей Александрович – заместитель начальника кафедры организации оперативно-розыскной деятельности Академии ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.

Малевич Евгений Юрьевич – старший госавтоинспектор ОГАИ Барановичского ГОВД Министерства внутренних дел Республики Беларусь.

Мамедов Эльмин Садигович – аспирант юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Марчук Василий Васильевич – профессор кафедры уголовного права учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Маиталер Юрий Федорович – старший преподаватель кафедры уголовного права учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

Медведева Елена Игоревна – заместитель начальника штаба УВД Брестского облсполкома.

Меерсон Владислав Романович – преподаватель кафедры уголовного права учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук.

Нефёдов Илья Олегович – старший инспектор отделения воспитательной работы со спецконтингентом в ИУОТ Департамента исполнения наказаний Министерства внутренних дел Республики Беларусь.

Павленко Денис Алексеевич – начальник отдела воспитательной работы со спецконтингентом в ИУ, СИЗО и ЛТП Департамента исполнения наказаний Министерства внутренних дел Республики Беларусь.

Реутская Елена Александровна – доцент кафедры уголовного права учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук.

Савенок Анатолий Леонидович – заведующий кафедрой уголовного права юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

Сальникова Алла Викторовна – старший преподаватель кафедры экономической безопасности учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

Свило Светлана Михайловна – доцент кафедры уголовного права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Семенюк Дмитрий Петрович – доцент кафедры административной деятельности органов внутренних дел факультета милиции общественной безопасности учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Стальбовский Вадим Викторович – старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии уголовно-исполнительного факультета учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук.

Сулимов Михаил Андреевич – адъюнкт научно-педагогического факультета учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

Сурженко Юрий Александрович – доцент кафедры тактико-специальной подготовки учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Сырокваш Илья Сергеевич – преподаватель кафедры профессионально-прикладной физической подготовки учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

Терешенко Егор Геннадьевич – преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии уголовно-исполнительного факультета учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

Терещенко Татьяна Георгиевна – заместитель начальника кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии уголовно-исполнительного фа-

культета учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Тит Александр Александрович – доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии уголовно-исполнительного факультета учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук.

Титов Павел Михайлович – старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уральского юридического института Министерства внутренних дел России, кандидат юридических наук.

Хомицевич Ирина Геннадьевна – старший инспектор инспекции по делам несовершеннолетних милиции общественной безопасности управления внутренних дел администрации Фрунзенского района г. Минска.

Чепрунова Алина Вячеславовна – соискатель кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии уголовно-исполнительного факультета учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

Шабаль Владимир Сергеевич – доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии уголовно-исполнительного факультета учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Шаченок Дмитрий Александрович – старший инспектор по бытовому и трудовому устройству спецконтингента отдела исправительного процесса исправительного учреждения «Исправительная колония № 12» УДИН по Витебской области Департамента исполнения наказаний Министерства внутренних дел Республики Беларусь.

Шевцов Юрий Леонидович – проректор по учебной работе международно-го университета МИТСО, кандидат юридических наук, доцент.

Щукина Нина Петровна – профессор Самарского национально исследовательского университета имени академика С.П. Королева, доктор юридических наук, профессор.

Ясинская Татьяна Александровна – курсант 1-го курса уголовно-исполнительного факультета учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

Раздел I. Теоретико-прикладные аспекты уголовно-исполнительного права, исполнения наказаний и иных мер уголовной ответственности в Республике Беларусь и за рубежом	3
<i>Адаськова С.Б.</i> Психологическое обеспечение формирования готовности к ведению правопослушного образа жизни у осужденных к лишению свободы	3
<i>Адолевская О.А.</i> Реализация принципа гуманизма и гарантирование прав лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы	6
<i>Бахур О.И.</i> Генезис иных мер уголовной ответственности	9
<i>Белова Е.Ю.</i> Направление женщин, лишенных свободы, к месту отбывания наказания: международно-правовой аспект	13
<i>Бякина С.И.</i> Правовое регулирование воспитательной работы с осужденными к принудительным работам в Российской Федерации	16
<i>Василевич Ю.И.</i> Основные принципы обеспечения безопасности в уголовно-исполнительной системе	18
<i>Василевская Д.Д.</i> Лишение свободы на определенный срок как вид наказания в Уголовном кодексе Республики Беларусь	21
<i>Гайкович С.Л.</i> Трудовая деятельность как основа подготовки граждан к правопослушному образу жизни после прекращения нахождения в лечебно-трудовом профилактории	24
<i>Голостьян Ю.Л.</i> О совершенствовании наказаний в отношении несовершеннолетних	26
<i>Грушин Ф.В., Кутуков С.А.</i> Сокращение количества осужденных в местах лишения свободы – новый вызов для уголовно-исполнительной системы Российской Федерации	29
<i>Демидова О.В.</i> Зарубежный опыт применения электронного мониторинга при исполнении уголовных наказаний	31
<i>Деминская А.А.</i> Об уточнении понятия «скрывшийся с места жительства» в уголовно-исполнительном законодательстве	35
<i>Духовник Ю.Е.</i> Специальные виды освобождения от уголовной ответственности: вопросы совершенствования законодательства	37
<i>Жук А.А.</i> О совершенствовании порядка и условий содержания осужденных, оставленных в следственных изоляторах и тюрьмах для работ по хозяйственному обслуживанию	40
<i>Земко Н.Д.</i> О необходимости социального обследования лица, совершившего преступление	43
<i>Караваева В.А.</i> Конструирование составов преступлений против интересов службы в контексте Стратегии борьбы с коррупцией в Республике Беларусь	45
<i>Кашинский М.Ю.</i> Психические расстройства лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, как факторы, детерминирующие суицидальное и противоправное поведение в местах лишения свободы	48
<i>Кийко Н.В.</i> Совершенствование доступа осужденных к информационной среде	52
<i>Кривенков А.В.</i> Злостное уклонение несовершеннолетних от исполнения принудительной меры воспитательного характера	55

<i>Кузьменкова С.В.</i> О воспитательно-педагогическом воздействии на несовершеннолетних осужденных к аресту	57
<i>Мамедов Э.С.</i> О регламентации в уголовно-исполнительных кодексах стран Содружества Независимых Государств оснований и порядка проведения свиданий адвокатов с лицами, отбывающими лишение свободы	60
<i>Марчук В.В.</i> О замене назначенного судом наказания более строгим	63
<i>Меерсон В.Р.</i> Криминализация действий, дезорганизующих функционирование учреждения уголовно-исполнительной системы (на примере Российской Федерации и Республики Беларусь)	66
<i>Нефёдов И.О.</i> Перспективы создания в Республике Беларусь лечебных исправительных учреждений для осужденных с алкогольной зависимостью	69
<i>Павленко Д.А.</i> Исправительная среда учреждений уголовно-исполнительной системы	72
<i>Реутская Е.А.</i> О необходимости реформирования системы наказаний	76
<i>Свило С.М.</i> Правовое положение женщин в системе уголовного правосудия: обзор законодательства	78
<i>Сурженко Ю.А.</i> Об обстановке в местах лишения свободы Беларуси и принимаемых мерах в первые годы советской власти	81
<i>Терешенко Е.Г.</i> Меры поощрения и взыскания, применяемые к осужденным, и режим: взаимосвязь и эффективность	84
<i>Тит А.А.</i> Актуальные направления совершенствования деятельности общественных воспитателей осужденных в Республике Беларусь	86
<i>Хомицевич И.Г.</i> Особенности исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, в отношении несовершеннолетних осужденных	89
<i>Шабаль В.С.</i> Соотношение уклонения и злостного уклонения от отбывания наказания	92
<i>Шаченок Д.А.</i> О формировании правовой основы социальной адаптации осужденных к лишению свободы на определенный срок	95
<i>Шевцов Ю.Л.</i> Правовое регулирование злостного уклонения осужденного от отбывания наказания в виде общественных работ	97
<i>Щукина Н.П.</i> О научных основаниях становления служб пробации в российском дискурсе	100
Раздел II. Криминологические аспекты борьбы с преступностью и противодействия коррупции	103
<i>Белов В.И.</i> Некоторые вопросы профилактики общественно опасных деяний, предусмотренных ст. 243 Уголовного кодекса Российской Федерации	103
<i>Вишневская Т.И.</i> Взаимодействие личности с социальной средой как детерминирующая система преступного поведения	106
<i>Гаврилюк М.Н.</i> Психолого-криминологические особенности квалификации отдельных уголовно наказуемых деяний, совершенных в экстремальных ситуациях	107
<i>Гребень Н.Ф.</i> Личностные особенности коррупционера	110
<i>Грузинский Д.В.</i> Криминологическая и социальная обусловленность установления уголовной ответственности за посягательства на сотрудников органов внутренних дел и военнослужащих	113
<i>Дегонский С.Ю.</i> Об антикоррупционных нормах в законодательстве о прохождении службы в органах внутренних дел Республики Беларусь	116

<i>Дрозд А.Н.</i> Психологические эксперименты над животными в контексте противодействия наркомании	119
<i>Загорская А.П.</i> Скулшутинг как самостоятельный криминологический феномен	122
<i>Зинченко Д.С.</i> Детерминанты подростковой преступности на железнодорожном транспорте и пути их преодоления	125
<i>Казакевич С.М.</i> Нейтрализация факторов, влияющих на формирование и криминализацию личности экономического преступника, как элемент системы мер по предупреждению преступлений в сфере экономики	128
<i>Кашевский В.А., Сальникова А.В.</i> Понятие и социальная опасность коррупции	131
<i>Клюева Ю.С.</i> О комплексе общесоциальных мер, направленных на предупреждение подростковой преступности	134
<i>Ключко Р.Н., Гуцко Е.Г.</i> Виктимность несовершеннолетних интернет-пользователей	137
<i>Ковальчук А.В.</i> О кримиолого-социальной обусловленности применения принудительных мер безопасности и лечения в отношении лиц, страдающих педофилией, осужденных за совершение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних	140
<i>Козелецкая Н.И.</i> Криминологическая характеристика личности семейного преступника	143
<i>Крацова М.А.</i> Особенности личности преступника, совершившего экологическое преступление	147
<i>Малевиц Е.Ю.</i> О применении специально-криминологических мер предупреждения автотранспортных преступлений	149
<i>Маиталер Ю.Ф.</i> Медицинские осмотры как одна из мер предупреждения посягательств на жизнь новорожденных детей	151
<i>Медведева Е.И.</i> О некоторых тенденциях рецидивной преступности в Республике Беларусь и мерах по ее предупреждению	153
<i>Савенок А.Л.</i> Цифровизация и преступность	155
<i>Семенов Д.П.</i> Социально-психологический механизм формирования личности таможенного преступника	158
<i>Стальбовский В.В.</i> О теории предупреждения преступности против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних	162
<i>Сулимов М.А.</i> Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с преступностью в сфере подготовки и проведения спортивных соревнований	165
<i>Сырокаш И.С.</i> О личности преступника	167
<i>Терешенко Т.Г.</i> Применение криминологического прогнозирования в уголовно-исполнительных правоотношениях	169
<i>Титов П.М.</i> О предотвращении и урегулировании возможного конфликта интересов	172
<i>Чепрунова А.В.</i> О некоторых аспектах виктимологической профилактики преступности	175
<i>Ясинская Т.А.</i> О причинах и условиях насильственной преступности	177
Сведения об авторах	180

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КРИМИНОЛОГИИ,
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ
И ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ**

Международная
научно-практическая заочная конференция,
посвященная 30-летию уголовно-исполнительного факультета
(г. Минск, 11 апреля 2023 г.)

Тезисы докладов

Подписано в печать 05.04.2023. Формат 60×84 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Ризография. Усл. печ. л. 10,93. Уч.-изд. л. 10,77.
Тираж 25 экз. Заказ 71.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/102 от 02.12.2013.
Пр-т Машерова, 6, 220005, Минск.